

Николь Галанина
Меня охраняют призраки

Часть 1

Николь Галанина

Меня охраняют призраки. Часть 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26905444
ISBN 9785448584992*

Аннотация

Четырнадцатилетняя Мелисса, по воле несчастного случая лишившаяся родителей в результате теракта, теперь находится под опекой у Бертрама Эстелла – владельца автомобильной компании и члена одной из самых влиятельных и богатых семей в городе. Всё было бы замечательно, если бы девочку не отличала одна странность – способность видеть призраки близких людей.

Содержание

Пролог. Мелисса	5
Глава первая. Мелисса. Десять лет спустя	9
Глава вторая. Пора изменений	112
Конец ознакомительного фрагмента.	181

Меня охраняют призраки

Часть 1

Николь Галанина

Иллюстратор Светлана Евгеньевна Янева

© Николь Галанина, 2019

© Светлана Евгеньевна Янева, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4485-8499-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Мелисса

Маленькая четырёхлетняя девочка плачет в коляске. Кругом горят рекламные плакаты, кричат люди и слышны выстрелы. Люди в форме пытаются навести здесь порядок, разогнать группу странных дяденек и тётенек в чёрной одежде и масках, с пистолетами в руках. Откуда знать маленькой девочке, что это – террористы, устроившие бойню в самом центре города просто так. Ради забавы.

Но не только это пугает малютку. Она боится вовсе не из-за кричащих взрослых. А из-за того, что она видит, но не может понять.

Её мама, любимая и дорогая мама, лежит на асфальте вверх лицом, и кровь течёт из круглой раны между бровей. Её длинные рыжие волосы слиплись от крови, а в распахнутых остекленевших глазах навеки застыл ужас. Мама не дышит. Одна её рука судорожно сжимает коляску, словно перед смертью Лилия Смирзес делала всё, лишь бы убедить ребёнка. Другая рука покоится в ладони мужа. Алекс Смирзес тоже лежит неподвижно, не моргает и не дышит. Его синяя футболка вся стала красной от крови. Два человека отдали свои жизни ради того, чтобы выжил их ребёнок. Но Мелисса ещё не понимает этого. Она просто громко плачет, не в силах осознать ещё, что мама и папа не упали, споткнувшись, а погибли. Над площадью носятся пули, ис-

пуганные люди пробегают в двух шагах от малышки, но никто не хочет и не может ей помочь.

– Не бойся, – говорит ей смутно знакомый ласковый голос. Мелиса поднимает головку и видит склонившуюся над ней девушку в свадебном платье. Она видела эту тётеньку на фотографиях, что стоят в гостиной!

– Не бойся, – повторяет девушка, и её странно светящаяся рука в белой перчатке треплет Мелиссу по макушке. – Пойдём со мной, хорошо?

Она согласна... Она верит, что эта девушка добрая и не обидит её. Тёплые руки выхватывают девочку из колыбельки, и они постепенно удаляются прочь от площади, не замеченные никем. Мелисса видит позади маму и папу, так и держащихся друг за друга и за коляску. Она начинает молотить женщину по спине и вырываться, не понимая, почему родители не идут с ними.

– Они не вернутся, Мелисса, – в голосе девушки отчётливо звучит грусть. – Но я всегда буду с тобой. Я обещала.

Эти слова успокаивают девочку. Светящаяся тётя в свадебном платье спускает малышку с рук и легонько подталкивает в спину.

– А теперь иди. Иди вон к тому дяде, – и тётя показывает на знакомого Мелиссе человека, со страхом глядящего куда-то поверх их голов, на охваченную ужасом площадь. Девочка не противится. Она охотно ковыляет к дяде, и, уткнувшись носом в его куртку, чувствует, что снова слёзы

бегут по щекам. Встрепанной голосом мужчина спрашивает:

– Мелисса... Почему ты одна? Где... Лилия, Алекс? Нет, за что?!

– Там тётя, – лепечет девочка, указывая назад. Он послушно смотрит туда, но по его глазам Мелисса понимает, что почему-то тётю видит одна она. Девушка в свадебном платье поднимает руку и машет малышке на прощанье. Из её уст вырывается тихий шёпот:

– Я ещё вернусь, Мелисса! – и, лукаво подмигнув, сияющая невеста рассыпается на тысячи золотистых кусочков.

Ветер бросает пыль в лицо Мелиссе. Девочка молча поднимает ладошку и машет исчезнувшей тётке в ответ. Крики на площади постепенно затихли, и перестали свистеть кровожадные пули. Полицейская машина с воем покидает место происшествия. Тела раненых и погибших грузят в специальный автомобиль. Среди них Мелисса видит и своих родителей. Дядя бежит к ним, подхватив малышку на руки, и что-то порывисто объясняет угрюмой тётке в сером костюме. Та равнодушно качает головой. Ей какая разница, сколько трупов просит забрать этот мужчина с сумасшедшим взглядом – два или три? Он представляется другом супружеской четы, требует отдать ему тела на законных основаниях. Это – трагедия, но ей какое дело? В современном мире слишком много проблем, и, если заикливаться на каждой, то можно сойти с ума! Мужчина и девчонка

переживут обрушившийся на их головы кошмар. Малышка всё скоро позабудет, а ему останется лишь терпеть. Таков удел всех людей, что считают себя сильными.

Глава первая. Мелисса.

Десять лет спустя

Громко бьют старинные напольные часы. Девочка, лежащая в постели, вздрагивает и переворачивается на другой бок, раздражённо ворча. Ещё один удар звучит словно в сто раз громче. Она с трудом открывает глаза. Боже, как же хочется спать! Как же тяжело ей даётся победа над дремой в семь часов утра! «Ненавижу школу, – подумала Мелисса и вывалилась из постели на четвереньки. – За что такое наказание?»

В дверь громко постучали. Девочка торопливо накинула халат, набросила на кровать покрывало и крикнула:

– Да, я уже проснулась!

– Удивительно, – ехидно отвечает за дверью дядя Бертрам. – А то я уже принёс сюда ведро ледяной воды.

– Только не говори, что ты снова решил меня так разбудить! – выкрикивает Мелисса, подскакивая к зеркалу. С такими вещами, как позднее пробуждение, Бертрам Эстелл мириться не желает. Возможно, это всё потому, что он сам никогда не может встать вовремя. – Это жестоко! На себя надо смотреть перед тем, как обливать бедного ребёнка ледяной водой!

– Это у тебя наследственная черта характера, – вставил

дядя. – Ты подойди к зеркалу, посмотри на себя. Вылитый я!

– Куда уж там, – пробормотала Мелисса, орудуя расчёской.

У дяди Бертрама волосы черны, как вороново крыло, и глаза тёмно-карего цвета, а она – настоящая рыжеволосая ведьма. Мелисса тщательно начесала чёлку на лоб, чтобы никто из её отвратительных одноклассников не видел низкого уродливого лба, оглядела своё отражение со всех сторон. Замаскировать один из многочисленных недостатков внешности ей удалось. Значит, можно было переодеваться и тащиться на кухню, чтобы потом, как безумной, полететь в знакомую школу городка Литтл-Мэй.

– Ты ещё долго собралась возиться? – нетерпеливо спрашивает дядя. – Не забывай, что тебе пора учиться, а мне – работать. И, вообще, сейчас вся яичница пережарится!

– Интересно, ты когда-нибудь научишься готовить что-то питательнее? – возмутилась Мелисса, натягивая школьную форму. – Пора бы уже! Неудивительно, что у тебя до сих пор нет жены.

– По-моему, мы эту тему уже сто раз обсуждали, – холодно сказал дядя.

Каждый раз, когда Мелисса сетовала на «вечное холостяцкое одиночество Бертрама», тот неожиданно серьёзnel и старался перевести разговор в другое русло.

– Мелисса, выходи скорее! – Бертрам решил отлипнуть от двери и сейчас всю гремел сковородками на кухне. –

Нет, погоди... – остановился он. – Можешь не торопиться к столу – вся яичница сгорела. Молодец, девочка!

– Не ворчи, я уже иду спасать наши желудки, – и Мелисса торопливо слетела вниз по лестнице.

Они с дядей проживали в гигантском частном доме в центре Литтл-Мэя, который достался Бертраму в наследство от его покойной матери, Регины Эстелл. Мама дяди умерла, когда ему было шестнадцать, а папа незадолго до этого бросил всё, включая даже наследственную гордость – корпорацию «Эстелл Эстейшен», производящую автомобили с 1915 года, и переехал жить к своей любовнице, Джилл Санчайз. Таким образом, Бертрам остался единственным владельцем шикарного особняка, новейшей модели машины и счёта в швейцарском банке. Мелисса не понимала, как, обладая такими богатствами, можно жить в захолустном Литтл-Мэе. А уж тем более она не понимала, каким ветром Бертрама занесло в обычную общеобразовательную школу, находившуюся на другом конце города. И зачем в этом же учреждении будет учиться она, Мелисса. Как любил говорить дядя, его фотография и фотографии родителей Мелиссы висели на доске почёта, и он не собирался позволять девочке нарушить семейную традицию. Вспомнив о маме и папе, Мелисса тут же приуныла. Лилию и Алекса Смирзес убили террористы десять лет назад, когда они вышли прогуляться с дочерью по площади. Бертрам прибыл на место происшествия вместе с полицией, но спасти друзей не успел.

Ему удалось забрать Мелиссу из разгоревшегося на площади ада и после долгих скитаний по различным усыновительным конторам оформить опеку над осиротевшей девочкой. Мелисса помнила своё раннее детство – как бы странно это ни звучало. Самым первым её воспоминанием была тёплая улыбка матери и звонкий смех отца. Дальше следовали смутные картинки: счастливые, красивые родительские лица, теннистая аллея, тихая заводь у городской черты, где они любили гулять, и потом – чёткий, не тускнеющий с годами образ светловолосой девушки в свадебном платье, которая привела Мелиссу к Бертраму в день жуткого убийства в парке. Как ни странно, а незнакомку видела лишь одна девочка. Сверкающая невеста не раз являлась ей и позже. Она помогала Мелиссе скрасить одинокие часы в пустом доме, пока Бертрам работал, делала вместе с девочкой домашнюю работу и даже один раз сыграла какую-то грустную мелодию на личном рояле дяди! Она никому не рассказывала о своей таинственной подруге, даже дяде Бертраму. У Мелиссы было такое чувство, будто после раскрытия этой тайны её надолго запрут в психиатрической лечебнице. Поэтому существование сияющей девушки в свадебном платье оставалось секретом. Никто и не знал, что Мелисса встречается с призрачной незнакомкой почти каждый день. Без неё девочка и не представляла своей жизни. Она была совсем не готова к тому, что однажды странная девушка исчезнет. Это стало для Мелиссы настоящим ударом. Она звала призрака уже несколько

недель, но та всё не появлялась. Может, именно потому ей сейчас не до школы и не до дяди Бертрама?

– Ешь быстрее, – приказал он, придвигая к девочке тарелку с хлопьями.

Мелисса на миг удивилась: что, дядя научился готовить другое блюдо? О, нет. Как она могла даже представить нечто в таком роде? Конечно, Бертрам взял упаковку готовой каши и просто залил её тёплым молоком.

– Я и так быстро ем, – прошамкала девочка, со скоростью ракеты поглощая завтрак.

Дядя метался из угла в угол, как тигр по клетке, и то и дело поглядывал на часы.

– Ты можешь идти без меня, – напомнила она. – Я уже достаточно взрослая и могу сама добраться до школы.

– Никакая ты не взрослая, – сурово отрезал дядя. – Всего тринадцать лет.

– Есть же школьный автобус, – взмолилась Мелисса.

Но Бертрам всегда славился своим упрямством. Если он чего-то не хочет – в жизни не заставишь его уступить.

– Я не доверяю никаким автобусам. Едешь со мной, в моей машине. И никаких возражений!

– Ты опять опоздаешь на работу, – напомнила девочка.

Дядя вдруг лукаво подмигнул ей:

– Имею право. Работники привыкли, что я вечно опаздываю. А всё из-за тебя!

– О, ну да, – согласилась Мелисса, поглядывая на часы.

Уже восемь двадцать пять. В стабильности им с Бертрамом нет равных, чего не скажешь о пунктуальности. – «Эстелл Эстейшен» умрут от радости, если ты вообще не придёшь на работу.

– Хватит болтать! – возмутился дядя. – Сегодня я не намерен приезжать в корпорацию на полчаса позже, чем требуется! У тебя сегодня важный учебный день в самой лучшей школе на свете, которая несомненно меня позабудет.

– Дядя, я не хочу учиться так далеко от дома! – взмолилась Мелисса. – Ты решил с каждым годом отправлять меня всё дальше и дальше? И что же ты сделаешь, когда я пойду в старшие классы? Ты вообще отошлешь меня в Хэмптшид?

– До Хэмптшида дело не дойдёт, – пообещал Бертрам, выталкивая девочку из-за стола. – Хотя не помешало бы тебе и там поучиться. Говорят, более века там работает закрытый женский пансион. Как тебе эта идея?

– Никак, – буркнула Мелисса, взваливая рюкзак на плечи. – Я не хочу уходить из дома надолго!

– Домоседка Мел, – и дядя зазвенел ключами, отпирая двери.

Они выскочили в просторный двор, огороженный высоким чугунным забором, и поспешили к автомобилю Бертрама, припаркованному возле запертых ворот. С громким лязгом они распахнулись, и дядя поспешил открывать машину. Они залезли в салон, с негромким урчанием завёлся мотор, и автомобиль на сумасшедшей скорости понёсся по улицам.

Удивительно, но никто не посмел их остановить. Сколько дядя нарушает правила дорожного движения, столько все вокруг закрывают на это глаза. Мелисса заметила:

– Ты проехал на красный сигнал светофора. Будет штраф.

– Ничего не будет, – отмахнулся он. – Я же Эстелл, мне можно. Самый богатый человек в Литтл-Мэе, а ещё безумно обаятельный и привлекательный.

– И холостой, – непримиримо заметила Мелисса.

Дядя снова сморщился, как древний старик.

– Слушай, сколько меня можно этим попрекать? Ты, наоборот, должна радоваться, что никакая чужая тётка не претендует на звание твоей матери и не занимает ванную по два часа. Женщины – ужасные существа!

– Спасибо на добром слове, – прошипела Мелисса с заднего сиденья. Бертрам заметил:

– Я говорю о женщинах, а не о маленьких девочках. Ты никогда не задумывалась, почему все ураганы называют женскими именами?

– Нет. А почему? – поинтересовалась она, уже зная, что Бертрам сейчас снова скажет гадость. Дядя пояснил, ни на секунду не сводя пристального взгляда с дороги:

– Женщины, как и ураганы, вторгаются в твою жизнь стремительно, безо всякого на то разрешения. Уходят они, лишь забрав все деньги, дом, и чувство собственного достоинства в придачу.

– Ты говоришь так, будто за всю жизнь видел одних злоб-

ных тётки, прямо как в кино. Ну, в кроличьих хвостиках, – пояснила Мелисса.

Бертрам подпрыгнул на сиденье. Его лицо, отражавшееся в зеркале, исказилось от ужаса:

– Кошмар! Что за фильмы ты смотришь, пока меня нет дома?

– Самые обычные. Те, что крутят по каналу Санчайзов, – сказала она. – Сэнди Санчайз часто снимается в главных ролях.

– О, узнаю Сэнди, – хмыкнул Бертрам. – Только у неё могло хватить мозгов на такое.

– А ты, что, знаком с ней? – поразилась девочка, подпрыгнув на сиденье.

– Естественно. Она училась со мной в одном классе шестнадцать или семнадцать лет назад. Я уже тогда подозревал, что у Санчайз что-то не в порядке в голове. Я был неправ. У неё там вообще ничего нет.

– Что-то нелестно ты о ней отзываешься, – заметила Мелисса. Огни школы уже замелькали впереди. Дядя хмуро пробормотал:

– А как мне ещё нужно отзываться о женщине, развращающей моего несовершеннолетнего ребёнка?

– Дядя, все девочки в моём классе это смотрят, – возмутилась она. – Почему мне нельзя?

– Потому что ты, в отличие от своих одноклассниц, должна иметь мозги, – машина резко свернула в тесный проулок,

ведущий к школе.

Мелисса едва слышно сказала:

– Но я хочу быть как все! У меня и так нет друзей из-за того, что я слишком странная.

Заметив, что дяде не терпится снова обругать всех тех детей, на которых Мелиссе хотелось равняться, она поспешно замахала руками:

– Я знаю, что ты сейчас скажешь! «Надо показывать хороший пример, а не тупо следовать за остальными», это твоя любимая фраза. Но не все ведь вокруг – враги! У всех моих знакомых есть своя жизнь – прогулки, друзья, развлечения... Одна я остаюсь дома и жду тебя в полном одиночестве. Почему у меня не может быть всё так же, как и у других?

– Если тебе повезло быть особенной, надо этим гордиться, – весело захихикал дядя с переднего сиденья.

Мелисса уныло вздохнула, сжимая ляжку рюкзака. Как же она могла забыть, что Бертрам Эстелл никогда и ничего не принимает всерьёз? С ним даже поговорить, как со старшим родственником, было решительно невозможно.

Отсмеявшись, дядя неожиданно принял взрослый, умный вид.

– Мел, если говорить начистоту: тебя что-то не устраивает в нашей жизни?

– Почему ты так думаешь? – удивилась девочка.

Ту часть лица Бертрама, что виднелась в зеркале, тронула

глубокая задумчивость. Он тихо сказал:

– Если бы тебе всё нравилось, ты не жаловалась бы на свою особенность. Что я делаю не так?

– Нет, ты всё делаешь нормально, – смутилась она. – Мне с тобой интересно и всё такое, но мне нужна компания моих ровесников.

– Ах, да, – саркастически хмыкнул Бертрам. – Я и забыл, что я – всего лишь старый магнат, который не пускает свою бедную племянницу гулять. Мелисса, моих друзей, ТВОИХ родителей, – он тяжело вздохнул, – убили из-за меня. Из-за собственной безответственности я потерял самых дорогих мне людей. У меня никого больше, кроме тебя, не осталось. Я не хочу, чтобы с тобой случилась беда! Поэтому тебе лучше сидеть дома – пока.

– И расти, как цветок в темнице, – уныло произнесла девочка.

Каждое напоминание о родителях было для неё словно нож в сердце. Каково же Бертраму? Он ведь видел смерть её мамы и папы. Он был там! И он их не спас...

– Как цветок в темнице... – прошептал дядя.

Автомобиль скользнул в распахнутые ворота школы, и медленно, плавно затормозил возле крыльца. Бертрам распахнул двери, проворно выскочил наружу и вытащил Мелиссу следом. Едва они вышли из машины, как в школе послышались приглушённые серебристые трели звонка. «Опять опоздала к началу урока, – подумала Мелисса, взваливая

рюкзак на плечи. – Едва войду в класс, все снова начнут надо мной смеяться. Хорошо, что дядя ничего не знает, иначе он мне такое посоветовал бы...»

– Идём в школу, – велел он, хватая Мелиссу за плечо. Девочка разозлилась, едва её привычным движением поймали за лямку рюкзака. Она сердито вырвалась:

– Не хочу! Я не первоклашка, чтобы ты таскал меня в кабинет за ручку!

– Мелисса, мы уже сто раз говорили об этом. Я всё равно буду провожать тебя до самых дверей.

– А я всё равно буду ходить в школу одна! – огрызнулась она.

Мелисса взбежала по ступенькам, резко распахнула двери и зашла в школу, не обернувшись и на миг. Бертрам едва слышно прошипел себе под нос:

– Чёрт бы взял этих женщин...

На дикой скорости чёрный автомобиль Эстелла вылетел со школьной площади.

* * *

В класс Мелисса прибежала лишь спустя десять минут после начала урока. Пыхтя и отдуваясь, она постучала в дверь. Из кабинета раздался мелодичный голос их учительницы английского языка, Мэри Гибсон:

– Да, войдите.

Мелисса осторожно открыла дверь и сунулась за порог. Одноклассники, сидящие за партами, дружно захохотали. Ей

стало стыдно, так стыдно, что лицо вспыхнуло, словно запрещающий сигнал светофора. Девочка прошептала:

– Простите, мэм...

Учительница нахмурилась, оборачиваясь к ней:

– О, мисс Эстелл. Продолжайте славную традицию своего отца, верно? Алекс тоже всегда опаздывал.

– Я просто... проспала...

– Я слышала эти оправдания шестнадцать лет назад, мисс Эстелл. Садитесь на своё место, и прекратите задерживать остальных учеников. Соблюдаем тишину! – прикрикнула она на смеющихся одноклассников Мелиссы.

Девочка повесила голову, чтобы никого лишнего не видеть, и тихо прошла между рядами к своей парте в самом дальнем ряду. Мелисса всегда сидела позади в отчуждённом одиночестве, чтобы никто не мешал ей учиться или бездельничать, если грызть гранит науки становилось тяжело. Впрочем, нахождение вдали от учителя её не расстраивало; напротив, даже радовало. Мелисса сидела так тихо и так далеко, что вызвать её к доске догадывался не каждый преподаватель. Только учительница английского языка была хитра и умна, и провести её было сложно.

Минуты шли за минутами. Госпожа Гибсон объясняла у доски какое-то правило внимательно слушающим ученикам. Мелиссе совсем не хотелось вникать в суть урока. Как часто с ней бывало, она медленно сползла на парту, и, спрятав лицо за волосами, крепко заснула. Девочка почти всегда

проводила так своё время, благо что последняя парта в последнем ряду служила ей отличным убежищем. Возможно, именно из-за страсти спать на уроках Мелисса и была одной из худших учениц в классе? Она никогда не задумывалась над этим всерьёз. У неё существовали другие проблемы, решение которых отнимало столько сил, что браться за учёбу потом не было ни малейшего желания. Девочка снова вспомнила залиvistый смех матери, радостную улыбку отца. Сияющую незнакомку в свадебном платье. И Бертрама... из-за него родителей убили! Столько лет она жила в одном доме с этим человеком, но никогда не считала его виновником гибели мамы и папы. А ведь именно благодаря дяде она теперь – сирота! Как можно был доверять человеку, не сумевшему спасти тех, кто был ему ближе всех на свете? Зачем ему теперь строить из себя хорошего опекуна, следить за каждым её шагом? Ведь всё равно мать и отец не вернутся. Их нет уже десять лет, но каждый день, каждую ночь перед сном она слышит их голоса и смутно различает родные лица. Если бы не дядя Бертрам, Мелисса бы могла общаться со своими родителями, ощущать их заботу. Этот самодовольный старый магнат разрушил всю её жизнь! И не было смысла оправдывать дядю, ведь понятно, что по его вине маму и папу застрелили тогда, на площади Мыслителей. А он ещё говорит, что заботится о ней...

– Мисс Эстелл! – строго сказала учительница.

Мелисса вздрогнула. «Ах, чёрт!.. – пронеслась в голове

мысль. – Ну вот, снова поймали с поличным. Сейчас будет выговор». Мелисса посмотрела на госпожу Гибсон мутными глазами. Та вновь принялась за чтение нотаций:

– Вы спите на уроке! Мисс Эстелл, Вам должно быть стыдно за своё поведение. Вы надеетесь, что к концу семестра получите хотя бы «удовлетворительно», но я в этом сомневаюсь. Вы безответственно относитесь к своим обязанностям. Как я должна оценивать Вашу работу? Из урока в урок мисс Эстелл спит!

Она хмуро уставилась в парту, сдерживая слёзы. Все её одноклассники, повернувшись к девочке, начали громко смеяться вновь. А Мелисса, слушая гневную учительскую отповедь, только зло поджимала губы и украдкой вытирала слёзы, так и рвущиеся выплеснуться из глаз. Пусть ругают, ей всё равно! Она уже привыкла... почти уже привыкла. Странно и обидно было после окружающей её домашней теплоты слышать издевательства и смешки, но она клялась себе, что вытерпит! Вытерпит ведь?

Госпожа Гибсон сделала передышку для того, чтобы вновь глотнуть воздуха. Наконец, не наблюдая за Мелиссой никакой реакции, учительница скомандовала:

– Поднимайтесь, мисс Эстелл. Придётся Вам посетить кабинет директора. Напомните-ка мне, сколько раз Вы уже там побывали?

Чтобы не дать никому повода лишний раз поржать над собой, Мелисса глухо ответила, упорно отказываясь поднять

взгляд на учительницу:

– Четыре, мэм.

– Поразительно, – нервно рассмеялась госпожа Гибсон. – Вы бьёте все рекорды своего достославного отца. Даже Алекс такого себе не позволял. Ни Алекс, ни Бертрам. В кого же Вы пошли, мисс? Ваша мать за всю мою многолетнюю практику ни разу не бывала у директора! Ах, что же Вам рассказывать? Идёмте, мисс! А вы, ребята, – голос преподавательницы оставался всё таким же строгим, – учите правило, написанное на доске. Мисс Эстелл, Вас это на данный момент не касается. Следуйте за мной.

* * *

– Что же, мисс Эстелл, – добродушно скрипел директор, не сводя с неё внимательного взгляда, – Вы не желаете учиться?

Она молчала. Кабинет директора был Мелиссе хорошо знаком. За одни только первые две недели первого семестра девочка навестила его четырежды. И всё это время школьный голова пытался вызвать её на откровенный разговор. Говорят, он работает в школе уже более пятидесяти лет. Все выпускники отзывались с теплотой о господине Мэноксе – о том, кто поддерживал в заведении жизнь все эти годы, о том, кто никогда не кричал на учеников. Хотя Мелиссу приводили «на расправу» не впервые, она не замечала ни единого проблеска недовольства на лице директора, сморщенном, словно старая дикая груша. Она не решилась отве-

тить на задаваемые им вопросы ни в первое своё посещение, ни во второе, ни в третье, ни в четвёртое, ни даже в пятое.

«Меня отругают. Зачем тогда с кем-то разговаривать, если всё равно в итоге на меня накричат?»

Мелисса не видела в проявлении каких-либо чувств смысла, а потому продолжала молчать, сверля злым взглядом столешницу. Пустые споры её участи не облегчили.

– Не желаете, мисс, – как будто удовлетворённо констатировал директор.

Госпожа Гибсон, стоявшая рядом, прибавила:

– И, к тому же, спит на уроках! Не только на моих уроках, сэр, но и на занятиях других учителей.

– Я получаю эти известия довольно часто, – директор покачал головой в знак согласия. – Но мне хотелось бы выслушать мнение мисс Эстелл, прежде чем принимать какое-либо решение. Не могли бы Вы оставить нас на минутку, Мэри? Кажется, Ваши ученики, оставшиеся в классе, уже почувяли волю.

– Ох, точно! Она же дойдёт до класса без неприятностей, верно? – Мелиссе показалось, будто ледяной взгляд госпожи Гибсон пронзает её насквозь.

Девочка угрюмо промолчала, даже не шевельнувшись. Дверь за учительницей с шумом захлопнулась, и она осталась одна в глубоком кресле напротив директора.

«Пусть он меня спрашивает, сколько хочет. Всё равно я не буду отвечать».

– Мелисса, скажи мне честно, что происходит? – доброжелательно поинтересовался господин Мэнокс.

Она упрямо помотала головой и снова впала в оцепенение. «Пусть лучше он посчитает меня конченной идиоткой. Тогда он быстрее отстанет». Директор вздохнул, усаживаясь в своё высокое синее кресло напротив неё. По своей привычке господин Мэнокс соединил пальцы «домиком», приготовившись ждать ответ, даже если ответ так и не прозвучит.

– Мелисса, – собственное имя оглушило её, как сильный удар хлыста. – Мелисса, мы здесь вдвоём. Ты мне что-нибудь скажешь?

– Нет, сэр. – Тихо сказала она. – Нет.

– Скажешь, Мелисса, – вздохнул директор, и с этими словами спорить было невозможно. – Ты удивишься и не поверишь мне, если я по секрету расскажу, что в школьные годы вёл себя как безответственный вандал. Я ненавидел учёбу, ненавидел школу, ненавидел людей. Так продолжалось до тех пор, пока я не перешёл в старшие классы и не задумался, кем хочу стать, что буду делать. Юношеский эгоизм заставил меня работать преподавателем в той же самой школе, где сам я когда-то постигал науки. Знаешь, зачем я это сделал?

– Нет, – Мелисса неприступно сжала губы. – Нет, не знаю.

– Я хотел увидеть выражение лица моих бывших учителей, когда они поймут, что я уже взрослый и самостоятельный, что я их коллега, а не подчинённый. – Господин Мэнокс

на минуту задумался, и весело подмигнул Мелиссе. В руках у него таинственным образом появилась конфета, которую он протянул девочке: – Съешь. Она мятная, очень даже вкусная.

– Не хочу, – девочка резко опустила голову, лишь бы не взять угощение.

Господин Мэнокс немного удивился:

– Как хочешь, Мелисса. Я её сам съем.

Зашуршала вскрываемая обёртка. Директор подбросил конфетку в воздух, и ловким, совсем не стариковским движением поймал её на кончик языка. Миг – и сладость исчезла у него во рту. Мелиссу немного развеселило это зрелище, но всё же не настолько, чтобы она прекратила хмуриться и подняла голову.

Господин Мэнокс вдруг закашлялся, хватаясь за горло. Мелисса испугалась по-настоящему. Стул с грохотом упал, когда она, стремительно, словно ракета, сорвалась с места. Девочка бросилась к директору. Его кожа резко побледнела, затем посинела.

– Сэр! Сэр! – в ужасе закричала она.

Господин Мэнокс схватился за горло. Он гулко сглотнул, и плотный комок, заметный даже с расстояния, вышел из дыхательных путей. Слабая улыбка осветила сморщенное лицо старика.

– Я уже не так хорош, как в молодости, – пояснил он ошеломлённой ученице. – Я ведь когда-то был и фокусником:

разъезжал по улицам Литтл-Мэя с парой таких же безрассудных товарищей, показывая разные трюки публике. Если мы кому-нибудь нравились, нам бросали монеты, цветы и конфеты. Чаще всего конфеты. Может, потому что они были гораздо дешевле? – в блестящих, как у юноши, глазах пожилого учителя промелькнула задорная искорка. – Если мои фокусы раздражали толпу – я получал пару хороших тумаков, и мои товарищи нередко злились на меня из-за того, что вместе со мной влипают в неприятности. Чему нас только не учит улица, да, Мелисса?

«Откуда он знает? Откуда он знает, что я однажды попробовала пообщаться с местными хулиганами и заработала только синяки и царапины? Он не мог... Он просто случайно угадал.

Чего я трачу с ним время? Он же будет меня ругать, как и все остальные учителя. К чему мне с ним разговаривать? Будто бы я не знаю, что всем им только и надо унижить ученика. Желательно дочь того самого проказника, которого они столько лет терпели в этой школе. Они же знают, что я не стану жаловаться дяде.

Потому что я и сама не идеальна. Я делаю много того, что делать нельзя. И не только в школе. Если все мои тайны вдруг раскроются... об этом и подумать страшно».

– Конфета опять не с тем вкусом, – пожаловался директор. – С каждым годом моё зрение ослабевает! Без очков я уже не могу различить название сладости. Я чуть не подсу-

нул тебе лаймовую конфету.

– БЕЕЕ!!! – одновременно скривились они.

Мелисса сразу прижала ладони к губам и склонила голову к груди ещё ниже, чем раньше.

– Так ты не хочешь мне ничего больше рассказать? – поинтересовался господин Мэнокс. – О школе... или ещё о чём-нибудь? Мы начнём учиться, Мелисса, или нет?

– Не знаю, сэр. – Она наконец-то сумела расслабиться. – Это будет слишком сложно...

– У дочери таких людей, как Лилия и Алекс, не возникнет проблем с учёбой.

– На мне природа должна отдохнуть, сэр. – Только непревзойдённой актрисе удалось бы так холодно и безразлично отозваться о себе, своих погибших родителях...

– Хочешь в этом убедиться – иди на занятия, – и дверь распахнулась перед нею.

* * *

Три позорных урока прошли в полной тишине. Она спиной ощущала на себе взгляды одноклассников, слышала их злобное перешёптывание. Изредка в неё врезались кое-как скомканные бумажные шарики, но Мелисса не торопилась их разворачивать. И так понятно, что там будет. Очередная ерунда вроде «Эй, Эстелл, а ты долго собралась учиться в нашей школе? Мы-то думали, что тебя уже выгнали! Знаешь, без тебя здесь станет гораздо лучше и чище». Девочка отпихивала записки в сторону.

«Пусть пишут, сколько им влезет. Это значит, ячто я выше ний, раз не опускаюсь до такого уровня.

Но ведь я – жертва, а они – охотники.

Или всё-таки наоборот? Они же просто надо мной издеваются!»

Все те годы, что Мелисса провела в школе, ни одного друга, даже нейтрально настроенного незнакомца, на горизонте у неё не показалось.

«Эй, – возмутился внутренний голос, – Эстеллы и Смирзесы себя так не ведут! Они всегда дают сдачи! Твой папа прославился тем, что в двенадцать лет не побоялся ударить по лицу выпускника, придиравшегося к нему без повода! Учителя всё время твердят, что ты пошла в своего отца; так не значит ли это, что пора бы уже сделать сходство не просто очевидным, а поразительным?»

Прозвенел звонок. Наступал час обеда. Школьники собрались в буфете или в столовой, те из них, кто жил на соседних улицах, поспешили домой. Одна Мелисса, как обычно, осталась одна на ступеньках возле главного входа. Впереди безрадостно маячили ещё шестьдесят минут беспросветной тоски и серой скуки, стопки учебников и надоевшие рожи одноклассников.

«И почему мне нельзя учиться в элитном пансионе в Хэмптшиде? – задумчиво спросила себя она, присаживаясь на ступеньки и крепко зажмуриваясь. – Прав был дядя – лучшим решением было бы уехать в другой город. Зря

я с ним не согласилась. В Хэмптшиде хотя бы спокойно, тихо... только слишком далеко от дома».

– Скучаешь, Эстелл?

– Пит, а ты настолько тупой, что сам этого не замечаешь? – поразилась она.

Прыщавое лицо старшеклассника Питера Эндерсона, единственного, кто хотя бы не ржал во время её коллективной травли, тут же угрюмо перекошило.

– Я просто спросил... Что вы за чудовища инопланетные?

– Кто – «вы»? – мрачно спросила Мелисса.

Эндерсон моментально ответил, будто ответ давно вертелся у него на языке:

– Девчонки. Настоящие дети внеземного разума. Кто вас поймёт, а? У вас вечно что-то не так, даже если всё идёт отлично.

– Тебя бросила твоя очередная девушка, – догадалась Мелисса. – И как её звали, я уже забыла? Памела, что ли?

– Пайпер, – поправил её Питер. – И это не она меня бросила, а я – её.

– Если ты это сам сделал, зачем тогда убиваешься? – искренне удивилась девочка.

Эндерсон пожал плечами и присел на ступеньки рядом:

– Сказать честно? Я не знаю. Просто проявил мужскую гордость и сделал это раньше неё. Если бы она бросила меня первой, все стали бы говорить с её подачи, что я – слабак.

– Ох, как же всё это трудно! – саркастически хмыкнула

Мелисса. – Неужели в ваших отношениях действительно так тяжело выжить и не сойти с ума? Если ты фактически воюешь с Пайпер, это значит, что она тебе не подходит. Зачем ты что-то начинал, если не видел с ней будущего?

– Ты такая маленькая, что не поймёшь, – Эндерсон закинул ногу на ногу и выудил из кармана сигарету.

Мелисса грозно взглянула на него и изогнула бровь:

– Питер! Ты же бросил?

– Когда так паршиво, не могу сдержаться, – парень тяжело вздохнул и сунул сигарету назад в карман, но девочка успела перехватить его руку в воздухе.

Усталые и ко всему безразличные тёмные глаза Питера округлились:

– Мел! Что ты делаешь?

Она разорвала сигарету на две части. Эндерсон вздохнул так, будто у него в груди не осталось больше воздуха, и тут же обмяк.

– Ты вот так бросил? – злобно спросила она.

– Ты... ты... – беспомощно лепетал парень. – Это же была... это была моя последняя сигарета! Как я буду снимать стресс, маленькое чудовище? Что я буду курить, чёрт возьми?

– Ничего ты не будешь курить. – Мелисса решительно швырнула сигарету в мусорный бак – Перебьёшься. Если бы директор поймал тебя здесь, тебе пришлось бы гораздо хуже.

– Ничего со мной не случилось бы, – хмыкнул Эндерсон. –

Я уже привык к постоянным выговорам отчима.

– При чём тут отчим? Я о школе говорю.

– Выгнал бы меня господин Мэннокс, я бы не рассыпался на куски, – Питер пожал плечами. – Я всё равно уже оканчиваю школу.

– Ага, в этом году у тебя A-levels, а без них ни в одно нормальное высшее учебное заведение не пустят. – Мелисса отбросила чёлку со лба и взгляделась в хмурое осеннее небо.

Питер покопался в мешковатых карманах в надежде найти новую сигарету:

– Плевал я на A-levels. Сдам экзамены плохо – ничего со мной не станется. Я не хотел быть ботаником, никогда в жизни.

– Разве ты хочешь расстроить свою мать?

– Ты шутишь? – Эндерсон презрительно фыркнул. – Да ей наплевать на меня. Она уже лет пять светится, как новый пятак из-за брака с моим отчимом. Ей нет никакого дела до моих проблем.

– Не думай так, – тихо сказала девочка. – Она любит тебя. Ты тоже должен сказать ей это.

– Ничего я никому не должен! – взвился Эндерсон. – Ты слишком маленькая и глупая; ты не можешь знать, что творится у нас в семье! Ты даже близко к нашей ситуации не подходила! У тебя есть твой опекун, богач Эстелл, который души в тебе не чает, а у меня есть мать и отчим. Причём они оба были бы рады, если бы я навеки исчез из их жизни.

Я же для них странный. Ну, типа, ты понимаешь: не такой, как остальные, и всё в этом духе.

Мелисса обвела сидящего рядом с ней Питера придирчивым взглядом. Да, он действительно был странным, непонятным. Они оба выделялись из толпы. Она – своей необщительностью и угрюмостью, а он – необычным внешним видом. Возможно, даже внутренним. Но она не знала его настолько хорошо, чтобы иметь возможность судить об этом. Пит был другим, и, наверное, поэтому у него тоже никогда не было постоянной компании.

– И я не такая, – после небольшого молчания сообщила она.

– Два одиночества, – хихикнул Питер. – Слушай, может, тебе тоже стать неформалкой?

– То есть?

– То есть тоже полюбить тяжёлый рок, мрачную одежду, ночные прогулки, научиться презирать любые правила. Это весело.

– Мне не кажется весёлым тратить свою жизнь так, как ты мне предлагаешь, – твёрдо отказалась Мелисса.

– Эстелл, а как ты тратишь свою жизнь сейчас? Целый день сидишь дома, смотришь телевизор и ждёшь своего опекуна, который может явиться только поздним-поздним вечером! Думаешь, ЭТО – жизнь? Со мной у тебя бы появилось больше интереса к этому миру.

– Спасибо, но мне его и так хватает.

– Ах, да, я же забыл. Ты у нас не можешь наплевать на запреты, потому что тебе слабо, – Питер помолчал. Пару секунд спустя он прибавил: – И ты ещё слишком мала для того, чтобы быть неформалкой. Подожди пару лет. Вот, когда тебе исполнится пятнадцать, поговорим на эту тему.

– Когда мне будет пятнадцать, ты моего имени не вспомнишь.

– Почему ты так думаешь? – Эндерсон тяжело вздохнул.

– Ведь ты уже окончишь школу. А я останусь учиться. У тебя появятся новые друзья. С ними будет интереснее, чем со мной, – Мелисса взглянула вдаль, на закрытые школьные ворота. Питер возразил:

– Почему это?

– Потому что у меня уже такое было. Когда я была совсем маленькой, дядя позволял мне немного гулять. И я познакомилась с одной девочкой, которой тоже было одиноко. Мы обменивались игрушками, возились в одной песочнице, даже собирались пойти в одну школу. Но потом эта девочка познакомилась с каким-то мальчиком, с которым ей было интереснее общаться, чем со мной. Меня оставили одну...

– Это было сотню лет назад, – отмахнулся Питер. – Тогда вы были совсем маленькими. С чего бы мне просто так начинать дружить с кем-то ещё?

– Я не знаю, Питер. Я ничего не знаю. И ты не дружишь со мной. Тебе тоже плевать на всё, что происходит в моей жизни. Если над Мелиссой поржали её одноклассники, Пи-

тер не станет вмешиваться, нет! Может, потому, что ты на самом деле тоже боишься нарушить правила?

– Не поэтому, – Пит горько рассмеялся. – Ты будешь подкалывать меня, когда узнаешь, что ты для меня скорее ребёнок, чем друг. А наши дети должны быть сильными. Ты сама можешь справиться со всеми своими проблемами, если ты этого захочешь.

– Думаешь, я не хочу? Да я мечтаю однажды проснуться совершенно обычной девчонкой!

– Вот именно. Ты мечтаешь, но ты ничего не делаешь, чтобы сделать мечту реальностью, понимаешь?

– Нет, не понимаю, – она отвернулась, демонстративно втыкая в уши наушники. – Если бы ты был моим другом, ты реально помогал бы мне, а не стоял в сторонке и качал головой.

– Эстелл, ну-ка, погоди! – закричал он, вырывая провод от наушников из её телефона.

В воздухе разнеслась негромкая музыка – «Лунная соната» Бетховена, Мелисса любила слушать её, когда на душе становилось так плохо, как теперь. Едва раздался первый звук, она дико покраснела и остановила запись. Питер встряхнул её за плечи, грозно глядя в глаза:

– Эстелл, объясни-ка мне, что означает «реально помогать». Я, что, должен был один подраться со всеми этими хулиганами, потом поднять тебя на руки, как младенца, усидеть за парту, а самому нависнуть у тебя над плечом? Всех

посылающих на тебя людей награждать тумачами? Ты этого хочешь? Я обязан буду и в университете или колледже тебе помогать?

– Нет, – она закрыла глаза, лишь бы не видеть его лица. – Но иногда ты ведёшь себя так, будто меня вообще не существует.

– Ты существуешь.

– Я и сама это знаю. Вот именно, что существую, а не живу, – протянула она.

– Эстелл, хватит уже! – Питер оскалился на неё, будто бы разъярённый волк. – Хватит жаловаться на свою жизнь! Поверь, в сравнении с жизнью многих моих знакомых, да даже с моей, она – рай на земле! Перестань ныть! Ты совсем слабачка, как я погляжу!

Она не стала спорить. Но в душе её разгорелось азартное желание доказать Эндерсону, что Мелисса Эстелл не такая хлипкая плакса, какой её все кругом считают. У неё созрел один чертовски коварный план...

* * *

– Эй, Эстелл! – привычный крик раздался, стоило Мелиссе переступить порог классной комнаты на перемене.

Все её враги, будто назло, были здесь и изнывали от желания поиздеваться над кем-нибудь. Невезение всюду сопровождало Мелиссу; не оставило и на этот раз. Под руку скучающим одноклассницам подвернулась она, поэтому ей оставалось только ожидать новой волны насмешек. Мелисса по-

старалась сделать равнодушное лицо, чтобы не спровоцировать девочек, но было уже поздно.

– Эй, Эстелл! – Барбара Мэллой, отличница и спортсменка, развалилась на парте, раскинув руки в стороны. – Эстелл, а ты знаешь, о чём мы сейчас говорили?

Три девчонки, лучшие подружки Барбары, злодейски захихикали. И без слов было понятно, кого на сей раз их дружная компания сплетниц выбрала в качестве объекта для обсуждения. Мелисса гордо вскинула подбородок, и, печатая шаг, проследовала к своей любимой последней парте. Она бросила сумку на стол (раздался глухой стук) и повернулась к Барбаре с её свитой.

– Дайте угадать. Думаю, это была я.

– Умница, детка, – заржала тощая брюнетка Джессика Лоуренс. – Какой у тебя развитый интеллект!

– По крайней мере, более развитый, чем у тебя, – парировала Мелисса, вынимая из сумки учебники.

Лоуренс замолчала, от удивления выпучив рыбы глаза, и выронила тюбик с губной помадой, который ей одолжила ещё одна девчонка из компании, Лили Грейвз, учившаяся на пару классов старше.

Барбара пришла в себя первой. У неё, напоминавшей хрупкую гипсовую статуэтку, щедро расписанную косметикой, всегда находились в арсенале ответные насмешки. По бледному лицу Барбары протянулась змеиная улыбочка.

– От кого только я это слышу? От тебя, Эстелл? Эстелл,

да тебя из школы скоро отчислят! Уж кто бы говорил об интеллектуальных способностях!

– Глупый зубрёж не делает тебя лучше. – Мелисса устремила на Барбару самый свой злой взгляд.

Мэлой, кажется, даже немного впечатлилась. Но это не заставило её умолкнуть.

– Видимо, ты и выползала на тройки благодаря этому методу. А потом он перестал действовать. Видимо, потому, что ты резко отупела.

– Уж кто никогда не была умной, так это ты! Я видела, сколько репетиторов ходит к тебе домой! Эту армию могут только богатые семьи оплатить. Жаль мне твоих маму и папу – что за деградировавшее чудовище им досталось! – Мелисса притворно вздохнула.

Мэлой стала цвета обгоревшей на солнце редиски:

– А ты... а ты вообще – сирота! Тебя взяли просто потому, что твой дядя славится своими странностями! Ведь ты знаешь, что он уже четырнадцать лет ходит на могилку к своей невесте, которую по его вине убили? А твои родители тоже особыми талантами не отличались! Только что наглостью своей! И ты в них пошла, мне папа всё рассказал!

Мелисса не нашлась, что ответить на это. Она просто показала обидчицам язык и села за парту, задумчиво нахмурившись. Какие странные слова... интересно, что они могут значить? Девочка понятия не имела, куда ходит дядя после работы. Она полгала, что Бертрам Эстелл до позднего вече-

ра торчит на работе в своей автомобильной компании! Выяснить, правда ли это, девочка не собиралась. Да и зачем ей это было нужно? Но после слов Мэллой Мелисса захотела проверить, что же всё-таки делает дядя после работы и действительно ли он ходит на кладбище. Литтл-Мэй – город маленький, что ясно из названия. Получить ответ на свои вопросы было не так сложно...

* * *

Она возвращалась домой пешком – как обычно. Школьный автобус Мелисса старательно игнорировала, как и любое замкнутое пространство. В этой машине слишком много тех, чьи лица, голоса и жесты её раздражали, а одно присутствие или ненароком брошенный взгляд приводили в бешенство. К тому же, в автобусе не получилось бы поговорить с девушкой в длинном белом платье, которую видела только она. Удивительно, но призрак вернулась! Она снова была здесь, рядом с Мелиссой, как будто и не существовало тех недель, что они провели вдали друг от друга. Девочка попыталась прикоснуться к руке подруги, но не смогла. Её ладонь прошла сквозь сверкающую белую перчатку и коснулась шершавого древесного ствола.

– Я думала, ты больше не придёшь, Джинни, – сказала она с грустью в голосе.

Та задорно рассмеялась, откидывая назад длинные блестящие волосы:

– Но ведь я пришла! Не спрашивай, где я была. Тебе луч-

ше не знать об этом, – она нервно прикусила губу. Мелиссу это не остановило:

– У нас нет секретов друг от друга! По крайней мере, у меня нет... Я всё тебе рассказываю.

– Далеко не всё, – Джинни погрозила ей пальцем. – Ты хочешь проследить за Бертрамом.

– Неправда! – воскликнула поражённая Мелисса. В голове её крутилась назойливым волчком мысль: «Как она узнала? Откуда? Я ей этого не говорила!». – Ну, может быть... чуть-чуть...

– Лучше не следи за ним. Это не принесёт счастья ни тебе, ни ему, – и Джинни растаяла в воздухе, как всегда бывало, едва другие люди подходили слишком близко. Мелисса успела лишь простонать:

– Джинни, не уходи!..

– Что, Эстелл, разговариваешь с деревом? – издевательским голосом пропела Барбара Мэллой.

Мелиссе казалось, что сейчас из её ушей столбом повалит пар. Четыре подружки стояли вокруг неё, уперев руки в бока и сияя наглыми усмешками. Мелисса хрипло закричала:

– Отстаньте от меня! Неужели вам ещё не надоело издеваться надо мной?

– Нет, не надоело. Ты же ненормальная; ты не такая, как все. – Слова, которые дядя произносил громко, гордо и уверенно, в устах Барбары показались очередной насмешкой.

Мелисса вдруг вспомнила высказывание своего опекуна:

«Если тебе повезло быть особенной, надо этим гордиться». И выпалила его, даже не задумываясь о последствиях. Лицо Джессики Лоуренс искажилось:

– Ура, она сама признала, что её давно пора сдать в психушку. Люблю искренних людей.

– Зато ты никогда не скажешь, что ты – первостатейная дура! – резко бросила Мелисса. – Потому что у тебя смелости не хватит это признать! Ты всё повторяешь за Барбарой; у тебя ни разу в жизни не рождалась в голове ни одна идея!

Не слушая, что взбешённые одноклассницы кричат ей вслед, Мелисса развернулась и кинулась прочь. Подошвы её ботинок гулко стучали по мостовой.

* * *

– И зачем ты это сделала? – уныло спрашивала её Джинни, сидя за роялем.

Светящиеся пальцы пробежали по клавишам, и один гулкий низкий звук разнёсся по залу.

– А зачем ты играешь на дядином рояле? Он даже мне этого не разрешает!

– Я ещё не играла, – возразила Джинни. – И ведь он об этом не узнает.

– Всё это равно это нехорошо, – Мелисса забралась на диван с ногами. – Мы же нарушаем правила.

– И ты нарушаешь. Ты обещала, что исправишься и возмёшься за учёбу.

– Но это невозможно!

– Всё возможно... Возможно всё, если даже мама и папа обещали прийти к тебе, – Джинни вздохнула и почесала голову. Мелисса подскочила на месте и поспешно переспросила:

– Что? Родители обещали прийти ко мне? Серьёзно?

– Серьёзнее не бывает. Сегодня в полночь они будут здесь. – И её призрачная подруга с громким хлопком исчезла.

«Сегодня в полночь...». Девочка всё ещё не могла этому поверить.

«Неужели я впервые за долгие годы увижу лица мамы и папы? – потрясённо раскачиваясь в кресле, переспрашивала она саму себя. – Джинни не солгала мне, не подшутила надо мной?»

Ой, что это я такое думаю? – пальцы крепче сжали растянутый подол кофты. – Джинни – моя единственная и лучшая подруга, зачем ей мне лгать?! Нельзя себя так вести, Мел. Не стоит бояться, дрожать и сомневаться. Ведь совсем скоро я смогу увидеть... тогда исполнится моё заветное желание...

И тогда всё будет по-другому».

* * *

Как Мелисса ни старалась, она не могла усидеть на месте от волнения. Казалось, что стрелки часов ползут вперёд с ужасающей медленностью! Не зная, чем заняться, девочка выполнила домашнее задание, выучила правила, даже начала готовиться к контрольным... Но, когда она подняла взгляд

на часы, не было ещё и половины седьмого!

«Если я останусь здесь ещё хотя бы пару минут, то сойду с ума, – подумала она. – Я поеду на работу к дяде! Он будет ругать меня, но так я хотя бы убью время...»

Решение было принято; отступить не имело смысла. Она тихонько выскользнула из дома, звеня ключами в кармане. Да, Бертрам Эстелл пришёл бы в ярость, даже если бы она принялась покаянно объяснять, что чувствовала себя одиноко. «Он, похоже, вообще меня не понимает, – мрачно подумала Мелисса. – Да и понимал ли когда-либо?»

Накинув глубокий капюшон куртки на голову, Мелисса стремительно шагала вперёд. Она крайне редко оказывалась одна на открытом пространстве, и сейчас все эти люди, уличный шум, выхлопные газы машин пугали её. Она не привыкла к большому скоплению народа, периодически больно вонзающимся в тело локтям соседей по автобусному салону, постоянным разговорам пассажиров вполголоса...

Было бы хорошо, если бы дядя всегда был дома. Ей бы не пришлось бродить в одиночестве по Литтл-Мэю и искать его. Но ведь ещё пришлось бы терпеть его постоянное присутствие. Знать, что это он виноват в гибели её родителей.

Хорошо, что Эстелла почти никогда не бывает дома. И ей легче, и ему. Не приходится содрогаться от злости при мимолётном воспоминании о нём. О том, что он мог бы сделать, но не сделал. Обо всех упущенных возможностях. Наверное, эта жизнь всё-таки по-своему хороша.

«Не стоило бы мне искать дядю, отвлекать его от работы, – озадаченно поняла Мелисса, останавливаясь. Он же всегда злится, если я мешаю ему командовать в корпорации.

Значит, у меня остаётся единственный вопрос: какого чёрта я тогда сюда пришла?»

Перед нею раскинулось во всей своей ультрасовременной красоте здание дядиной корпорации – «Эстелл Эстейшен», автомобильная компания, работающая в Литтл-Мэе уже более шестидесяти лет. Дядя унаследовал её от отца, номинального хозяина этих владений. Но на самом деле всем заправляла Регина Эстелл. После её смерти компания каким-то образом перешла по наследству к Бертраму, которому и принадлежала вот уже семнадцать зим. Мелисса подняла голову. Восемнадцать этажей, куча кабинетов и лифтов, суetyащиеся повсюду работники и письменные столы, уставленные компьютерами и заваленные бумагами, – именно такой девочка запомнила корпорацию в день своего первого и последнего визита сюда. Тогда дядя накричал на неё и отправил домой, а по окончании рабочего дня устроил ей форменный разнос. Но тогда Мелиссе было всего девять, а сейчас ей было почти четырнадцать. Девочка расправила плечи и решительно шагнула к воротам. Путь ей сразу преградил охранник с металлоискателем.

– Кто? – односложно спросил он.

– Мелисса Эстелл, я пришла к дяде, – слабо пискнула она, чувствуя, как сердце камнем мчится в пятки.

Охранник сердито насутился, словно вспоминая их последнюю встречу, хотя она и не могла с уверенностью сказать, что в прошлый раз видела на входе именно его.

– Предъявите документы.

– А карточка члена клуба любителей животных подойдёт? – робко спросила она.

Мужчина угрюмо буркнул:

– Нет. Прошу Вас удалиться.

– Нет так нет, – тяжело вздохнула Мелисса.

Отойдя от корпорации на внушительное расстояние, она села на лавочку и от скуки принялась болтать ногами. У неё не оставалось иного выбора, кроме как ждать дядю. А он, едва заметит свою воспитанницу одну посреди враждебно настроенной толпы, так сразу же закатит скандал. Но Мелисса привыкла к этому. Бертрам Эстелл никогда не считал её самостоятельной; он всегда ограничивал её свободу, и Мелисса, становясь старше, всё чаще задумывалась, не стоит ли отбросить в сторону все его скучные правила.

Проходили долгие утомительные часы. Солнце уже клонилось к горизонту, а Мелисса всё сидела, терпеливо ожидая Бертрама. К этому времени у неё в голове уже созрела блестящая идея. К чему выслушивать кучу унылых упрёков, когда можно поступить так, как ей хочется? Например, проследить за дядей: куда он ходит, с кем общается после работы? Наверняка в ходе небольшого расследования, к тому же, это было намного интереснее, чем сидеть на одном

месте и бездействовать. Ведь до полуночи, до встречи с родителями, оставалось ещё невообразимо много времени...

Вдалеке хлопнула дверца автомобиля. Она подскочила на месте и напрягла зрение, стараясь понять, что происходит во дворе корпорации. Дядя вышел из здания, потянулся, осмотрелся и торопливо спустился по лестнице. Удивительно, но он проигнорировал свой автомобиль, горделиво стоявший на парковке. Быстрым шагом глава Бертрам подошёл к какому-то ожидавшему его высокому мужчине мрачного вида. Пара отрывистых жестов, и вот уже знакомый Бертрама садится за руль машины и выезжает на дорогу.

«Ага, – начиная чувствовать себя настоящим детективом, весело подумала Мелисса, – значит, дядя решил попросить одного из своих друзей отогнать автомобиль в гараж. Но зачем? Гораздо проще было бы доехать самому!»

Впрочем, какая мне разница, что происходит у дяди в голове? Главное, он пойдёт пешком, и мне будет гораздо легче его выследить. Ну... если только он не будет идти так быстро»

Девочка поднялась с лавочки. Она ощущала себя агентом ФБР на сверхсекретном и сверхопасном задании: стоит только разок выделиться из толпы – и враг уже тебя заметил. Мелисса смешалась с идущими ей навстречу людьми, ни на секунду не сводя взгляда с чёрного плаща дяди. Они проходили квартал за кварталом, не сбавляя темпа. Мимо проносились одна многоэтажка за другой; приветливо мигали огни

магазинов, но Эстелл и не думал останавливаться. Мелисса ломала голову, что же вообще сейчас происходит и куда они идут. Дядя вывел её на глухую лесную дорожку, сделал невероятный крюк и вновь вернулся на оживлённую городскую трассу.

«Он, что, решил просто прогуляться пешком?» – в отчаянии подумала Мелисса. Она начинала уставать и задыхаться, а Бертрам Эстелл, казалось, только наслаждался своим затянувшимся моционом. Полы его длинного осеннего плаща трепетали на ветру, а шаг оставался таким же энергичным.

«Так я и знала! – обречённо подумала Мелисса и мысленно упрекнула себя: – Нечего было верить этой завистливой курице Мэллой и её гадким сплетням!»

Она остановилась на секунду, чтобы перевести дыхание. Между тем дядя свернул куда-то между цветочной лавочкой и антикварным магазином, в узкий и грязный проулок.

«Я же его потеряю! И сама потеряю потом! – она похолодела от ужаса. – За ним!»

Мелисса бросилась бежать. Она начинала догадываться, куда дядя идёт. Места здесь уже становились знакомыми: чахлые деревья, унылый, неровно подстриженный газон возле приземистых домиков. Из мусорных баков отчётливо чем-то воняло. Мелисса зажала нос и рот рукой и поспешила следом за мистером Эстеллом. Тот ускорил шаг, почти перейдя на бег. Мелисса неслась в паре метров позади едва заметной рысцей. Чем дальше они продвигались, тем больше

прояснялась картина.

Бертрам Эстелл остановился. Мелисса тоже. Она запнулась на полушаге, случайно тронув ногой какой-то камушек. Тихий шелест тут же привлёк внимание дяди. Он резко обернулся, настороженно приподняв плечи. Мелисса мгновенно метнулась в тень невысокого бука, и, прижавшись к его стволу, затаила дыхание. Дядя ещё несколько секунд пристально осматривал местность. Но, не найдя того, кто мог бы его потревожить, он отвернулся и снова вгляделся вдаль. Мелисса осторожно высунула нос из-за букового ствола. Она читала про себя ту же надпись, что и дядя сейчас. «Кладбище Литтл-Мэя», – пронеслась мысль в голове. Дядя вошёл, решительно переступив через порог, отделяющий мир живых от мира мёртвых. Девочка много раз навещала это кладбище, ведь здесь были похоронены её родители. Но Эстелл никогда не ходил на могилу к Лилии и Алексу без неё... Почему же он сделал это сейчас?

Девочка осторожно ступала по каменной дорожке. Всюду её окружали надгробия: большие и маленькие, старые и новые, богатые и бедные, с портретами и без них. Рядом были одни лишь мертвецы; они обступили Мелиссу со всех сторон, будто угрожая раздавить. Ей даже казалось, что в ночной тиши ей слышатся голоса давно усопших людей. Могильная земля у неё под ногами, жирная и влажная, противно липла к ботинкам. Мелисса брезгливо тряхнула ногой в воздухе, и крошечные чёрные комочки мгновенно присты-

ли к выщербленным каменным плитам.

Дядя лавировал между надгробиями по хорошо знакомой ей тропе. Мелисса мгновенно вычислила среди всех прочих могил памятники её родителям. Лилия и Алекс Смирзес. Их мемориальные плиты, сделанные из гранита, блестели, как новые, хотя прошло уже десять лет со дня их смерти. Место их вечного успокоения огораживал невысокий чугунный забор. Девочка заметила внутри небольшого пятачка засохшие венки, принесённые ею ещё в конце августа. Похоже, кто-то убирался на могилах родителей, пока её не было: острый глаз Мелиссы не заметил ни грязи, ни пыли на плитах, которыми был выложен квадрат внутри ограждения.

Дядя прошёл мимо могил и ненадолго остановился. Его рука нежно похлопала по верхней части одну плиту. Затем другую.

– Здравствуй, Лилия. Здравствуй, Алекс. Это тоже вам. Мы вас не забываем.

Мелисса только обратила внимание, что Эстелл, оказывается, нёс в руках траурные венки. Засохшие цветы отправились в мусорный контейнер, а дядя продолжил путь, будто он приходил вовсе не к своим друзьям. Девочка удивлённо округлила глаза. И, хотя велико было её желание остаться у могил родителей и поговорить с ними, стремление разгадать дядин секрет пересилило. Она провела рукой по холодному граниту и шепнула:

– Мам, пап, я вернусь. Честно, я вернусь ещё.

А фигура Эстелла в чёрном плаще уже мелькала в самом конце кладбища. Мелисса, прячась за деревьями, пустилась вдогонку. Она нерешительно остановилась, укрывшись позади огромной мемориальной плиты какого-то Шеннона Мэллоя, наверняка родственника Барбары Мэллой. Дядя стоял на коленях возле одинокого камня, над которым высилась каменная скульптура ангела с распростёртыми руками, обняв постамент, как лучшего друга. Ей показалось, или... или он плакал? Бертрам что-то говорил, но так тихо, что Мелисса не могла разобрать ни единого слова. Она тихонько подошла к дяде сзади, метнувшись в спасительную тень плакучей ивы. Отсюда ей было слышно каждое слово, произнесённое Эстеллом.

– Джинни, вот и я, – шептал он. – Ты скучала? Я – да. Все эти годы я по тебе тоскую. Надеюсь, ты простила меня за то, что было четырнадцать лет назад. Хотя я не простил бы. Я был... я не знаю, как себя назвать. Мне до сих пор стыдно за все те глупости, что я натворил! Если бы я не был таким эгоцентричным дураком, ты была бы сейчас рядом. Знаешь, я начинаю думать, не стоит ли рассказать Мелиссе о нас. Я уверен, ты не была бы против. Нашу историю действительно стоит послушать, правда, Джинниэль? Надеюсь, там тебе хорошо. Лучше, чем со мной. Я был глуп и молод, Джинни, прости! Если ты меня слышишь, пожалуйста, перестань! Отпусти меня, наконец! Я четырнадцать лет страдал, мог бы и ещё; но надо жить, жить ради Мелиссы, а я не мо-

гу дать девочке свободы, когда вспоминаю о том, что сам натворил. Будь у нас с тобой ответственные родители, этого не случилось бы. Джинни, то, что произошло, это страшная ошибка. Это случилось из-за моего эгоизма, из-за моей глупости. Я боюсь, что с Мелиссой произойдёт такая же история. Найдётся молодой безответственный идиот наподобие меня. И девочка пострадает из-за него. Ты не станешь возражать, если она узнает правду? Ведь так и должно было случиться. Ей скоро будет четырнадцать, она уже превращается... да нет, она уже подросток, – оправился дядя, невесело усмехнувшись, – скоро она станет такой же, как и ты. Как и Лилия. И это тревожит меня. Ведь я никогда не умел по-настоящему хорошо обращаться с женщинами. Как прикажешь завоевать доверие девочки? Ведь я не отец... да и вряд ли я способен заменить Алекса. Джинни-Джинниэль, ты не поверишь, но я ни разу не женился. Ведь после тебя... после твоей смерти... Как я мог променять тебя на кого-то ещё? Я убил тебя, я виновен в твоей гибели. Как, после всего этого, возможно убедить себя в том, что ты способен стать хорошим отцом, если ты даже хорошим мужем не стал? Бертрам Эстелл в роли заботливого папы... Я не такой, как Ник, я не умею обращаться с детьми. Наверное, я слишком много времени провожу в корпорации, но я делаю это ради блага Мелиссы. Столько раз уже ей это объяснял, а она всё равно обижается и считает меня плохим опекуном... Может, она права, и я даже не способен вырастить ребёнка?

Бертрам помолчал, словно прислушиваясь к словам своей невидимой собеседницы. Мелисса затаила дыхание. У неё в мозгу щёлкнула мысль: «Джинни. Его подружку звали Джинни. Кого-то мне это очень напоминает...»

– Мне никогда не стать таким хорошим отцом, как Ник Вилль. Ты помнишь Ника? Представляешь, он давно уже женат... У него трое прекрасных детей, чудо-жена Саманта, Саманта Дрю, наша бывшая одноклассница. Он занимается застройкой и реставрацией старых районов Литтл-Мэя. Но он не забыл тебя. Он тоже ходит на твою могилу. Давай порадуемся за него, Джинниэль? Ник счастлив. И Дэйви тоже счастлив. Это кажется фантастикой, но он начал карьеру в спорте и добился успеха! Сейчас он тренирует знаменитый футбольный клуб «Тигры»! Здорово Лилия его вышколила, верно? Вот уж не знал, так не знал, что этот толстячок, над которым все смеялись в школе, много лет спустя станет суперзвездой! Как-то мы случайно встретились на улице, и он даже не узнал меня. А я не поверил, что передо мной – Дэйви. Мы столько лет уже не виделись! Я ужасаюсь, когда понимаю, что в последний раз встречался со своими школьными друзьями около тринадцати или даже шестнадцати лет назад! Ник и Дэйви попались мне на глаза только в тот день... – Эстелл с трудом сглотнул, – в день твоих похорон. Тогда они даже не пожелали разговаривать со мной. Они поступили правильно, ведь это я был виноват в том, что случилось. Я всю жизнь буду раскаиваться в этом. Но я так и не узнаю,

простила ли ты...

Мелисса сама не заметила, как на глаза навернулись слёзы. Дядя говорил искренне, а она редко слышала в словах людей правду. И эта правда тронула её до глубины души. Девочка шмыгала носом украдкой, спрятавшись за чахлым невысоким деревцем. Она не переставала тонуть в своих собственных слезах, непонятно почему вдруг решивших вымыть ей глаза. Бертрам Эстелл уже давно обратил внимание на странные хрюкающие звуки, раздававшиеся неподалёку, но до недавней поры они его не особо занимали. Вся жизнь этого человека состояла лишь из тоски по Джинни и заботы о Мелиссе. Сейчас же, когда пришла пора уходить и всхлипывание за мемориальной плитой Мэллоя стало совсем отчётливым, Эстелл решил проверить, кто же там плачет. Велико было его удивление, когда за отполированным куском гранита он обнаружил собственную подопечную! Заплаканная Мелисса сидела на земле и рыдала в рукав кофты.

– Что ты здесь делаешь? – поразился Бертрам.

Девочка подняла голову, испуганно посмотрела на него и буркнула себе под нос:

– Сижу.

– То, что ты сидишь, я и сам вижу! Почему, чёрт возьми, ты не дома? Я не разрешаю тебе ходить по улицам в такое позднее время!

– Ага, и ещё ты мне постоянно лжёшь, – Мелисса шмыгнула носом. – Почему я не имею права тоже тебе лгать? Так

мы будем в расчёте.

– Мелисса, сколько раз тебе повторять...

– «...не суйся в те дела, о которых ничего не знаешь», – окончила речь дяди девочка и неуклюже поднялась на ноги. – Я теперь всё знаю. И мне уже четырнадцать лет, я взрослая и могу сама решать...

– Пока тебе не исполнилось восемнадцать, ты – моя подопечная, дочь моих друзей! Я за тебя отвечаю! Как ты думаешь, что сказали бы твои родители, если бы узнали, что их дочь, за которую они отдали жизни, шатается по старым кладбищам в восемь часов вечера?

Эти слова на Мелиссу подействовали. Она переступила с ноги на ногу, снова всхлипнула и съёжилась в крошечный встрёпанный комочек. В эти минуты Бертраму всегда становилось её жаль, и он порывался взять свои слова обратно. Но не из-за собственной ли мягкости он никак не мог заставить девочку слушаться? В этот раз Эстелл решил до конца выдержать роль строгого опекуна, хотя это далось ему с трудом.

– Идём домой, Мелисса, – коротко велел он, отводя взгляд от племянницы. – Надеюсь, ты сделала домашнее задание.

– Может, и сделала, – проворчала девочка и натянула на голову капюшон. – Даже если я и не выучила уроки, это только мои проблемы.

Бертрам постарался не обращать на это внимание. «Просто переходный возраст, – успокаивал он себя. – Подумаешь,

девочка скалит зубы. Да я в её годы и не такое себе позволял! Только сейчас понимаю, как же, наверное, моей матери было со мной трудно. Надеюсь, что хоть в каких-то чертах характера Мелисса будет похожа на маму, а не на папу. Если гены Алекса проявятся, мне конец».

* * *

Всю дорогу до дома Мелисса старалась избегать пронзительного дядиноного взгляда. Изредка затравленно поглядывая на него, она обнаруживала, что Эстелл отрёшённо смотрит в пространство, будто ему было абсолютно наплевать на неё.

«Да оно так и есть, – угрюмо подумала она. – Разве он не сам признался на кладбище, что он законченный эгоист и ничего, кроме собственного „я“ в жизни не замечает? Будь у него хоть капелька сочувствия и внимания к окружающим, он меньше времени проводил бы в корпорации. Все его отговорки насчёт этого – не более, чем просто отговорки. Он лгал мне, он бессовестно мне лгал! С чего я теперь должна ему верить?»

Этой ночью девочка долго боролась со сном. Она сидела в тёмной комнате, раскачиваясь на постели, и упрямо смотрела на стрелки часов. Те словно навек остановились на часе ночи. Мелисса никогда прежде не ложилась спать так поздно и понятия не имела, проснётся ли завтра к началу третьего урока, но это её сейчас и не тревожило. Гораздо больше ей сейчас хотелось встретиться с родителями.

«Если Джинни не солгала... Но ведь Джинни не лжёт? Никогда? Или всё-таки... – от этой мысли у неё заняло сердце. – Джинни не могла мне лгать. Она же моя подруга, единственный близкий человек. Она всегда говорит правду, в отличие от некоторых».

Под «некоторыми» подразумевался, естественно, Бертрам Эстелл.

«Он же постоянно обманывал меня, – сердито засопела она. – Долгое время вешал мне лапшу на уши о своих якобы „родственных“ связях со мной, потом начал прикидываться заботливым опекуном, умалчивая о своей роли в гибели моих родителей. Ну почему он не сказал всего этого сразу? Почему он лгал? Может, стыдился? Раскаивался? Нет!.. Пове́рить в наличие у Эстелла совести? Никогда! Особенно теперь...»

Гулко отбили половину второго напольные часы. Мелисса тут же оживилась. Подскочив в постели, она с трудом выпуталась из одеяла и побежала к выключателю, но замерла на середине пути. Не хватало ещё, чтобы дядя сюда заявился! Он снова всё испортит! Мелисса села на пол, приготовившись к появлению родителей.

Но мир молчал. Никто не шёл к ней. И вера её в Джинни начала стремительно рушиться.

– Я тебе когда-то доверяла, – прошептала Мелисса в пустоту. Час ночи, сорок пять минут. Где мама и папа?

«Их нет, они умерли! – жестоко пропели мысли. – Кто бы

мог подумать, что они придут... Довериться призраку... Наверное, я окончательно сошла с ума, раз мне мерещатся давно умершие люди. Я слышу голоса – да я точно шизофреничка».

– Я ни на что не годна, – вздохнула она.

– Годна, ещё как годна, – прозвучал позади знакомый голос.

Девочка изумлённо и испуганно подпрыгнула.

– Кто это сказал? Дядя? Ты?

Но это было глупо! Эстелл никак не мог оказаться здесь, ведь он сидел в гостиной на первом этаже, возле своего любимого камина в потёртом кожаном кресле Регины Эстелл... «Он же не призрак, он не умеет проходить через стены... – лихорадочно думала она, с тревогой озираясь. – Кто же тогда здесь?»

– Нет, не дядя, но уже горячо, – захихикали сзади.

Мелисса боязливо обернулась. Комната была пуста. «Так, – подумала она, хватаясь за голову, – я чокнулась. Разговариваю с невидимыми людьми. Пора отправляться в психлечебницу».

– Алекс, прекрати издеваться над ребёнком! Она же твоя дочь! – строго сказал ещё чей-то голос.

И Мелисса вспомнила, где же давно-давно, в далёком пелёночном детстве, слышала голоса этих людей. Голос её снизился до потрясённого сухого шёпота.

– Это вы? – едва шевеля пересохшим языком, спросила

она. – Где вы?

– Мы здесь, дочка, – со шкафа свесился Алекс Смирзес, точно такой же, как и на фотографии, что висела в тяжёлой золочёной раме на середине стены в гостиной. – Привет!

– Па-па... – прошептала Мелисса.

Из-за шкафа вышла и Лилия Смирзес, тоже молодая, не старше двадцати пяти лет.

«Нет... Это нереально! невозможно! Они же умерли!»

– Долго же нам не удавалось тебя найти, – улыбнулась Лилия Смирзес, пытаясь погладить дочь по голове. Но её рука прошла сквозь тело Мелиссы, как это часто случалось и с Джинни, если та волновалась. – Ведь мы уже приходили к тебе! Помнишь?

Мелисса крепко задумалась.

– Нет, – шепнула она, не отводя взгляда от лиц родителей. Ей совсем не верилось, что они всё-таки пришли. Мелисса была готова вот-вот проснуться в своей постели и понять, что всё то, что с ней случилось этой ночью – только сон.

– Ну, это было довольно давно, – задумчиво сказал Алекс, слезая со шкафа. – Тебе только исполнилось шесть лет. Ты сидела около огромного торта, который тебе купил Бертрам, и пыталась взять его в рот целиком.

– Я помню, как бедняжка Эстелл долго носился по коридору с дикими воплями, – в глазах миссис Смирзес замерцали радостные огоньки. – Он никак не верил, что маленькие дети способны так сильно испачкаться.

– И не только испачкаться, – расхохотался мистер Смирзес, – а и испачкать! Таким грязным я своего друга с четырнадцати лет не видел! Мы тогда вместе упали в огромную лужу около нашей школы. Кстати, и ты сейчас там учишься.

– Насколько мы знаем, без особого рвения, – произнесла Лилия с грустью в голосе.

– Но что я могу поделать? – Мелисса взмахнула руками. – Уроки нудные, одноклассники мерзкие, учителя злобные... С чего я должна любить школу, если там надо мной все издеваются?

– А ты дай отпор, – посоветовал папа с лукавой улыбочкой. – Покажи им, что ты – моя наследница! Будь я на твоём месте, я бы уже...

– Ты уже снова ходил бы весь в синяках и со сломанным носом, как после той драки со Стивенем Пауэрсом, – мягко засмеялась мама. – Не слушай Алекса, Мелисса. Если бы ты была его точной копией, то...

– То школа стояла бы на ушах, – закончила девочка. – Многие преподаватели так говорят. Они думают, что я и одна способна свести с ума всех учеников и всех учителей.

– Значит, что у меня растёт достойная наследница, – заключил Алекс Смирзес. – Даже мы с Бертрамом вдвоём не могли добиться такого фурора.

– А я, говорит Барбара Мэллой, вполне могу, – грустно вздохнула Мелисса. – Но меня это не особо радует.

– Барбара Мэллой? – презрительно скривился мистер

Смирзес. – Дочка того старого угря, Ланса Мэллоя, что ли? Чего ты её слушаешь? Узнаю в девчонке его потомка! Кровопийца, трусливая кровопийца. Не обращай внимания.

– Джессика Лоуренс тоже. И вообще все девчонки. Они считают меня странной, потому что я ни с кем не общаюсь. Дядя мне не разрешает.

– Бертрам? – прозрачные глаза мистера Смирзеса округлились. – Это на него совсем не похоже.

– Значит, с тех пор, когда вы друг друга знали, прошло слишком много времени, – печально заключила Мелисса. – Он теперь превратился в трудоголика: целыми днями торчит на работе, очень редко со мной разговаривает и ничего мне не разрешает.

– Если его нет дома, то ты сама себе госпожа! – заключил папа. – Делай, что хочешь!

– Правда? – Мелисса подалась вперёд, заглядывая ему в глаза. – Можно?

Она никогда не слышала от дяди Бертрама хоть одного: «Конечно, Мелисса, ты можешь ходить на прогулки». Они выбирались на улицу только вместе, да и то слишком редко. Вс происходящее начинало напоминать ей прекрасный сон ещё сильнее, чем прежде.

– Алекс! – запоздало одёрнула мужа Лилия. – Чему ты учишь девочку?

– Мне за неё обидно! – мистер Смирзес решительно скрестил руки на груди. – Моя дочь – и не исследует Литтл-Мэй!

Что это такое? Это же преступление против моей бурной крови!

– Но Бертрам прав, – возразила миссис Смирзес. – Мелисса, не стоит разочаровывать его. Ему уже достаточно было горя в жизни, не хватало ещё и тебя.

– Я всегда и везде появляюсь не вовремя! – раздражённо буркнула девочка, отворачиваясь. – Как ни слушаешь, я обязательно кому-то чем-то мешаю! Неужели от меня одной может быть столько проблем? Мама, папа, ну почему я лишняя? У меня даже друзей нет... Если не считать Питера Эндерсона, но и ему на меня плевать. Если бы его тоже не обзывали идиотом, он бы со мной не общался...

– Знаешь, я и моя лучшая подруга Джинни тоже сблизилась потому, что нас все дразнили, – задумчиво сказала мама.

Опустившись рядом с Мелиссой на колени, она обняла дочку и прижала ту к себе. Девочка замерла. Лилия Смирзес умерла уже давно; она не могла дать Мелиссе тепла, но та всё равно поверила, что оно есть. В это хотелось верить... Иначе бы незачем было жить... Она почувствовала, как слёзы наполняют глаза.

– Неужели... ты тоже? – сквозь рыдания спросила Мелисса. – Ты тоже была отверженной?

– Да. Сначала я общалась со своей лучшей подругой по той же причине, что и ты с Питером, – спокойно заговорила Лилия. – А потом мы сблизились, мы узнали друг друга

гораздо лучше. И стали даже большим, чем подругами; мы... мы как будто слились в одно существо. Нас друг от друга палками было не отогнать, пока...

– Пока не появился я, – самодовольно вставил Алекс. Миссис Смирзес с улыбкой возразила:

– Нет. Сначала появился Бертрам, а уже потом – ты. Но мы с Джинни до самой её смерти были неразлучны. Мы звонили друг другу, ходили вместе гулять... Джинни безумно хотела стать твоей крёстной матерью, но она так и не дождалась твоего рождения... – при этих словах голос миссис Смирзес едва заметно дрогнул, но она глубоко вздохнула, провела светящимся рукавом по полупрозрачным глазам и продолжила: – Вот видишь, к чему приводят такие знакомства. Если бы я не захотела, я бы так и осталась для неё девчонкой из неблагополучной семьи, а она для меня – назойливой разносчицей газет. Тебе нужно попытаться наладить отношения с Питером или найти ещё друзей.

– Школа большая, – некстати вмешался папа. – В ней обязаны быть интересные люди! Эх, где мои юные годы? Я бы со всеми там подружился! Со всеми, кроме Мэллоев. Зло-радство у них в крови.

– Не хочу дружить с живыми, – упрямо буркнула Мелисса, прижимаясь головой к плечу матери. – С призраками интересней. Они меня не обижают.

– Тебе нужно общество живых людей, и это обжалованию не подлежит! – твёрдо сказала мама. – Если ты действитель-

но нас любишь и уважаешь, то ты слушаешься моего совета. Не все вокруг враги. Запомни это.

– Буду стараться, – прошептала Мелисса в ответ.

– До свидания, дочка, – тихо сказала миссис Смирзес. – Совсем скоро мы встретимся вновь.

– А пока: не скучай! – бодро посоветовал папа.

И они оба исчезли. Растворились, будто дым, и от них не осталось даже малейшего следа. Мелисса поражённо вглядывалась в темноту, окружавшую её.

– Мама! Папа! – она едва не плакала. – Вернитесь, пожалуйста, я прошу вас! Не уходите...

«Совсем скоро мы встретимся вновь», – снова повторили ей немые стены пустой комнаты. Девочка взобралась на кровать, завернувшись в одеяло, будто сосиска в тесто. Она тешила себя одной надеждой, повторяя вновь и вновь родительские слова:

– Мы встретимся совсем скоро... Мы встретимся скоро! Мы встретимся!.. Скоро...

А слёзы так и катились по щекам. Мелисса не знала, почему, не могла и не хотела останавливаться. Она плакала и плакала, пока подушка не промокла насквозь. Лишь тогда, вконец обессиленная, девочка сумела заснуть...

* * *

Будильник дико трезвонил у неё над головой.

«Зачем? Зачем, зачем, за что?» – это была первая мысль, родившаяся в её тяжёлой и совершенно ничего не сообража-

ющей голове.

Мелисса лениво потянулась в постели, села, зевая и протирая глаза. Стрелки на часах дрожали, остановившись на отметке «8:20».

«Ай, чёрт! Опять проспала!»

Мелисса подскочила в тугом коконе из постельного белья и по своему обыкновению вывалилась из постели на пол, запутавшись в одеяле. Примерно так начиналось каждое её утро. Скучная, серая повседневность без малейшего намёка на разнообразие. Единственной интересной деталью было отсутствие Бертрама под дверью. «И как он только до сих пор не прискакал сюда галопом, взъерошенный и не выпавшийся? Может, он до сих пор спит?» – отстранённо подумала Мелисса.

Подпрыгивая перед зеркалом, она проворно переделалась в скучную тёмно-синюю школьную форму; точно такую же носили её родители и дядя шестнадцать лет назад. Девочка старательно начесала чёлку на лоб, бросила мимолётный взгляд в зеркало. Один положительный момент в утренней спешке всё-таки был: собрав сумку ещё вчера, перед тем, как отправляться на поиски дяди Бертрама, она не должна была второпях сверяться с расписанием и запихивать в портфель все книги, какие туда влезали.

«Вроде бы всё готово, – подумала она, снова упрямо приглаживая чёлку, – можно идти жарить яичницу и выслушивать стенания дяди по поводу слишком рано начавшегося

утра».

Мелисса осторожно спустилась в холодную, просторную столовую. Ни единого намёка на присутствие Эстелла там не обнаружилось. Девочка негромко позвала:

– Эй? Дядя, ты где? Мы же опоздаем!

Никто не отвечал. Мелисса пожала плечами. «Удивительное утро сегодня, – меланхолически подумала она и поспешила в кухню. – Никто не грозит облить меня холодной водой и не бегают по дому».

В кухне, в отличие от столовой, всегда было тепло и уютно. Именно здесь небольшое семейство Эстелл второпях готовило себе еду. Столовая же пустовала давно – ещё до рождения Мелиссы. С тех пор, как не стало матери дяди Бертрама, он перебрался в кухню и прочно укоренился там – видимо, теперь уже навсегда. Мелисса снова позвала его:

– Дядя! Ты же не хочешь опять проспать?

«Что я говорю? – выругала она сама себя. – Мы уже проспали. Можно остаться дома, если дядя так и не встанет».

Но совесть не позволила Мелиссе увильнуть от посещения школы. Она снова поднялась наверх и поспешила к комнате дяди Бертрама. Сколько девочка себя помнила, её двери были заперты на ключ. Мистер Эстелл никому не позволял туда заходить, а Мелисса не особо к этому стремилась. Она громко постучалась и замерла в ожидании.

– Доброе утро, дядя! Оно началось для тебя слишком поздно! – прокричала девочка.

Нет ответа. Это уже начало бы тревожить Мелиссу, не зная она, что Эстелл вполне мог отъехать в корпорацию по срочным делам. «Стоп, но тогда бы на столе стояла упаковка из-под хлопьев и недопитая чашка кофе! – она сердито сцепила руки в замок. – Он не забыл, что ему пора на работу, причём уже давно?»

Вдруг до её ушей донёлся обрывок какой-то песни. Ага, вот где дядя собрался бессовестно подрыхнуть свой рабочий день! Конечно, гостиная на втором этаже! Мелисса стремглав помчалась туда. Если верить настенным часам, она уже должна была бежать в школу!

Девочка пинком распахнула двери. И тут пусто. На низеньком журнальном столике стоял включённый радиоприёмник. Из динамика весело загрохотала какая-то незатейливая мелодия, приятный женский голос объявил:

– Здравствуйте, вы слушаете утреннее радио Санчайз-Мэллоев. Если вы ещё не встали, мы советуем вам поскорее сделать это.

– «Если вы ещё не встали, мы советуем вам поскорее сделать это»! – передразнила дикторшу рассерженная Мелисса. – Если вы ещё не нашли своего дядю, мы советуем вам поскорее сделать это, иначе вы опоздаете в школу! Ладно, придётся искать его в гараже. Надеюсь, он не уснул прямо в салоне, хотя от него и этого можно ожидать...

Но и в гараже Эстелла не оказалось. Там вообще было пусто. Даже новенькая чёрная машина отсутствовала. Это

означало лишь одно: Мелисса зря потратила время на поиски Эстелла. Он снова упорно работал, совсем позабыв о ней, в то время как ей срочно требовалось бежать в школу!

* * *

На занятиях Мелисса появилась только к окончанию второго урока. Как и следовало ожидать, она получила нагоняй от учителей и строгое предписание явиться после уроков писать строчки: «Я никогда больше не буду опаздывать». «Я никогда больше не буду опаздывать», – угрюмо бормотала Мелисса себе под нос. Как она могла перестать опаздывать в школу? На таких, как она, не действовала даже методика самовнушения, и над этим не подлежащим сомнению фактом сегодня и решила пошутить дружная компания Мэллой. Барбара пристала к Мелиссе, стоило той войти в класс.

– О, Эстелл! – пронзительно заверещала она. – Что, пойдёшь вечерком разминать пальчики? Тебе это пойдёт на пользу, учитывая твой страшный корявый почерк.

Голос у Барбары всегда напоминал Мелиссе твяканье капризной болонки, особенно если Мэллой решала рассмеяться.

– Именно, – поддакнула Лоуренс. – Кажется, учителя поняли: изменить тебя не удастся, так они хоть научат тебя писать разборчиво.

– Отстаньте от меня! – Мелиссе казалось, она сейчас расплачется на глазах у всего класса. – Почему вы надо мной издеваетесь? Что плохого я вам сделала?

Девчонки переглянулись. И... захохотали ещё громче. Мелисса горестно заплакала и пулей вылетела из класса. Дверь с громким хлопком ударилась о косяк у неё за спиной.

Кругом мелькали смазанные цветные пятна. Отовсюду слышался гул голосов живых людей, но Мелиссе они казались зовом мёртвых. «Я тоже хочу к вам!! – в отчаянии подумала она. – Заберите меня к себе!»

Она шарахалась из стороны в сторону, врезаясь в проходивших мимо учеников. Но никому не хотелось спросить, что с ней случилось. Все со злобой и презрением отталкивали Мелиссу прочь: никому не хотелось портить отношения со школьной королевой из-за самой странной девчонки в городе.

Мелисса остановилась только тогда, когда снова в кого-то врезалась, и тёплые сильные руки ухватили её за плечи, вместо того, чтобы отрепетированным движением отшвырнуть прочь.

– Мел! Мел, чего ты ревёшь? – раздался у неё над головой голос Питера Эндерсона.

– Ничего, – она рванулась прочь, но он удержал её за запястье.

– Нет, Мелисса, никуда ты не уйдёшь отсюда, пока не расскажешь мне, что у тебя случилось.

– Я же говорю: ничего не случилось! Всё в порядке! – заклёбываясь слезами, прошипела Мелисса.

– Я вижу, что не в порядке, – заметил Эндерсон. – Раньше

ты не рыдала в три ручья, если тебя всё устраивало.

– Я не рыдаю. Отпусти меня, всё хорошо, – буркнула Мелисса.

– Ты уверена? – обеспокоился Эндерсон. – Ты выглядишь неважно.

– Я сказала: всё в порядке! – огрызнулась она. – Тебе тоже нет до меня никакого дела. Оставь меня! Я не хочу тебя видеть!

– Что я тебе сделал? – удивился Питер. – Разве я тебя чем-то обидел?

– Не ты.

– А кто тогда?

– Тебе что за разница? – кисло спросила Мелисса.

– Большая, – хихикнул Питер, сжимая её руку. – Если это был мальчишка, я его побью, если девчонка – мы вместе ей отомстим. Как тебе такая идея? Нравится?

– Ты серьёзно? – спросила Мелисса, доверчиво взглянув на него. Слёзы постепенно начали высыхать, настроение – подниматься.

– Серьёзнее не бывает! – с серьёзным видом закивал Питер. – Ну, кто это был?

– Барбара Мэллой... И её противные подружки! – сморщилась Мелисса, едва сдерживая подступающие к горлу слёзы. – Они всегда портят мне жизнь!

– Тогда мы испортим жизнь ИМ! – радостно воскликнул Питер. – Вот видишь, ты уже повеселела. Ну, вытри слёзы

и улыбнись. Вот так...

Мелисса ощутила, как уголки её губ начинают подниматься кверху. «Если бы не Эндерсон... если бы не он... – путаясь в собственных мыслях, подумала она, – я... мне было бы так грустно... А он всегда... всегда мне помогает... Он настоящий друг!»

– Когда ты улыбаешься, мне самому становится лучше, – рассмеялся он. – Мел, прекращаем вести себя как трусливая тряпка! Ты – умница! Ты всех этих скучных зануд сделаешь!

– Сделаю! – с готовностью подтвердила Мелисса. Но, вспомнив о строчках, уныло опустила плечи. – Но сегодня я не смогу с ними поквитаться.

– Почему?..

– Меня оставили писать строчки, – через силу улыбнулась девочка. – Наверное, они думают, что меня это исправит.

– И они глубоко заблуждаются, – Питер подмигнул ей и потрепал по волосам. – Ты же не скучная ботаничка, чтобы слушать учителей? Наплюй на строчки!

– Но дядя будет сердиться...

– И на дядю тоже наплюй, – посоветовал Питер, встряхнув её за плечи. – Ему же нет до тебя никакого дела, так? Так! Значит, самое время превращаться из глупой пай-девочки, которую все обижают и гонят прочь, в самостоятельную и самодостаточную Мел! Вспомни, кто твой отец! Он был первым школьным хулиганом! Иди по его стопам!

Речь Питера была настолько заразной, что Мелисса

не могла к ним не прислушаться. Она подняла голову и внимательно взглянула в его тёмные глаза, глаза, которые кого-то ей напоминали... Но кого? – ещё одна загадка.

Оставалось загадкой и то, почему же он стал вдруг помогать ей. Они никогда не были близкими друзьями, а сегодня... сегодня первый шаг к сближению был наконец-то сделан, и оказалось, что разделявшая их пропасть была не столь велика, как казалось вначале...

– Мелисса, теперь у тебя начинается новая, крутая, жизнь, – сказал Питер и с силой хлопнул её по плечу. – Говоришь, тебя достали вон те курицы? – он указал в сторону проходивших мимо девчонок.

Джессика, Барбара и их подружки весело смеялись, сверкая белоснежными ровными зубами. Мелиссе при одном брошенном на них взгляде становилось тошно. Она проскрипела через зубы:

– Да, это они.

– О, узнаю, – нехорошо сощурился Питер. – Ничего, мы им отомстим. Я уже придумал, как. После уроков встречаемся у чёрного входа.

– Есть, – по-боевому отрапортовала Мелисса.

* * *

На часах было семь вечера. Мелисса стояла на своём боевом посту, затаившись в густой вечерней тени, как японский ниндзя. Каждая мышца и каждое чувство были обострены до предела. Она прислушивалась к малейшему шороху, она

приглядывалась к каждому мелькнувшему блику. Школьная жизнь отшумела, и в здании остались только немногие учителя, директор да нарушители правил. Такие, как она и Питер.

Или не совсем такие?

«Не у каждого школьника хватит смелости прийти в школу после уроков и расставить ловушки для своих врагов, – мысленно хихикнула Мелисса. – А вот мы с Питером на это отважились, значит, мы – храбрые люди! Мы друзья!!»

Слово «друг» было для неё каким-то новым, но очень приятным, приятным до смущающей дрожи в сердце. У неё никогда не было ЖИВЫХ друзей, таких друзей, которые могли бы поддержать в трудную минуту, как Питер Эндерсон; таких, которым можно было бы поверить всё, излить душу до самого донца...

Если бы она умела доверять людям, то раскрыла бы перед ним все секреты. Но пока ещё рано это делать, ведь она не знала пока Питера Эндерсона, а он не знал её. Они были только товарищами, не более того.

«И нам суждено остаться просто товарищами, ведь никто не захочет дружить с девчонкой, которая видит призраков. С ненормальной шизофреничкой!..»

Мелиссе снова захотелось расплакаться от жалости к себе. Но под внимательным взглядом Питера она сумела сдержаться, хотя солёный океан бушевал, подкатывая высокими волнами к глазам.

– Мел? Ты готова? – тихонько спросил Эндерсон, сдавив её ладонь. Его дыхание сбилось, глаза восторженно сияли.

– Да... кажется, – она незаметно утёрла слёзы рукавом, надеясь, что в темноте Питер не увидел ничего лишнего.

– Тогда идём, подруга! Я научу тебя жить настоящей жизнью! – Эндерсон схватил её за рукав и потащил к закрытым дверям чёрного хода.

Прижавшись к ним спиной, парень негромко выругался. На двери висел тяжёлый железный замок.

– Чёрт... – пробормотал Питер вполголоса, чиркая спичкой.

Неяркий колеблющийся язычок света выхватил из окружающей вечерней мглы бледное взволнованное лицо Мелиссы, искрящиеся возбуждением глаза Эндерсона, металлически блестящий замок на двери. Питер медленно поднял спичку выше, вглядываясь в низкий железный козырёк у них над головами. Там стояло большое ржавое ведро, из которого сварливый старый уборщик Флипс выбрасывал скопившиеся в кабинетах ненужные бумаги. Эндерсон скомандовал ей:

– Посторонись! И зажги новую спичку; я должен видеть то, что делаю.

Свет погас, и Мелисса снова очутилась в темноте. Она ощутила, как Эндерсон настойчиво сует ей в руки коробок, услышала, как он приказывает вполголоса зажечь спичку снова. Она неуверенно чиркнула по боку коробка, и снова

в воздухе затанцевали оранжевые искры.

– Молодец, – одобрил Питер и велел ей, вручив неизвестно откуда появившийся тяжёлый подсвечник: – Давай, зажигай свечку. Подними над головой, я же ничего не вижу! Мелисса, почему ты такого маленького роста? Чёрт, придётся хватать ведро вслепую.

– Как? – удивилась девочка, встав на носочки и вытянув подсвечник так высоко, как только могла. – Ты же не залезешь на козырёк!

– Я не собирался туда лезть, – удивился Питер. – Смотри на работу мастера! Я видел по телевизору, как круто это делали ковбои в Америке много лет назад. Отойди!!

Откуда-то в его руках возникла длинная, тонкая, как змея, верёвка с большим острым крюком на конце. Питер отступил на несколько шагов назад, совершая рукой непонятные круговые движения. Верёвка то появлялась, то исчезала из поля зрения Мелиссы, шипя, будто самая настоящая кобра. Сравнение было таким жизненным, что она даже спряталась за невысокий чахлый кустик, прикрыв голову руками. Питер испустил воинственный клич и высоко подпрыгнул на месте. Крючок с тихим стуком зацепился за железную ручку ведра.

– Иди сюда... Иди к папочке... – настойчиво требовал Эндерсон, осторожно подтаскивая ведро к краю козырька.

– А не проще ли рвануть его? – осторожно предложила Мелисса.

Питер засиял широкой светлой улыбкой:

– Правильно говоришь! Отходи!

Ведро с оглушительным стуком приземлилось на асфальт у носков её ботинок. Мелисса не знала и даже сейчас не могла догадаться, в чём заключается суть мести Эндерсона. Тот встал рядом с ведром на колени, извлёк из кармана несколько огромных тюбиков краски. Краска была зелёной. Мелисса начала понимать, как Питер решил отплатить Барбаре, и в её душе заиграло злорадство.

– Вот так, – Питер с наслаждением выдавил содержимое тюбика в ведро. – Присоединяйся! У меня возникает впечатление, будто это МНЕ насолили твои одноклассницы! Давай, Мелисса, не стесняйся, ты же больше не будешь забитой и испуганной коровёнкой, верно? Ты будешь крутой! Ты и есть крутая! Поверь сама в это, и они тоже поверят!

– Если бы, – вполголоса пробормотала Мелисса, становясь на колени.

Зелёная краска с негромким бульканьем лилась в ведро, а она с удовольствием крутила и крутила тюбик, пока нечего стало оттуда выдавливать. Одновременно с Питером она схватила следующий.

«Как же было это замечательно: знать, что я больше не изгой, – повторяла она про себя, пробегаясь пальцами по поверхности тюбика. – А даже если я и изгой, то такой, который сумеет постоять за себя! Вот белобрысая курица Барбара удивится и разозлится! А Джессика, эта тощая противная

Джессика, как же долго она будет выть и плакать, потрясая болотно-зелёными волосами!»

Мелисса настолько увлеклась, что не заметила, как краска в тубиках закончилась. Она разочарованно потрясла пустой упаковкой в воздухе.

– Всё?.. – протянула она. – Больше ничего нет...

– Нет, – с тяжким вздохом подтвердил Эндерсон. Его глаза радостно сверкнули: – Мы справились! Дай пять!

Мелисса охотно хлопнула его ладонь в ответ.

– То-то эти козочки попрыгают завтра... – заключил Эндерсон. – Ты – молодец, Мелисса! Пошли по домам. После окончания уроков завтра встречаемся здесь. Это зрелище нельзя будет пропустить...

* * *

В течение всего следующего дня Мелисса не могла найти себе места. Она нервно ёрзала на стуле на всех уроках, то и дело принималась грызть ногти, ручку, карандаш, линейку и даже учебники. Она не могла, не умела и не хотела успокоиться! Стоило ей на минуту представить длинные обесцвеченные волосы Барбары, забрызганные зелёной краской, нарисовать перед мысленным взором облитуую краской Джессику, как из её горла начинали рваться сами собой полузадущенные взвизгивающие смешки. Конечно же, уже после второго урока все стали показывать на Мелиссу пальцем и злодейски хихикать. Причём она слышала шёпотки, несущиеся в свой адрес даже во время занятий.

«Как же это неприятно и отвратительно: быть изгоем, – уныло думала Мелисса, переписывая с доски уравнение и чувствуя при этом, как её спину пожирают горящие взоры сидящих позади одноклассников. – Лучше уж оставаться обыкновенной серой мышью, чем отстоем класса. На серых мышей не обращают внимания. А мне от школы хочется одного – покоя».

Но, видимо, именно сегодня и именно сейчас ей не дано было его получить.

– Мисс Эстелл, – удивлённым тоном обратился к ней преподаватель математики, – я поражён! Ваше домашнее задание решено на...

«Два, – мрачно подсказал внутренний голос Мелиссы. – Как всегда. Я знаю это и без Ваших напоминаний. Сколько „неудовлетворительно“ я успела получить в этом семестре? Наверное, столько, что директор Мэнокс имеет все основания отчислить меня из школы. Я привыкла быть двоечницей. Но неужели необходимо о каждой моей оценке сообщать всему классу? Похоже, весь мир сговорился унижать и оскорблять меня, стоило мне появиться на свет».

– Мисс Эстелл, Ваше домашнее задание решено на «превосходно»! В нём не допущено ни единой ошибки, оно – лучшее из всех работ, что я проверил! – воскликнул мистер Сёрдж немало удивлённым голосом.

В классе повисла совершенная тишина, будто кто-то только что взорвал здесь нейтронную бомбу. Мелисса молча от-

ходила от шока, хлопая глазами и недоумённо поглядывая на учителя математики. В одну секунду границы класса будто раздвинулись, и даже чёрная, как уголь, огромная доска стала больше...

«Я, Мелисса Эстелл, получила свой первый высший балл! – Грудь её раздуло от гордости. – И кто теперь посмеет сказать, что я чем-то хуже Барбары, Джессики или ещё кого-нибудь из лучших учеников класса?»

«Это ошибка, – немедленно буркнул почти задушенный голос разума. – Подумай своими скрипучими мозгами, девочка. Как это ТЫ и смогла решить домашнее задание без посторонней помощи на высший балл?»

Барбара Мэллой изумлённо раскрыла рот, так, что её нижняя челюсть едва не улеглась на парту.

– Сэр, это, должно быть, какая-то ошибка, – протянула она своим капризным тонким голосом. – Эстелл не могла решить задачи лучше нас всех! – в этих её словах прозвучала искренняя обида.

– Нет, мисс Мэллой, – хмыкнул мистер Сёрдж, демонстрируя всем желающим тетрадку Мелиссы. – Ошибки быть не может, это – действительно работа мисс Эстелл.

– Она не сама её решила! – закричала вдруг Джессика, привстав на стуле. – Всем известно, сэр, что дядя Мелиссы был лучшим учеником школы! Ей помогали, это нечестно!

– Мисс Эстелл, – дружелюбно обратился к ней учитель, – скажите, пользовались ли Вы чужой помощью?

– Нет, сэр, – честно ответила девочка. И почему-то мистер Сёрдж ей поверил.

– Она могла солгать Вам! – не унималась разозлённая Мэллой, но мистер Сёрдж к ней не прислушался.

– С таким же успехом, мисс Мэллой, мисс Эстелл могла бы пользоваться сундуком знаний в лице своего дяди с начала обучения в школе.

На это нечего было возразить даже наглой и находчивой Барбаре. Мелисса, разрываясь от восторга и гордости, скорчила рожу через массивное плечо Джейкоба Грина и даже согнула пальцы в попытке показать ей нехороший жест, но, уловив на себе внимательный взгляд учителя, она мгновенно затихла на своём месте. Она украдкой заметила, как противно хихикают её главные враги за первой партой в центральном ряду. В голову её вламывались небезосновательные подозрения насчёт того, что до окончания учебного дня Барбара и её подпевалы обязательно придумают, как испортить ей жизнь.

Перед мысленным взором открылась другая картинка: ведро, наполненное зелёной краской до краёв, стоит на краю крыши, ожидая своего часа...

«Нет, – Мелисса позволила себе гадко улыбнуться, – мы ещё посмотрим, кто кому испортит жизнь раньше! Я покажу этой белобрысой курице и её подружкам, что больше никому и никогда не позволю себя обижать!»

Барбара вертелась за партой, швыряясь в Мелиссу новы-

ми скомканными в бумажный шарик записками. На это раз там были написаны настолько гадкие слова, что Мелиссе на секунду показалось, будто она сейчас расплчется. «Чем я им насолила? – уныло размышляла она, пробегая глазами по строчкам. – Почему они издеваются надо мной? Я ни разу не сказала им ни одного плохого слова, а они позволяют себе унижать меня, обзывать... А я терплю, как будто я... я... как будто я – корова! Неужели у меня нет мозгов, сил, смелости для того, чтобы хоть раз поставить их на место? Может, именно поэтому меня обижают? Ведь всем и каждому известно, что Мелисса Эстелл не умеет дать сдачи, об неё можно вытирать ноги! Что-то нужно менять, срочно!»

Хотя Мэллой и компании удалось развеять гордость Мелиссы от первой в жизни превосходной отметки, её решимость нанести ответный удар устояла. По-видимому, Барбара что-то предчувствовала. Но, конечно, ей и в голову не могло прийти, что полное зелёной краски ржавое ведро сейчас преспокойно дожидается её на крыше у чёрного выхода. Мелисса отложила ручку в сторону, задумавшись, как же ей заманить Барбару туда.

«Может, Питер подскажет? Да, Питер подскажет, он должен это знать, ведь он додумался до такой гениальной идеи! А сейчас нужно причинить Барбаре как можно больше неудобств, проявляя старание на уроках».

Мелисса украдкой подглядывала в учебник, отвечая на вопросы мистера Сёрджа, и спиной ощущала, как налива-

ются краской гнева и зависти бледные впалые щёки Барбары.

«Так ей и надо! Она этого заслужила!» – торжествующе подумала она. Ей вдруг стало так радостно и легко, что она едва сдержалась от желания обнять сидящую впереди Амелию Факт. Амелия повернулась, наградила её странным скольльзящим взглядом и вернулась к своей работе, отчего желание Мелиссы делиться своим восторгом с другими начало неуклонно рушиться.

Звонки звенели за звонками, и на каждом уроке повторялось то же самое, что было на математике: Мелисса получала высшие баллы, обходя даже Барбару Мэллой, в спину ей сыпались тычки, издёвки и скомканые бумажные шарики, а она высоко держала голову и улыбалась, чтобы не расплакаться у них на глазах. Если бы она показала свою слабость, злобные насмешники напали бы на неё с тройной яростью, как бешеные стервятники. Мелисса передёрнула плечами, отгоняя прочь мерзкое сравнение. Она в тоске обвела взглядом класс, прилежно склонившийся над тетрадями, надеясь, что найдёт среди этих чуждых, высокомерных, равнодушных мальчишек и девчонок хоть одно родственное лицо. Хоть кого-то дружелюбного.

И вдруг, словно там, на небе, её кто-то услышал, от парты медленно оторвалась Габриэль Хаэн – новенькая, появившаяся в школе совсем недавно, пару дней назад. Габриэль оценивающе всмотрелась в Мелиссу, склонила голову набок, фыркнула и снова углубилась в решение задачи. Мелисса по-

чувствовала, как сердце комком падает ей в пятки.

«Ну, вот... Не стоило и надеяться, что я кого-то заинтересую. Габриэль плевать на меня, впрочем, как и всему остальному свету. К чему тогда верить в лучшее будущее, если для таких, как я, оно всё равно закрыто?»

Мелисса склонила голову перед судьбой, по привычке спрятав лицо за волосами. Она не заметила в своём горе, что Габриэль Хаэн вновь смотрит на неё и уже совсем не так, как прежде. Сейчас Габриэль глядела испытующе, дружелюбно, внимательно. Ей казалось странным, почему же эту девочку, Мелиссу, все считают отстоем класса и обзывают: ведь она вовсе не плоха. Но Габриэль тоже не привлекала к себе общего внимания, а её молча изгнали из сплочённого коллектива. Точно так же поступили и с её сестрой-близнецом – Ооной. Она тяжело переживала всеобщий бойкот – в отличие от Габриэль, она не понимала, что на такие вещи не следует обращать внимания. Она была доброй и ранимой девочкой, и, хотя разница в возрасте между ними составляла всего час, Габри чувствовала себя её защитницей. Приходилось привыкать к этому, раз отец ни чуточки не любил их, а мать куда больше заботилась о расписных фарфоровых тарелочках из фамильной коллекции. Габриэль тяжело вздохнула, отворачиваясь. Мелисса Эстелл не смотрела на неё, погружившись в учёбу с головой. Габри не стала бы дружить с занудной ботаничкой, если бы та тоже не была изгоем класса.

– Габриэль, – одёрнула её Оона. – Нам нужно решать задачу, если ты не хочешь стать худшей ученицей в классе.

– Худшей ученицей в классе я не стану, пока это место занимает Мелисса Эстелл, – хмыкнула Габри.

– Ты слишком жестокая, – вздохнула Оона. – Она совсем не такая плохая, как думаешь ты.

А Мелисса слышала эту беседу от начала до конца, краснея от обиды и стыда.

«Со мной никто, кроме Питера и призраков, не желает общаться. Кому я такая нужна? – глотая слёзы, подумала она. – Кажется, Габри лучше удавится, чем заговорит со мной». Мелисса тяжело вздохнула, сквозь подступающие слёзы глядя в расплывчатые столбцы цифр в своей тетради. Мама совсем её не понимала, равно как и дядя, и Питер, и все прочие! Как можно было даже на минутку представить себе, что в этой школе она найдёт себе если не подругу, то хотя бы хорошую знакомую? Она была везде лишней и никому не нужной.

Вдалеке, возвещая об окончании долгого учебного дня зазвенел звонок. Одноклассники Мелиссы поднимались из-за парт, собирали школьные принадлежности и выходили, болтая друг с другом. Компания Мэллой, как и следовало ожидать, держалась впереди. Мелисса бесцельно рассматривала обесцвеченные длинные волосы Барбары, сквозь отупляющую пелену обиды пытаясь понять, почему та вдруг привлекла её внимание.

«Питер! Краска! Вот в чём дело!»

Мелисса воспрянула духом, едва эта бодрящая, исполненная жажды мести мысль освежила сознание. Но как она могла заманить Барбару к чёрному входу?

Не придумав ничего лучше, Мелисса целеустремлённо зашагала к Мэллой, расталкивая одноклассников в стороны. Поравнявшись с Барбарой, Мелисса в порыве смелости схватилась за ремешок её сумки. Барбара охнула, её подружки закричали, а Мелисса уже вихрем летела прочь по коридору, унося чужую сумку с собой.

– Эй, ты! – истерично завопила Мэллой. – Вернись немедленно!

Мелисса бежала, не чувствуя под собой ног. Она боялась не успеть к месту засады, попасться дежурным или компании Барбары. Девочка свернула в узкий коридор первого этажа, едва разминувшись с толпой выпускников, уходящих с занятий. Она искала среди их лиц: чужих, замкнутых, едва знакомых – лицо Питера, и, не находя его, злилась и впадала в отчаяние. Она сама не заметила, как начала громко кричать:

– Питер! Питер! Эндерсон! Ты мне нужен!

– О, тебе нужен Питер? – послышался сзади насмешливый голос.

Чья-то сильная рука ухватилась за её шиворот и развернула лицом к себе. Мелисса ойкнула, попятившись назад от страха. Меньше всего ей хотелось попасться в лапы

к Джордану Мэллою, старшему брату Барбары!

– Джордан, отпусти меня, – она не знала, как ей удалось сделать свой голос твёрже, а взгляд – злее и внушительнее.

Но Джордан ничуть не впечатлился: такой же высокомерный и себялюбивый, как и его драгоценная младшая сестрёнка, он не считал нужным тратить своё внимание на «мелочь» вроде Мелиссы. Его ненависть к девочке усиливал и тот факт, что она была дочерью и подопечной злейших врагов его отца. От Мэллоя нельзя было ждать пощады: Мелисса сомневалась, что он вообще знает значение этого слова.

– Что ты делаешь с сумкой моей сестры? – вкрадчиво поинтересовался Джордан, наклоняясь к её лицу. – Ведь это её сумка, верно?

Джордан, в отличие от Барбары, никогда не повышал голоса, предпочитая угрожающе шипеть, как готовящаяся к броску кобра. Почему-то один взгляд, брошенный на него, вызывал в Мелиссе стойкую ассоциацию со змеёй и угрём одновременно. Поведение и речь Джордана были как у змеи: противные и непредсказуемые, а движения: как у угря, скользкими и ловкими. Ей не составляло труда поверить, что этот тощий высокий белобрысый парень способен просочиться в любую щёлочку. Больше всего на свете Джордан ненавидел Эстеллов, Мелиссу и Питера, своего одноклассника. Одно упоминание имён раздражающих его людей могло вывести его из себя – а столкновения с рассерженным Джорданом следовало пожелать только злейшему врагу. Присут-

ствие же любого из вышеперечисленных объектов вызывало в нём вспышку ярости. Мелисса съёжилась в ожидании страшной кары, которая, конечно, не преминула бы последовать.

– Джордан, ты ошибся, это вовсе не сумка Барбары, – глупо улыбаясь, сказала Мелисса, пряча сумку за спину.

Джордан резко встряхнул её за воротник. В его прищуренных глазах заплясало дьявольское пламя:

– По-твоему, я не знаю, как выглядит сумка моей сестры? Отдай немедленно, если не хочешь остаться после уроков!

– Я...я совсем не хочу! – выдавила Мелисса сквозь слёзы, но ремешок не выпустила.

Джордан вцепился в дно сумки, а она – в ручки с яростью тигра. Ни один из соперников не желал уступить свою добычу.

– Эй, Мэллой! – закричали сзади.

Глаза Мелиссы расширились от удивления: там, позади Джордана, стояла Габриэль Хаэн и корчила ему зверские рожи. Габри пронзительно захохотала, как ведьма из фильмов ужасов, и зловещим голосом прогнусавила, точь-в-точь копируя манеру речи Мэллоев:

– Не хочешь поговорить со мной? Мэллой, я так соскучилась по тебе! Наша последняя встреча состоялась в этом коридоре, ты отчитал меня, когда я случайно столкнулась с тобой, и мне навеки врезался в память твой незабываемый образ... мистер Угорь! – залившись весёлым хохотом, Габри

подпрыгнула и побежала прочь, выкрикивая в адрес Джордана новые оскорбления.

Возможно, Джордан сорвал бы своё зло на испуганной Мелиссе, разорвав её в клочки на месте, но появление Питера помешало ему осуществить свой план. Не сказав Джордану ни слова, Питер подбежал к Мелиссе, схватил её за руку и помчался к чёрному выходу. Ошарашенный Джордан остался в коридоре, видимо, выбирая, за кем погнаться: то ли за насмешницей – Габриэль, то ли за подлыми похитителями сумки его сестры – Мелиссой и Питером.

В коридор вылетела разгорячённая компания Мэллой. Злее всех среди них выглядела, как то ни странно, вовсе не Барбара, а её лучшая подружка Джессика. Пышные причёски девчонок растрепались, лица покраснелись, а дорогая косметика, которой они щедро намазали лица в попытке показаться взрослее и красивее, расплылась и потекла.

– Где эти негодяи? – прорычала Барбара, подскочив к брату. – Почему ты их не поймал?

Указав в сторону, куда помчались Питер и Мелисса, Джордан предпочёл бессловесно смыться. Если и существовало что-то такое на свете, чего он боялся, то это, конечно, была его сестра. Стоило старшему Мэллою испариться, как испарилась и Барбара со свитой. Пыща яростью, девчонки неслись следом за Мелиссой, точно разъярённые гончие, взявшие след зайца.

* * *

– Помнишь наш план? – спрашивал Питер на бегу.

Хотя они мчались со скоростью урагана, он ничуть не запыхался. Мелисса же чувствовала себя измотанным спринтером: в боку у неё кололо, волосы растрепались и лезли в глаза, закрывая обзор. Всё же у неё хватило сил, чтобы ответить:

– Да, помню!

– Значит, так: я забегаю за дверь, а ты мчишься дальше, – инструктировал её Питер. – Как только Барбара проскочит мимо, я дёрну за верёвку... и на неё выльется краска.

– Я знаю! – пропыхтела Мелисса.

– Отлично! – лицо Эндерсона расплылось в радостной усмешке. – Тогда приготовься, сейчас будет поворот...

Ухватив её за руку, Питер вытолкнул её за дверь чёрного хода. И Мелисса, крича, словно потрясённая кошка, очутилась на улице. Стоило ей оглянуться, как из её горла вырвался новый крик. Позади стояла Барбара Мэллой; на её лице, замызганном тушью и помадой, читалась пламенная ненависть. Её лучшие подружки исходили пеной от злости, точно разъярённые медведи.

«Мне крышка», – печально констатировала Мелисса, отступая на несколько шагов. Взглянув на остро заточенные длинные ногти девочек, она поняла, что у неё нет шансов выжить. Прижимая к себе сумку, Мелисса медленно отходила назад, а Барбара и компания так же медленно и угрожающе придвигались к ней.

– Теперь ты научишься вести себя прилично, Мел, – заявила Барбара, стискивая изящные кулачки. – Теперь ты мне за всё ответишь!

Мелисса поравнялась с переполненным мусорным баком. Хотя она уже миновала опасную зону, а Барбара вступила в неё, ловушка Питера не действовала.

«Скорее!» – мысленно взмолилась она, надеясь найти Эндерсона взглядом. Ей вовсе не хотелось получить тумачков от Барбары, благо что силу её ударов она уже успела познать на своих боках. Мелисса крепче вцепилась в ручки сумки и злобно зафыркала.

– Я тебя не боюсь, – надменно заявила Барбара. Она подступила ещё ближе, вытянув вперёд длинные тощие руки. Джессика Лоуренс поспешно вставила своё словечко:

– Давай расплатимся с ней! Ты всем уже надоела, Мелисса! Кому ты здесь нужна?

Мелисса взглянула в голубое невинное небо, чтобы скрыть от врагов свои слёзы. Невзирая на свою тупость, Джессика всегда знала, куда следует бить, чтобы сделать как можно больнее. Смаргивая прозрачные кристаллики, наводнившие глаза, Мелисса вдруг заметила среди пухлых белых облаков знакомое лицо. Это была Джинни... И Джинни весело улыбалась ей, махая рукой.

– Я нужна своей подруге, – твёрдо сказала Мелисса, по привычке опуская голову.

– Подруге? – презрительно рассмеялась Барбара, подсту-

пая ближе. – О чём ты говоришь, глупая? Очнись, у тебя нет друзей!

– То, что вы не можете увидеть их, не значит, что их не существует, – пробормотала Мелисса.

Светящийся призрак стоял за спиной Барбары, и на лице её было написано недовольство. Конечно, Джинни знала, что здесь должно произойти! Но она никого не предупреждала, даже не подавала знаков: может, потому, что никто, кроме Мелиссы, не услышал бы её слов?

«Прости, Джинни, но я должна отстаивать свои права», – мысленно извинилась Мелисса.

– Несуществующие друзья – первый признак шизофрении, – назидательно изрекла Барбара и торжествующе шагнула вперёд. Её покорная свита угодливо спешила следом.

Бум! Бац! Треск!

– Что? Я ничего не вижу! Я ничего не вижу! – вопила Барбара, шатаясь на месте. Она дико размахивала руками, изредка задевая ржавое металлическое ведро, красовавшееся у неё на голове. Её подружки ничем не могли помочь ей: зелёная краска, выплеснувшаяся им в лицо, временно ослепила и их.

Наконец, Барбаре удалось стащить ведро со своей головы. Лучше бы она этого не делала! Увидев, во что превратилась её новенькая, с иголки, дорогая школьная форма, она пронзительно завопила. А, когда в поле её зрения попали её роскошные светлые волосы, окрасившиеся в притягатель-

ный болотный оттенок, её безумный крик стал ещё громче.

– Мои волосы! Мои прекрасные волосы! – вскрикивала Барбара, хватаясь за голову. – Мои волосы!! О, мои волосы...

– Барбара, Барбара, что с тобой произошло? – завопила Джессика, отскакивая от подруги. – Ты... ты позеленела!

– Ты тоже! – яростно фыркнула та.

Стоя напротив них, Мелисса и Питер громко смеялись. Девчонки перепрыгивали с одной ноги на другую в глубокой зелёной луже. Их ругань и визг носились в туманном осеннем воздухе. Джессика вырывала клочьями позеленевшие волосы, Барбара клялась отомстить, а прочие только стонали и кричали, точно ведьмы, горящие на костре.

– Классно выглядите, девчонки! – давась смехом, воскликнул Питер. – Может быть, мне стоит сфотографировать вас на память?

– Питер, это слишком жестоко... – попыталась остановить его Мелисса.

Но Эндерсон уже отснял несколько замечательных и незабываемых кадров с довольным видом древнеримского полководца, которого за блистательную победу встретили триумфом. Спрятав потрёпанный мобильник в карман куртки, он громко рассмеялся вместо Мелиссы – у неё совсем пропало желание веселиться.

Отряхиваясь и фырча, Барбара побрела за своей сумкой, лежавшей у ног Мелиссы. Чтобы поднять её, Барбаре при-

шлось бы пригнуться (то есть отвесить поклон своему злейшему врагу!). Конечно, она никогда бы не позволила себе пасть так низко. Поэтому Мелисса подняла сумку вместо неё. Торжества и радости она уже не испытывала. Ей было стыдно за саму себя. За то, что она вообще это замыслила, да ещё и впутала сюда Питера. Глядя на униженную, промокшую Барбару, она не могла не отметить, насколько жестоким и неприятным был этот розыгрыш. «Если шутка никого не смешит, значит, это не шутка», – прозвучали у неё в голове слова дяди. Да, его мудрость можно было применить в этом случае. Мелиссе казалось, что этим поступком она унизила больше себя, чем Барбару.

– Прости, Барбара, – шепнула она, протягивая той её сумку.

– Думаешь, ты так легко отделаешься? – завопила та, встряхнув зелёными волосами. – Нет! Я буду мстить тебе, пока ты горько об этом не пожалеешь!

– Помолчи, – велел ей Питер. – Езжай домой, болотная леди...

В серебристых глазах Барбары вспыхнули слёзы. Прижав свою сумку к груди, она рассерженно прошипела:

– Не надейтесь, что я это забуду! Я всё расскажу Джордану! И он вам отомстит!

– Иди, – приказал Питер, сдерживая новый приступ смеха. – Ты ещё и ябеда, оказывается...

Сникшая компания Мэллой спешила домой пешком, вы-

бирая тенистые уголки вблизи постепенно оголяющихся деревьев: по известным причинам девочки не решались показаться на глаза прочим студентам. Мелисса смотрела им вслед, и почему-то у неё на душе было тоскливо и гадко. Ей чудилось, будто это на неё вылили ведро краски.

– Что, весело было? – спросил Питер, хлопнув её по плечу.

– Весело? – разозлилась Мелисса. – Ничего подобного! Это было жестоко и некрасиво, Питер! Ты... мы поступили очень глупо!

– Что?! – поразился Эндерсон. – Я не понимаю тебя, Эстелл! Сначала ты потребовала мести! И вот, я устроил месть! Как иначе поставить таких, как она, на место?

– Есть другие способы, – убеждённо ответила Мелисса. – А этот был отвратителен.

– Барбара проделала бы с тобой фокус и похуже! Она бы и глазом не моргнула бы, уверяю! – заявил Питер.

– Это не означает, что теперь мы должны опускаться до её уровня, – процедила Мелисса сквозь зубы. – У нас был другой шанс отомстить ей. Сегодняшний трюк научил меня одному... Понимаешь, Питер, нельзя смешивать розыгрыш и издевательство.

– И нельзя выслуживаться перед теми, кто унижает тебя! – заявил Питер.

– Я и не думала выслуживаться, Эндерсон! – воскликнула Мелисса.

– Неужели? – его брови ехидно выгнулись.

– Если ты не веришь мне, ты никогда не сможешь стать моим другом, – серьёзно сказала Мелисса, отворачиваясь от него.

– Эстелл, стой! Эстелл, куда ты помчалась? – крикнул Питер ей вслед. – Эстелл! Вернись!

Мелисса стремительно уходила прочь по скользкой от дождевых капель дороге. Вопли Питера доносились до её слуха словно сквозь непроницаемую пелену. Но она упорно шла, не обращая на него внимания. Он оскорбил её своим недоверием, и у неё уже не было никакого желания называть его своим другом даже мысленно.

Выл пронзительный сентябрьский ветер, лениво накрапывал противный холодный дождик. По улице навстречу ей мчались клубы сизого тумана, а она шла и шла быстрым шагом, слушая, как обиженно колотится в груди сердце.

* * *

– Дядя, я вернулась! – прокричала Мелисса, входя в коридор.

Сумка с грохотом приземлилась на пол в углу. Она настороженно огляделась: дом встречал её пустотой, угрюмым и озлобленным молчанием. Мелисса удивлённо приподняла брови. Обычно, если дядя уезжал на работу раньше положенного времени, он возвращался раньше. Но его до сих пор ещё не было дома.

– Дядя! Ты где? – Мелисса обошла все комнаты, но ответа

она так и не дождалась.

Проверив гараж, она убедилась, что дядя до сих пор не вернулся.

«Когда он начнёт уделять мне больше внимания?»

У неё создавалось такое впечатление, что ему наплевать на неё. Нет, даже не наплевать! Ей казалось, что он не хотел видеть её, почему-то не любил и потому все своё время проводил в корпорации.

«И что плохого я успела сделать ему, в свои-то четырнадцать лет? – мысленно спросила себя Мелисса и горько вздохнула. – Как же это странно, непонятно... и больно. Какой вообще смысл в моём существовании, если ни дядя, ни школа не хотят прислушаться ко мне? Дома – только опостылевшее молчание, а в школе меня обижают сверстники и даже старшеклассники.

Мама была неправа, защищая дядю Бертрама. Почему она не злится на него? Ведь он признался, что виновен в её гибели и в гибели папы тоже. А оба они продолжают считать Бертрама своим лучшим другом. Не странно ли это?»

Тяжело вздохнув, Мелисса осела на пол. Она совсем запуталась... Конечно, она должна была быть благодарна дяде за то, что он не бросил её, что он принял её в свой дом, как свою родную дочь! Но, если в тебе нет каких-то чувств, то ты не сможешь вызвать их насильно. Сейчас, сидя на полу, Мелисса осознала, насколько же они с дядей были далеки друг от друга. Он не желал слушать её! Совсем... И она тоже.

Как между ними могло установиться доверие, если они им не хватало сил сделать даже крошечный шагок навстречу?

Словно всех этих проблем было мало, к ней вернулись воспоминания о краске и о Питере. Пожалуй, это был самый позорный поступок, который она когда-либо совершала в своей жизни. В иных случаях унижали её, а в этом – она сама облила себя грязью. И зачем? Ради мести? Мечь сладка, это верно, но в финале она не испытала удовлетворения. И в эту минуту Мелиссе захотелось сделаться одной из киношных злодеек, которые творят гадости, не стыдясь этого. Да, было бы хорошо стать такой же бесчувственной, как и все окружающие. Мелиссе казалось, что весь мир вокруг неё – это вереница холодных манекенов без души и сердца, которым нет никакого дела до её переживаний. Единственный луч света в её чёрной жизни – это призраки. Но Джинни и родители не приходили уже давно. Наверное, они тоже забыли о ней.

«Хватит ныть, Мелисса!» – жёстко приказал ей внутренний голос гордости. Гордость устала выслушивать её непрерывные стенания. Словно какой-то холодный каменный кулак врезался ей в живот, – и желание сидеть на полу и плакать исчезло. Мелисса поспешила в гостиную – делать уроки, ведь больше делать было нечего. Вчера вечером дядя куда-то спрятал телевизор и компьютер, и все попытки Мелиссы обнаружить их провалились. Больше всего на свете она ненавидела домашнюю работу. Тяжело было заставить свои моз-

ги заработать: в школе они предпочитали отдыхать. Мелисса считала нормальным то, что в словарном диктанте у неё не бывает меньше двадцати ошибок и то, что считает она до сих пор исключительно на калькуляторе, так как перегружать своё сознание бесконечными столбцами устрашающих цифр ей не позволяла лень. На выполнение домашней работы она тратила не менее двух с половиной часов, а в это время на канале Санчайзов шли одна за другой новые серии любимого сериала всех девчонок в классе: «Женщина в паутине страстей» – который Мелисса смотрела, чтобы не отличаться от остальных, хотя он ей совсем не нравился. Но сейчас телевизора рядом не было, компьютера – тоже, телефон куда-то потерялся, а все её друзья исчезли. У неё не оставалось выбора.

Часы били восемь, когда раздался пронзительный трескучий звонок в дверь. Мелисса встрепенулась, протирая заспанные глаза.

«Неужели дядя вернулся? Конечно, нет, ведь у него есть ключ, ему не нужно звонить. Тогда кто это может быть?»

Переполненная нетерпением, Мелисса сбежала вниз по лестнице, слыша, как грохочут её шаги в пустом доме.

– Сейчас! – крикнула она, отпирая дверь.

Каково же было её удивление, когда на пороге она увидела Габри и Питера Эндерсона! Питер угрюмо изучал свои кроссовки, Габри с бесцеремонным интересом разглядывала Мелиссу.

– У тебя это всегда так? – спросила она, указав на Мелиссу.

– Что... так? – удивлённо пробормотала девочка.

Она не привыкла к тому, чтобы гости не достаивали её даже односложным приветствием. Габри нетерпеливо мотнула головой и повторила:

– Это всегда так? Такие огромные прыщи на носу?

– Прыщи? – ахнула Мелисса, стыдливо краснея и прижимая ладони к носу.

Габри скучным голосом подтвердила:

– Да-да. Ничего, у меня тоже бывает. Не трогай его, он сам пройдёт.

– Теперь у Мэллоев будет новый повод для издевательств, – фыркнула Мелисса и отошла в сторону, пропуская гостей в дом: – Проходите...

– Мы ненадолго, – отказалась Габри, энергично мотая головой. – Мы заглянули только для того, чтобы вот это создание, – она встряхнула Питера за плечо, – попросило у тебя прощения за свои слова. А я хотела передать тебе, что я в восторге от твоей шутки с Барбарой. Наконец-то нашёлся кто-то, кто сумел поставить её на место!

Эти похвалы совсем не были приятны Мелиссе, ведь она их не заслуживала, и, что более того, считала своё поведение достойным лишь ругани. Но она была воспитана не в тех правилах, чтобы спорить с гостями или как-то их обижать.

Питер безэмоциональным голосом пробормотал:

– Прости, Мелисса. Мне не надо было говорить всю эту ерунду. Надеюсь, это никак не отразится на нашей дружбе, – и впервые за долгое время взглянул ей в глаза.

Мелисса отступила ещё на несколько шагов: у неё не было ни малейшего желания выяснять отношения в присутствии Габриэль.

Любая другая, тактичная, девчонка на её месте поняла бы, что её присутствие здесь нежелательно. Но Габри была немного толстокожей: она не понимала никаких косвенных намёков. Поэтому, приняв энергичное подмигивание Питера за нервный тик, она бодро объявила:

– Мы собирались погулять. У меня есть деньги на поход в кино. Сам по себе этот факт настолько удивителен, что я решила отметить его с кем-то из своих новых приятелей. Пит уже согласился. Я, он и Оона пойдём на самый классный боевик, который когда-либо выходил в этом году. Ты с нами, Мел?

– Думаю, нет, – учтиво отказалась Мелисса. Она не была большой фанаткой кровавых зрелищ. – Я бы с радостью, но у меня есть важные дела. Извини, Габри. Давай сходим как-нибудь в другой раз.

– На следующей неделе! – восторженно откликнулась та. К сожалению, она принадлежала к такой породе людей, которые принимали вежливые отказы за обещания впоследствии безудержно повеселиться. – Я зайду за тобой в это же время в следующий четверг. Пока!

– Пока, – попрощался Питер и спустился со ступенек следом за Габриэль.

Мелисса вздохнула, смахивая со лба холодный пот волнения. Она не могла представить себе, что отказать приятелям без видимой причины будет так тяжело. Даже сейчас её грызло чувство стыда. Потупив голову, Мелисса отказывалась смотреть им вслед – и зря.

В это мгновение на подъездной дорожке у дома появился Бертрам Эстелл. Он выглядел крайне усталым, даже постаревшим на несколько лет. Заметив у ворот своего дома незнакомых ребят, он остановился, кажется, о чём-то с ними разговаривая. Габри и Питер бурно жестикулировали; тон их голосов всё повышался и повышался. А мистер Эстелл молчал. Казалось, что он внимательно слушает рассказ ребят, но на самом деле он изучал лицо Питера.

«Кого этот мальчик напоминает мне?» – вертелся в его голове единственный вопрос.

Но никакая догадка не забрезжила в его голове, а Габри и Питер тем временем скрылись в густой вуали тумана, отмеряя дорожку широкими пружинистыми шагами. Эстелл провожал их рассеянным взглядом, пока серая пелена окончательно не поглотила очертания их фигур.

– Кого он мне напоминает? – повторив свой вопрос вслух, он скрылся в доме.

Мелисса поджидала дядю в гостиной, коварно притаившись в глубоком пушистом кресле. Едва он устроился на-

против, задумчиво изучая стены, она выпалила заранее подготовленный вопрос:

– А где ты был?

– Странный вопрос, Мелисса, – медленно ответил дядя. – Конечно, на работе.

– Но ты вернулся позже, чем обычно, – заговорила девочка, уверенная в том, что Эстелл лжёт ей. – Ты не был в корпорации сегодня, а, если и был, то успел съездить куда-то ещё.

– Не контролируй меня, мне давно исполнилось восемнадцать, – отшутился дядя.

Но Мелиссу не рассмешили его шутки.

– Я хочу знать! – повторила она, и, как ему показалось, в её голосе прозвучала обида. – Ты всегда лжёшь мне. Ты никогда ничего мне не рассказываешь. Неужели ты думаешь, что я настолько глупа, чтобы не понять этого?

Сдерживая слёзы, Мелисса поспешно отвернулась. И ей казалось, что дядя немного впечатлён, поскольку он всё-таки составил себе труд ответить ей.

– Нет, Мелисса, ты не права. Сейчас ты ещё не готова узнать всё, что ты хочешь – скажем так.

– Но даже это не даёт тебе права лгать мне, – сквозь зубы процедила девочка. – Почему ты никогда не рассказывал мне о Джинни?

Она заметила, как дядя вздрогнул. Конечно, он услышал знакомое имя, которое ему вряд ли удастся позабыть... если слова Барбары о его вине в её смерти были правдой. Мелисса

не верила уже никому.

– О Джинни? – с усилием повторил дядя. – А зачем тебе нужно знать о Джинни?

– Барбара Мэллой говорит, что она была твоей невестой, и её убили из-за тебя, – буркнула Мелисса, почти не разжимая губ. – Скажи, что это не так! Неужели это могло быть?

– Да, это было, – подтвердил мистер Эстелл. Его лицо выглядело очень печальным. – Да, Барбара не лгала тебе. Конечно, она знает об этом, ведь кровь Джинни осталась на руках у её подлой семейки.

– Ты хочешь сказать, что родители Барбары убили твою невесту? – поразилась Мелисса.

– Не они, а Шеннон Мэллой. Шеннон – родной дядя Барбары по отцовской линии, – на лбу мистера Эстелла пролегли глубокие морщины. – Мелисса, Шеннон был сумасшедшим. Он не отдавал себе отчёта в своих действиях. И у него был револьвер: он старательно прятал его от своей семьи. Никто не ожидал, что может получиться так... Пуля Шеннона должна была попасть в меня, но по роковой случайности она угодила в Джинни. Заметив свой промах, в последний раз он выстрелил в самого себя. Сейчас не с кого взыскать ответ за это преступление. Я давно смирился с тем, что произошло.

– Но почему Шеннона не лечили? Почему он стал стрелять в тебя? – недоумённо спрашивала Мелисса.

Дядя горько усмехнулся:

– Ты задаёшь те вопросы, на которые пока не готова получить ответ. Может быть, через пару лет я расскажу тебе об этом...

– Мне не нужно ждать так долго! – вскричала Мелисса. – Что мешает тебе рассказать сейчас? Я хочу знать правду!

– Правда – та вещь, говорить которую часто бывает очень опасно, – отрезал дядя. – Я повторяю ещё раз: тебе рано знать всё об этом тёмном деле. Иди спать.

– Я не собираюсь слушать тебя, когда ты всегда лжёшь мне и скрываешь что-то от меня! – агрессивно выкрикнула Мелисса, спрыгивая с кресла. – И ты ещё говоришь, что ты заботишься обо мне! Неужели обман – это и есть забота?

– В твоём случае – да, – непреклонно ответил Эстелл.

– И что это значит? Объясни мне!

– Это значит ровно то, что ты поняла, – спокойно произнёс дядя. – Достаточно с меня твоих расспросов, Мелисса. Будь я на твоём месте, я бы серьёзно задумался о карьере дознавателя: у тебя неплохо получилось бы вести допросы.

– Я знала, что ты никогда не общаешься со мной серьёзно, – обиженно засопела Мелисса, медленно поднимаясь по ступенькам в свою комнату.

* * *

Полная луна серебрила подоконник. Тени вытягивались по комнате, и в тишине громко били напольные часы. Свернувшись клубочком в кровати, Мелисса чутко прислушивалась к их ударам. Скоро пробьёт полночь. Она не знала, что

особенного может быть в полночи, но почему-то эта цифра – 12 – всегда завораживала её воображение. Давным-давно, когда она была совсем маленькой, ей казалось, что в это время все игрушки оживают и отправляются по своим делам. Чтобы подкараулить их, она долго не ложилась спать, упрямо глядя на застывшие у кровати фигуры. Когда же сон смаривал её, она начинала бегать по комнате, протирая глаза и незаметно для себя сметая игрушки. Но из её попыток постоять на карауле всю ночь ничего не получалось. Проснувшись утром, она с огорчением замечала, что игрушки сдвинуты со своих привычных мест, точно они действительно ходили куда-то вчера. «Ну вот, опять я их пропустила», – думала Мелисса тогда.

Став старше, она забыла о своей детской вере. У неё появился иной повод ждать полуночи: ведь именно в это время, согласно легендам и фильмам ужасов, в доме появлялись призраки. Призраки были вовсе не такими страшными, как их описывали. Мелисса никак не могла представить себе Джинни в облике коварной злодейки. Призраки научили её большему, чем могли научить все живые вместе взятые. Никто из живых не сказал бы ей: «Верь», когда она сомневалась, никто из живых не смог и не захотел бы ободрить её. Ведь никто не понимал её.

Бом, бом, бом!!! Часы гулко отзвонили полночь и замерли. Замерла и Мелисса. Она знала, что по этому лунному лучу к ней сейчас спустится её подруга, как всегда бывало

раньше. Напрягая зрения, она всмотрелась в синеву ночного неба. И – да, она видела, как Джинни торопливо шагает среди звёзд. Её прозрачная фигура казалась такой большой, что, наверное, она не пролезла бы сквозь окно. Но неведомым образом облачко серебристого газа сжалось – и проскользнуло в комнату. Джинни устроилась на подоконнике, болтая ногами и печально глядя на Мелиссу большими ясными глазами. От этого взгляда Мелиссе неожиданно стало стыдно, и, чтобы спрятаться от него, она забилась под одеяло.

– Я думала, ты поняла меня, Мелисса, – в голосе Джинни звучала обида. – Я просила тебя не мучить Бертрама. Когда ты станешь старше...

– Даже ты говоришь мне об этом! – стыд уступил место обиде, и Мелисса выглянула из-под одеяла. – Я не понимаю, чем я плоха!

– Ты не плоха, – Джинни отрицательно покачала головой. – Понимаешь, Мелисса, с каждым годом мы меняемся, и никто ещё не пытался отрицать это. Со временем изменишься и ты, но пока ты находишься в детстве. А детям нельзя знать то, что может ранить их психику.

– Я вовсе не ребёнок, – отрезала Мелисса. – Я уже взрослая.

– Если это так, – Джинни весело засмеялась, – почему же тогда я не вижу на твоём лице и тени усталости от повседневной рутины? Почему же ты не спишь крепким сном после напряжённого трудового дня?

– Потому что у меня есть ты, – промолвила Мелисса. – Если бы не ты, я выглядела бы точно так же, как и дядя. Знаешь, Джинни, иногда вся моя жизнь настолько надоедает мне, что мне хочется бросить всё и сбежать куда-нибудь, где никто и никогда не смог бы достать меня. Иногда я хочу присоединиться к тебе и к родителям.

– Что ты говоришь? – испуганная Джинни резко замахала руками. – Что ты говоришь, Мелисса, послушай сама себя! Когда мне было четырнадцать, я не смела и думать о смерти!

– Конечно, ведь у тебя не было таких проблем, как у меня, – проворчала Мелисса.

– Ты думаешь так? – удивилась Джинни. – Все подростки думают, что их проблемы – единственные в своём роде. Но это далеко не так, Мелисса, все мы проходим через это. Когда мне было тринадцать, моя жизнь казалась мне адом. Моя сестра превратилась в сухую чопорную зануду, а родители были слишком заняты работой. Одноклассники смеялись надо мной: я выглядела смешно и жалко. Моё лицо было усеяно прыщами. Их было так много, что я боялась взглянуть на себя в зеркало! Плюс ко всему этому мои волосы были тусклыми, фигура – нескладной, а груди вообще не было. Моя фигура оставалась плоской до тех пор, пока мне не исполнилось восемнадцать! Представляешь, каково это было?

– Но тебе не лгали, – возразила Мелисса. – У тебя были друзья, которые могли поддержать тебя и помочь.

– Чем же тебя не устраиваю я? – притворно обиделась

призрачная девушка.

– Ты просто замечательная, – смутившись, торопливо заговорила Мелисса, – но тебе уже двадцать, а мне – всего лишь четырнадцать. Ты слишком взрослая для того, чтобы понять меня правильно, хотя ты и пытаешься сделать это.

– Мелисса, – устало вздохнула Джинни, – возраст, бесспорно, играет в отношениях между людьми немалую роль, но в нашем случае это правило не действует. Знай, что мне всегда будет двадцать, хотя сейчас уже должно стукнуть тридцать четыре. Когда я была твоей ровесницей, я не представляла себя такой взрослой. Оказалось, что мне и не суждено было стать... – смахнув навернувшиеся на глаза слёзы, она вдруг съёжилась и умолкла.

Мелисса ощущала себя циничным бессердечным созданием из-за того, что вообще подняла эту тему. Она хотела исправить положение, но изо рта совершенно неожиданно вырвался глупый бестактный вопрос:

– А ты жалеешь о своей смерти?

Джинни встрепенулась. Её глаза удивлённо раскрылись:

– Что?

– Ты жалеешь о том, что ты умерла? – нетерпеливо спросила Мелисса. – Жизнь там... наверху, она лучше, чем здесь?

– Я не знаю, – честно призналась Джинни. – Пока мне не дозволено войти туда, ведь я не умерла, как все другие. Моя душа слишком привязана к этому миру, чтобы расстаться с ним. Я родилась и выросла в этом городе; и, пока живы

те люди, которых я знала и любила, мне будет очень тяжело оставить их. Я обещала твоей матери, что я буду всегда охранять тебя.

– Но мама сама приходит ко мне, – наивно возразила Мелисса. – Она и папа были здесь несколько дней назад. Ты не знала об этом?

– К сожалению, нет, – Джинни печально покачала головой. – Не думай, что быть призраком – это очень хорошо. На самом деле это – нестерпимая мука, которой я не пожелаю даже самому плохому человеку на свете. Понимаешь, я вижу, как взрослеют люди, которые были мне дороги, но я не меняюсь... это значит, что я оторвана от них. Я вижу их каждый день, когда пролетаю в небе над Литтл-Мэем, но я не могу сказать им «привет». Это тяжело, Мелисса, это действительно тяжело.

– Тогда иди туда! – воскликнула Мелисса. – Иди туда, наверх, где тебе место!

– Разве ты не будешь скучать по мне? – лукаво усмехнулась Джинни.

– Да, – призналась девочка, погрузнев. – Но я хочу, чтобы тебе было лучше. Разве так не должны поступать настоящие друзья? Я думаю, мне нужно хоть раз не быть эгоисткой и прислушаться к твоим словам и желаниям. Ведь я – эгоистка, Джинни! Столько времени я держала тебя около себя лишь потому, что у меня не было никаких друзей, кроме тебя! Но я вижу, что тебе тяжело с нами! Иди туда! Не бойся,

я уже взрослая... Я сама позабочусь о себе и никогда не забуду тебя.

На печальное лицо Джинни, казавшееся нереально фантастическим в прозрачном серебристом свете лунных лучей, было действительно больно смотреть. Мелисса в напряжении ожидала, что она ответит. Ей хотелось бы, чтобы Джинни была рядом вечно... но это приносило ей только страдания. Джинни лучше было бы уйти, как Мелиссе ни было бы больно расставаться с нею.

Джинни отрицательно покачала головой, и в её сверкающих серебристых глазах отразились огни ночного Литтл-Мэя.

– Нет, – звонко возразила она. – Нет, я не уйду! Я буду исполнять обещания, которые дала.

– Но...

– Нет, Мелисса. И я не уйду по ещё одной простой причине.

– По какой же? – удивлённо спросила девочка.

– Пока Бертрам здесь, я должна присматривать и за ним, – тихо сказала Джинни, переводя взгляд с подруги на напольные часы. – Пора спать, – торопливо проговорила она. – Ведь завтра ты должна успеть прийти к началу занятий.

– Но родители...

– Алекс и Лилия должны заняться более важными делами, – неожиданно сухо бросила Джинни. – Они помогают и другим людям.

– Значит, они не любят меня, – обречённо прошептала Мелисса, закутываясь в одеяло.

Прозрачное лицо Джинни исказилось знакомой уже нам гримасой разочарования:

– Я же говорила тебе, глупенькая, что это вовсе не так. То, что у твоего окружения есть неотложные дела, которые побуждают их иногда оставлять тебя одну, не значит, что они не любят тебя. Поверь: они любят, иначе они не пришли бы. Если бы они не любили тебя, ты не жила бы на этом свете.

И в этих словах Джинни ей послышался надоевший уже тихий укор. Но сердце подсказывало ей, что она говорила глупости. Поэтому ей стоило молчать и не жаловаться: ведь Джинни не поняла бы... Она действительно слишком взрослая и слишком нудная порой – для своих лет. Мелиссе не верилось, что и она когда-то станет такой же сухой и правильной.

Но, как Джинни ни была бы переполнена взрослой мудростью, она была лучшей, единственной подругой Мелиссы. Оставить её светлый образ лишь в воспоминаниях было бы для Мелиссы равнозначно потере кусочка собственной души.

– Спокойной ночи, – шепнула она исчезающему призраку.
– Приятных снов, – прошелестел тихий голосок Джинни.

Крошечные блестящие звёздочки дождём посыпались на плотный ковёр у подоконника. Они были единственными свидетелями обыкновенного чуда, произошедшего с нею

этой ночью. Выпрыгнув из кровати, Мелисса успела подхватить серебристые искорки в полёте. Мигнув ей тоненькими лучиками, они будто вздохнули и... растаяли. А ведь они единственные могли подтвердить любому, даже самому отъявленному скептику на свете, что этот разговор не был миражом.

– Спокойной ночи, родители, – шепнула Мелисса, снова забираясь в постель.

Желать того же дяде, пусть и мысленно, не было никакого желания. Хотя её пытались убедить в том, что он – хороший человек, верить в это у неё не было никакого желания. Мелисса зло стиснула зубами подушку. Неожиданно на неё накатило тихое умиротворение. Подняв её на своих тёплых спокойных волнах, оно закрыло ей глаза и, как нежный пух, обвилось сонным кольцом вокруг головы.

«Спокойной ночи», – твердил ей мир. И мир живых, и её старые друзья – призраки.

А где-то там, на другом конце тихого сонного Литтл-Мэя, Питер Эндерсон захлопнул узкое окно своей спальни и шепнул ей сквозь сотни разделяющих их метров:

– Спокойной ночи, Мелисса. Завтра будет новый день...

Глава вторая. Пора изменений

На некоторое время нам придётся покинуть Мелиссу и её друзей. Даже если это будет немного непривычно, мы всё-таки взглянем на жизнь других героев. Мы взглянем на семейство Эстелл... нет, не на дядю Мелиссы и не на его многочисленных кузин и кузенов с детьми. Мы посмотрим, как идут дела у престарелого Энтони и его молодой (относительно) подружки Джилл.

Мистер Эстелл-старший был полностью доволен собственной жизнью. Он никогда не менял своих решений, особенно если они принимались в пылу чувств и без достаточной доли времени, отведённой на размышления. Покидая смертельно больную жену с неуправляемым сыном-подростком, он решил, что никогда больше не встретится с ними вновь. С тех пор прошло восемнадцать лет; но угрызения совести ни разу не тронули его душу. Он был ослеплён своей новой любовью: стремительным говорливым ураганом по имени Джилл. Этот союз не был и не мог быть признан официально: никто в городе не посмел бы поставить заветный штамп в паспорте у этой пары, даже если бы она взяла в заложники дворец бракосочетаний. Весь Литтл-Мэй испытывал к отношениям Джилл и Энтони крайнюю неприязнь, смешанную с отвращением. Друзья, коллеги, родственники – все отвернулись от них. Энтони остался в одиночестве...

но его это не пугало: пока с ним рука об руку шли достойная его гражданская супруга и их незаконнорождённая дочка, он не стеснялся безбоязненно встречать осуждающие взгляды окружающих. Его мог смущать только один факт: открытое презрение, выказываемое его безвинной малышке. Её никто не желал признавать, даже её собственный сводный брат. Бертрам Эстелл и слышать не хотел о сестрёнке, отказываясь от соединяющего их родства. Несмотря на то, что с момента рождения Джоанны – а именно так и звали девочку – прошло уже немногим менее четырнадцати лет, он никак не мог примириться с её существованием. Этот факт – и только этот! – заставлял Энтони поддерживать связь с сыном. На протяжении долгих зим он пытался пробудить в Бертраме хотя бы эхо родственных чувств по отношению к своей внебрачной дочери. Сегодняшний день не стал исключением. Ещё только занималась заря, а Энтони уже стоял у распахнутого настежь двустворчатого окна с телефонной трубкой в иссохших пальцах. Слабые розоватые блики солнца играли на его морщинистом постаревшем лице. Наверное, к шестидесяти годам Бертрам будет выглядеть так же: просматривая старые фотографии: свои и сына – Энтони замечал их поразительную схожесть. Он не желал признавать свой преклонный возраст. Для самого себя он всё ещё оставался молодым привлекательным мужчиной во цвете лет, и Джилл Санчайз радостно подтверждала его тщеславные слова. Да, пусть его внешняя оболочка утратила былую кра-

соту и силу, внутри он оставался прежним. Для него словно не существовало лет, как и внутри него не было совести. Энтони думал, что всё ещё имеет право общаться со своим сыном так, будто восемнадцать лет назад он не бросил его с его матерью. Его пальцы ни разу не дрогнули, когда он крепче сжал трубку и быстро набрал знакомый номер. Когда Регина ещё была жива, он старался не звонить домой. Ему было страшно (да, именно страшно!) услышать бесчувственный холодный голос жены и вспомнить те времена, в какие, казалось, у них ещё был впереди шанс обрести счастье...

В трубке раздавались хриплые гудки: один за другим они лились, до боли знакомые и необходимые. Энтони терпеливо ждал, поглядывая на часы. Ещё не было и шести утра, но он знал, что как отец может безнаказанно разбудить сына в неположенное время. Всё кругом ещё спало, дом дышал покоем. С каждым годом тишина становилась всё нужнее ему; он осознал это и с горечью говорил сам себе: «Я действительно старею».

Гудки прекратились. Кто-то на том конце провода снял трубку и шёпотом спросил:

– Опять ты?

В голосе Бертрама не прозвучало и тени родственных чувств, но не было также недовольства. Энтони с гордостью решил, что сын всё ещё уважает его. Между тем он отметил: Бертрам говорил бодро, словно не спал уже давно. Неужели он ждал этого звонка?

– Опять я, – подтвердил Энтони вполголоса.

– Снова о...о ней? – презрительно спросил Бертрам. Джанна внушала ему такое отвращение, что он старался даже не произносить её имени.

– Именно. Будь добр, не говори так о моём маленьком ребёнке.

– Я должен угодить какой-то девчонке только потому, что она – твоя НЕЗАКОННАЯ ДОЧЬ? – прошипел Бертрам, сделав особенное ударение на последние два слова.

– Да. Она – твоя сестра, чёрт возьми! – сердито рыкнул Энтони. – Она, что, виновата в том, что родилась?

– Ты знал, что я никогда не смогу полюбить её как сестру. Ради её матери ты бросил меня и свою ЗАКОННУЮ жену. И теперь ты предлагаешь мне мир.

– Я предлагаю его тебе уже восемнадцать лет, Бертрам, – тихо напомнил Энтони.

– И я его не принимаю ровно столько же времени. Ты должен был попросить прощения ещё тогда, когда моя мать умирала в больнице. А ты даже не навестил её. Ты был слишком занят!

– Послушай, с тех пор прошло много лет, – медленно заговорил Энтони, стараясь смягчить сына, – признаюсь, верно, я немного ошибся...

– НЕМНОГО?! – полузадушенно вскрикнул Бертрам. – Ты считаешь, что смерть человека – это небольшая ошибка?

– Твоя мать была больна ещё задолго до того, как я раз-

вёлся с нею, – отпечатал Энтони. Упрямство Бертрама начало злить его. – Я не повинен...

– Из-за того, что ты бросил её в трудную для неё минуту, ты мне противнее вдвойне.

– Бертрам... Бертрам, несмотря ни на что, я останусь твоим отцом. Ты должен уважать мой выбор.

– В то время как ты не уважал ни меня, ни мою мать, – скептически фыркнул тот. – Глупо будет напоминать такому, как ты, о существовании совести. Однако я не ожидал такого подлого поступка даже от тебя.

– Бертрам, послушай... Джоанна ещё мала, а я уже стар... Неужели ты не мог бы...

– Взять девчонку на воспитание? Нет, мне достаточно дома одного подростка. И разве у твоей... дочери нет матери? И отца? О, я забыл, что ты никогда не занимался воспитательным процессом.

– Жаль, – прошелестел Энтони. – Тогда ты не вырос бы таким эгоистом. Почему дочь твоих друзей оказывается для тебя важнее твоей сводной сестры, о которой ты должен заботиться в первую же очередь?

– Она – дочь тех людей, которые никогда не предавали, – серьёзно ответил Бертрам.

– Но...

– Я не желаю разговаривать на эту тему. У тебя не получилось бы переубедить меня, даже если бы ты потратил на это всю свою жизнь.

– Джоанна...

– Джоанна, – с лёгким оттенком отвращения ответил Бертрам, – никогда не станет для меня сводной сестрой, сколько бы ты ни навязывал мне своё мнение.

– Легко же бывает судить, – ядовито процедил Энтони, – когда ты сам без греха. А ведь это не так, Бертрам.

– Я никогда не поступал так, как ты, – отрезал сын.

– Неужели? Вспомни о Джинни, – вкрадчиво посоветовал старик.

Он знал, что напоминание о Джинни больно заденет Бертрама. Оно было единственной брешью в его броне. А Энтони, как и многие из участников старой истории, знал, где она находится. На той стороне провода повисло напряжённое молчание, словно Бертрам второпях придумывал ответ. Не давая сыну времени опомниться, Энтони нетерпеливо заговорил вновь:

– А ты помнишь, как она умерла из-за твоего предательства?

– Скорее, из-за твоего, – холодно оборвал его Бертрам. – Ты виновен в этом. Если бы не твоя опрометчивость и ненависть ко мне, Джинни не погибла бы.

– Моя вина была косвенной, – злорадно хихикнул Энтони. – Она могла бы остаться в живых, если бы ты не прикрылся ею, как щитом. Я заметил, что ты любил прятаться за нею. Всегда во всём ты винил её, ты бессовестно обманывал и унижал её, считая её своей собственностью. Когда же

её не стало, ты неожиданно изменил свои взгляды на жизнь, но тогда уже было поздно.

Молчание. И в молчании послышался отрывистый вздох.

– Я изменился, верно, – подтвердил Бертрам. – А тебе, видимо, не суждено стать другим никогда. Вот оно, то отличие, из-за которого я не стану уважать ни тебя, ни твои решения, ни твоих детей, которые во всём берут с тебя пример.

– Бертрам...

– Хватит звонить мне, отец! У каждого из нас теперь есть своя жизнь. Так будь добр, не вмешивайся туда, где ты давно уже не нужен.

Старик потрясённо всмотрелся в трубку, словно она вдруг обернулась ядовитой змеёй и только что ужалила его в самое уязвимое место. Он отказался от своей прежней семьи много лет назад, он думал, что слова Бертрама не окажут на него никакого воздействия, как жестоки они ни были бы. Оказалось, он ошибся. Услышать о том, что его не любит его собственная плоть и кровь, что она его даже не уважает... было больнее, чем он предполагал. В тяжёлом вздохе Энтони отразилась тяжкая печаль. Он понятия не имел, подействовало ли это на Бертрама. Сквозь разделяющее их расстояние он не мог увидеть выражение лица сына.

– Я не был нужен тебе? – горько спросил он. – Всё это время?

– Именно, – безразлично подтвердила трубка.

– Что ты за сын...

– Во всяком случае, не хуже отца, – бесстрастно парировал Бертрам.

Хриплые гудки зачастили один за другим. Медленно, как во сне, ошарашенный Энтони повесил трубку на рычаг и отступил к окну. Его лоб покрыли новые, прежде незаметные, морщины – верные признаки старости. Безразлично наблюдая за розовеющими на востоке облаками, он стоял в мрачном молчании и думал. Мысли его были столь же мрачны, сколь и его лицо. Сколько лет он убегал от правды! Он действительно скучал по Регине и Бертраму – тем, кого бессердечно бросил и, возможно, даже свёл в могилу. Внутри царил пустота, а он, и не пытаясь прислушаться к своему сердцу, заполнял эту пустоту бессмысленными развлечениями. Он скатывался всё ниже и ниже. Некогда все в этом городе уважали его. Теперь последний нищий с презрением отвернулся бы от него, хотя он оставался почти так же богат, как и в прежние времена. Видимо, он сделал нечто непоправимое... Расставание с Региной стало поворотной точкой в его судьбе. Кому он нужен теперь? Даже собственный сын, в прошлом – его отрада и лучший друг – теперь смотрел на него с отвращением. Но в чём крылся корень его проблем? Джилл вовсе не плоха, скорее, она была даже замечательна. Почему Литтл-Мэй восстал против их отношений? Энтони раздражённо встряхнул отяжелевшей головой. С чего это он был обязан прислушаться к мнению большинства бестолковых горожан? Он волен был устраивать свою жизнь

по собственному усмотрению, нравится им это или нет!

Приняв такое решение, Энтони поспешно опустился в мягкое кресло. Солнце уже поднялось за горизонтом, и его тёплые, робкие лучики обласкали подоконник. Миг – и они почти стеснительно заглянули в остывшую комнату. Вдруг Энтони показалось, что он вернулся на сорок лет назад, и они с Региной, оба молодые и полные сил, сидят в гостиной в его особняке на Центральной Площади. Тогда он ещё любил свою жену. Она была молода, умна и красива, она могла зачаровывать и подчинять одним взмахом ресниц. Наверное, ей удалось затащить его под венец лишь благодаря своему мощному личному обаянию. Другого объяснения этому торопливому и безрассудному браку он не находил. Уже спустя пять лет он окончательно охладел к своей супруге. Она оказалась не только притягательна, но также властолюбива и самоуверенна. Она совсем не подходила буйному, весёлому Энтони по темпераменту. С течением лет он даже возненавидел свою жену, освящённая в церкви связь с которой налагала на него определённые обязательства. Но сегодня, когда её не было на свете уже много лет, он не чувствовал к ней того отвращения, что было прежде. Нет, он словно вернулся в более счастливое и беззаботное прошлое. Он помнил, как однажды они, молодожёны, вместе молча наблюдали за тихим городским рассветом. Тот рассвет навсегда запечатлелся в его памяти... почему? Он вздрогнул: похоже, некая тень проскользнула у его уха... Он стремительно обернулся.

Регина сидела в соседнем кресле, юная и прекрасная, как в тот день. Длинные тёмные волосы падали ей на плечи. Она повернула изящную головку к нему и ослепительно улыбнулась. Энтони в ужасе отодвинулся: он не верил собственным глазам. Что с ним происходило? Он посмотрел на свои трясущиеся старые руки. Нет, он находился не в прошлом... Регина умерла...

Но она сидела, как живая, и на её тонких губах играла весёлая улыбка... в точности такая же, как и четыре десятилетия назад. Энтони почувствовал, как к горлу подкатывает колючий комок, а сердце начинает биться чаще от страха. Он был бы рад отвернуться от жуткого видения или закрыть глаза, но некая непреодолимая сила заставляла его внимательнее всматриваться в лицо давно умершей жены. Регина легко поднялась из кресла: то даже не скрипнуло – миновала журнальный столик и приблизилась к мужу вплотную. Он резко распахнул глаза... Этого не могло быть! Этого не должно быть! Она мертва, она мертва и давно уже сгнила в своей могиле! В горле у него пересохло, в ушах отчаянно застучала кровь. Регина склонилась к нему ещё ниже: теперь он мог видеть на её безупречной молодой коже каждый неверный блик солнечного зайчика... От её волос едва ощутимо пахло знакомыми цветочными духами.

– Привет, муж, – тихо сказала Регина, и её тонкие губы искривила мрачная усмешка. Она неосяземо коснулась рукой его поседевших волос. – Я жду тебя.

– Уйди... ты умерла... тебя здесь нет! – пронзительно вскрикнул испуганный Энтони. – Иди в свою могилу!

Регина покачала головой:

– Не могу, – призналась она. – Мне неудобно: мой гроб гниёт, и черви гложут мои кости. Я буду с тобой...

– Уходи! – Энтони сорвался с места.

Он не знал, что умеет бегать так быстро. С разбегу он врезался в стену, отшатнулся и на ощупь принялся искать ручку двери. Ему казалось, что призрак жены незримо стоит у него за спиной, а знакомые тонкие пальцы уже сжимаются на его горле... Картины перед его взором затуманились и поплыли куда-то, как спущенные с якоря корабли. Он не знал, как ему ориентироваться в этом странном новом мире. Все предметы вдруг размылись, утратив свои привычные очертания и пропорции. Шкафы вытянулись и сузились, стены исказились, пол сделался крошечным отполированным пятнышком, а потолок ушёл куда-то в небо...

– Энтони... – доверительно шепнул знакомый голос.

– Нет!! – взвыл он.

Наконец-то ручка здесь... приятный холод обжёг его горячую руку. Заунывный голос Регины зазвенел, как похоронный колокол. Она повторяла его имя, и с каждым произнесённым ею слогом интонация её голоса менялась...

– Энтони... – испуганно проговорила она.

– Убирайся! Исчезни! Оставь меня в покое!

Ручка поддалась, и он пулей выскочил в длинный узкий

коридор. Привалившись к двери, Энтони ещё долго пытался унять дробный перестук собственного сердца. Что это было? Что это было? Его колотила нервная дрожь, руки самопроизвольно то сжимались, то разжимались. Его дыхание хрипло разносилось в застоявшемся воздухе.

А с той стороны двери всё было тихо. Только лёгкое поскрёбывание опасно щекотало его взбудораженные нервы. Энтони почувствовал, как сердце сжала чья-то ледяная рука, перед глазами потемнело, а ноги сами собой вдруг подкосились. Стук – и он рухнул на колени. Стук – пискнуло в груди. Стук – и дверь неслышно распахнулась, ударившись о стену. На пороге возникла она: развевающиеся длинные рыжие волосы, блестящие тревогой зелёные глаза, бледное от испуга лицо. Джилл Санчайз упала рядом с ним. Её похолодевшие пальцы неуверенно искали пульс у него на запястье.

– Энтони! Энтони! Тони! – её бессвязные выкрики перемежались громогласными рыданиями.

– Уйди! Прочь, прочь от меня, мертвец! – взвизгнул старик, размахивая руками.

Тёмная пелена занавесила ему взор; одурманенный ею, он видел вместо живой Джилл мёртвую Регину. И мёртвая Регина холодно усмехалась ему из потустороннего мира. Ледяное дуновение, обхватившее его вокруг рук, как наручники, повлекло куда-то вдаль... туда, откуда возврата не было.

– Тони, это я! Это я, Джилл! – твердил из мира живых голос Джилл. – Очнись!

– Убери руки! Не трогай меня! Ты не имеешь права! Прочь, прочь! – бормотал Энтони.

Глаза его были полузакрыты, из груди рвалось хриплое, с присвистом, дыхание. Джилл, несмотря на то, что злословы называли её пугливой мышкой, в минуты опасности способна была обретать необъяснимую силу. Подхватив отчаянно брыкающегося супруга под мышки, она волоком протащила его из гостиной в коридор, оттуда – в спальню и уложила на постель. Энтони продолжал стонать и метаться; ему чудилось, что жена-покойница отнесла его к себе в могилу, и черви уже начинают вгрызаться в его внутренности. Заливаясь плачем, он кричал:

– Джилл! Джилл, помоги! Джилл!

– Я здесь, дорогой, – нежно прошептала Джилл, крепко сжимая руку беспокойно ворочающегося старика.

Но он словно не слышал её слов. Вернее, он их слышал, но по-иному, он слышал их из уст Регины, и это только ещё больше пугало его.

Сообразив, что разговором мужа не успокоить, Джилл в состоянии полного, змеинового, хладнокровия, подошла к семейной аптечке и вынула оттуда баночку с успокоительными средствами. Обычно их принимала младшая сестра Джилл, Сэнди, отличавшаяся крайней нервозностью, но Сэнди уже год не приезжала в гости, и её лекарства остались в распоряжении Эстеллов. Опытной рукой Джилл взяла стерильный шприц, отмерила нужную дозу успокоительного, и, подой-

дя к извивающемуся на постели Энтони, крепко схватила его за руку. Старик повернулся; его глаза широко распахнулись, но разум в них не вернулся. Казалось, что чья-то холодная рука – рука Регины! – рисует перед его взором картины, не имеющие ничего общего с реальностью. Не тратя лишнего времени на увещевания, Джилл спокойно примерилась и со всего размаху всадила шприц во вздувшуюся голубую вену мужа.

Он завопил от боли, выгнулся дугой и замахал руками, сшибая вещи с прикроватных тумбочек.

– Джилл! – кричал Энтони. – За что?

«Пришёл в себя», – отметила Джилл, осторожно усаживаясь рядом с супругом.

– Это успокоительное, дорогой, – объяснила она. – Скоро оно подействует.

– Здесь... ты не поверишь мне, но это правда! – сбивчиво начал объяснять Эстелл, выпучив расширившиеся глаза. – Здесь... здесь Регина! Регина пришла за мной, она обещала забрать меня в могилу!

– Что за чушь, – ласково проговорила Джилл, хотя необъяснимый страх тоже сжал её сердце, – ничего такого никогда не будет. Ты же только мой, Энтони, я ни за что не отдам тебя твоей бывшей жене. Просто забудь о ней, и она больше никогда нас не побеспокоит.

– Я тебе не верю, – дико глядя на неё, Эстелл отполз к краю постели и прижал руки к груди, словно в надежде за-

щититься от невидимой угрозы. – Ты заодно с нею!

– Я отобрала тебя у неё, дурень, – нежно проговорила Джилл. – Зачем мне ей помогать?

– Да... это так, – хриплым голосом подтвердил Энтони. Но взгляд его по-прежнему оставался пуст и безумен, и Джилл понимала, что испытанный им шок ещё не прошёл. – Регины нет, Регины нет... Она умерла, правда, Джилл?

– Конечно, дорогой, – ласково пожимая его вспотевшую руку, подтвердила Санчайз. – Конечно, она мертва уже много лет, и ты не должен её бояться. Ведь мы с тобой живы!

– Да... – откинувшись на подушки, старик испустил облегчённый вздох, и глаза его медленно закрылись. – Вот именно... Регина мертва, а мы с тобой живём! Живём! Ха-ха...

Джилл ещё долго сидела у его постели, поглаживая его безвольную руку, и терпеливо выслушивала произносимый им отрывистый бред, не имевший никаких точек соприкосновения с окружавшей их действительностью. Она согласно поддакивала Энтони, убеждала его, что Регина действительно мертва и не может никому навредить, лишь бы он, взволнованный муками поздно пробудившейся совести, не впал в истерическое состояние снова. Когда же его тихий голос начал угасать, сменившись, наконец, едва различимым храпом, Джилл, точно привидение, выскользнула из их комнаты, где всё, казалось, было отравлено запахом страха перед

надвигающейся неизбежностью. Она плотно закрыла дверь, чтобы полностью абстрагироваться от спящего мужа, и бесильно привалилась к белёной стенке своего домика. Усталый вздох вырвался из её груди.

Когда-то, задолго до своего знакомства с Энтони Эстеллом, Джилл работала в психиатрической лечебнице. Ей доводилось видеть помешанных всех сортов и мастей. Её взору представляли как и запуганные шизофреники, так и бешеные параноики, люди, страдавшие психозом, и ещё бесчисленное количество других. За годы добросовестного занятия своим делом Джилл научилась выделять самые незначительные признаки грядущей душевной болезни и ставить весьма точные прогнозы относительно того, вернётся ли пациент к нормальной жизни. Да, больничные будни были тяжелы для неё, молодой рыжеволосой красавицы, которая с детских лет грезилась о лёгкой жизни. Она с момента совершеннолетия искала себе приличную партию, и, обнаружив её в лице Энтони Эстелла, довольно привлекательного и состоятельного мужчины, без малейших колебаний вцепилась в него железными когтями гарпии. Джилл нисколько не смутил тот факт, что у её любовника имелась семья: законная жена и несовершеннолетний сын, – поскольку в семействе Эстеллов все славились своей распушенностью и не брезговали изменять супругам едва ли не ежедневно с разными пассиями. К тому же, у младшей сестры Джилл, Сэнди, получилось неким чудом закрутить роман с Бертрамом. Это окончательно убе-

дило Джилл, что юноша не имеет к отцу ни малейших претензий: ведь он в те времена пользовался едва ли не худшей славой, чем все его развратные дяди и далёкие старшие кузены. А Регина... что Джилл было за дело до переживаний Регины? Она была уверена, что эта холодная, несгибаемая леди не слишком опечалится разрывом с нелюбимым мужем. Регина Эстелл была ещё достаточно молода, и, судя по слухам, привлекательна, поэтому Джилл не сомневалась, что её соперница вторично выйдет замуж вскоре после развода. Тот, к слову говоря, прошёл мирно: всё отравило лишь несвоевременное вмешательство разозлённого и обиженного Бертрама. Но Энтони хватило наглости уйти из прежнего дома, ни с кем не попрощавшись. Так и началась эпопея под названием «Жизнь Санчайз и Эстелла». Конечно, любовникам пришлось бороться с мнением общественности, бывали такие тяжёлые дни, когда весь Литтл-Мэй, вставший на сторону брошенной и умирающей от рака Регины, шёл войной против них. Сама Регина никаких претензий не предъявляла; она знала, что не сумеет удержать мужа, да это ей и не было нужно. Она понимала: жить ей осталось совсем недолго, и всё вышло именно так. Регина умерла в больнице несколько месяцев спустя развода с Энтони, а тот даже не пришёл на её похороны. Жизнь прежней семьи его нисколько не интересовала. Пара упивалась друг другом, она пребывала на вершине блаженства, и бесконечные нападки и презрение Литтл-Мэя их не волновали. Джилл печалилась только

одним: Бертрам, сын Энтони, неожиданно бросил бедняжку Сэнди, и та, убитая горем, надолго сбежала в шумный Лондон. Следовательно, хорошей партии не вышло; вернувшись из столицы, потерявшая всякий стыд малышка стала менять одного мужа за другим, что вызывало у Джилл немалое недовольство. Впрочем, она не смела корить сестру вслух, ведь та добилась успехов в кинематографе. К тому же, у Джилл появилась любимая дочка Джоанна, а злобные городские жители исчерпали весь свой запас яда, ограничившись холодным презрением и невниманием. Но это не заботило Джилл. Несколько лет она и Энтони прожили в абсолютном счастье, и вот тут к ним в двери постучалась новая беда.

Старший Эстелл начал сходить с ума. Джилл понимала это по одному его взгляду: такому равнодушному и пустому, словно он уже не интересовался этим миром, глядя лишь на воображаемые им картины. Она слышала сумасшествие в его голосе, замечала в движениях. Она делала всё, что могла, дабы помочь ему побороть болезнь, но в данном случае она была бессильна. Если и существовал где-то Высший Суд, то его приговор был короток и ясен: Энтони не заслуживает пощады или даже снисхождения. Он понесёт полный груз вины за всё, что он содеял, не раскаявшись. Джилл была закоренелой атеисткой, однако и её практичное сознание осеменяла неизбежность совсем не радужного будущего. Будущего, заглядывать в которое она не желала никогда, предпочитая жить исключительно настоящим. У неё всегда полу-

чалось следовать своему принципу, но не сейчас. Джоанна только начинала свой жизненный путь, ей требовалась родительская забота. Девочка не должна была видеть, как её отец сходит с ума, как он теряет малейшее сходство с человеком, как он уподобляется разъярённому животному. Джилл видела пациентов с таким диагнозом, какой она поставила Энтони, и она понимала, насколько опасен он станет для ребёнка и для собственной гражданской супруги, если они срочно не придумают, что делать с ним дальше.

От этих тяжёлых мыслей Джилл отвлёк скрип отворяемой парадной двери: Джоанна вернулась из школы. Её школа, носившая гордое название «Общеобразовательное учреждение №47 имени Исаака Ньютона», располагалась в северо-западном округе Литтл-Мэя. Санчайз и Эстелл проживали в добровольном изгнании в южных кварталах, там, где убогие частные домики теснились друг к другу вплотную, а угрюмые неразговорчивые соседи проходили бок о бок, даже не поздоровавшись. Энтони, Джилл и Джоанна по-прежнему ютились в той самой конуре, из которой когда-то сбежала в лучшую жизнь Сэнди. Единственное, что изменилось: это внешний облик дома: к нему прибавился верхний этаж, который мистер Эстелл пристроил на счёт из своих личных сбережений. В прежнем же жизнь оставалась такой, какой она была больше двадцати лет назад, в день приезда сестёр Санчайз в тихий и мирный, казалось бы; немногочисленный городок Литтл-Мэй. Джилл гналась за роскошью, а получи-

ла взамен счастье – недолговечное. Джоанна не могла оставаться в этом доме и дальше; её следовало как можно скорее отправить куда-нибудь в другое место. Но куда? У Сэнди было слишком много проблем, её поглощал со своим очередным бывшим мужем: заставляет его отписать ей свою машину и двухэтажный частный домик; ей не до племянницы. К тому же, Джилл сомневалась, способна ли её безбашенная сестричка вообще быть матерью: не для собственных детей, которых у неё не было, а для малышки Джо. Оставался один вариант, их последний шанс на спасение – Бертрам Эстелл, этот молодой самовлюблённый эгоист, вдруг вздумавший исправиться и взять под своё крыло несовершеннолетнюю дочку лучшего друга – ровесницу Джоанны.

Обо всём этом и не только этом размышляла заботливая мать, пристально вглядываясь в грустное личико дочери. Той совсем не нравилось учиться в школе имени Исаака Ньютона; с тех пор, как она стала официально числиться в рядах студенток, у неё начались проблемы одна другой тяжелее. Большинство школьников Литтл-Мэя было до темени напичкано родительскими предрассудками, и, зная, чьей дочерью является их новая одноклассница, не прекращало изобретать всё новые способы испортить той жизнь. Фантазия ребят была неистощима на гадкие выдумки; Джоанна не успевала привыкнуть к одной плоской, противной «шуточке», как на смену ей спешила другая. Занятия превращались для ребёнка в сплошную муку, и, видя это, Джилл

начала подыскивать другую школу. Хотя, конечно, она прекрасно понимала, что нигде в Литтл-Мэе её дочь не найдёт себе покоя, она будет расплачиваться за грехи собственных родителей, даже за факт своего рождения, помешавший Регине и Бертраму Эстеллам наслаждаться привычной размеренной жизнью. Джилл изыскивала другие пути: она начала ездить в Хэмптшид, где уже долгие годы работал закрытый пансион для девушек. Хэмптшид – это не Литтл-Мэй, местным жителям нет никакого дела до того, в законном ли браке была рождена Джоанна и не восстановила ли она кого-нибудь против себя. Но, прежде чем сдаваться и позорно сбегать под прикрытием крепких стен пансиона, Джилл решила в последний раз испытать судьбу – испытать с подлинно женским коварством. Она уже собрала все необходимые документы и даже съездила в школу имени Альберта Эйнштейна – в ту самую, в которой, судя по слухам, обучалась приёмная дочь Бертрама, а некогда и он сам вместе со своими друзьями и Сэнди. Возможно, что-то перевернулось бы в сознании этого высокомерного человека при встрече со сводной сестрой. По крайней мере, Джилл надеялась, что ей удастся пробудить хоть отголосок совести в человеке, являвшимся истинным потомком семейства Эстеллов. Те никогда не заботились ни о ком и ни о чём другом, кроме самих себя; укорять и упрекать их было занятием бесполезным. С присущей ей непоследовательностью Джилл забывала, что после трагической гибели Джинни Дэвис Бертрам из-

менился; она не хотела понимать: человек, согласившийся позаботиться об осиротевшем ребёнке и выполняющий свою миссию ответственно, как настоящий отец, вряд ли мог оставаться прежним упёртым эгоистом.

Решение было принято: Джоанна переведётся в школу имени Альберта Эйнштейна, а дальше стоило только положиться на судьбу, ибо ничего другого им не оставалось. Джилл вздохнула, забрасывая ноги на мягкий фиолетовый пуфик. Будто привидение, молчащая дочь проскользнула в гостиную и осторожно присела на ковёр рядом с матерью. Затем подняла голову, и её синие-синие, как васильки, глаза переполнились усталостью, какую Джилл нечасто удавалось заметить даже у пожилых, действительно видевших жизнь людей. Джоанна печально вздохнула:

– Мама, папа опять болен?

– Да, солнышко, – тихо ответила Джилл и отвернулась: ей не хотелось, чтобы дочь прочла по её лицу все недосказанности. – Поэтому нам не следует его тревожить.

– Мама, – Джоанна казалась на редкость серьёзной, – думаю, ты не станешь возражать, если я попрошу тебя перевести меня в другую школу? Отучиться в этой я не сумею даже до конца семестра. Может, стоит позвонить в закрытый женский пансион Хэмптшида? Я вчера нашла их номер в телефонной книге. Там наверняка будет куда лучше, чем здесь, в этом гадком городе. – Голос девочки дрогнул, ресницы затрепетали под бременем слёз.

– Нет, Джо, – твёрдо отрезала Джилл Санчайз, поднимаясь на ноги. – В Хэмптшид ты не поедешь. Я уже общалась с директором школы имени Альберта Эйнштейна, с мистером Мэноксом, и он согласился взять тебя в качестве ученицы, как только будут предоставлены необходимые документы. В общем, девочка моя, пока рано сдаваться. Готовься сменить обстановку: нас ждёт другое общество!

Но Джоанна ничуть не развеселилась. Взгляд васильковых глаз, устремлённый на притворно радующуюся мать, остался печальным, умоляющим.

– Не поможет, – вздохнула девочка, – все в этом городе будут обзывать и ненавидеть меня, в какую школу я ни пошла бы. Хэмптшид – это действительно наилучший вариант.

– Нет, не наилучший, – упёрлась Джилл, упрямо нагнув голову, – кто из нас старше: я или ты, глупенькая? Мать положено слушаться, вот и слушай мои советы.

– Какие же это советы, – протяжно вздохнула девочка, качая головой, – это больше похоже на приказ. Мам, ты ни разу не была ни в одной из четырёх школ, в которых я училась, вместе со мной, потому ты и не знаешь, каково там! Я не могу найти себе ни одного друга... Все только и делают, что обзываются и делают исподтишка гадости.

– Джоанна, ты ходишь в школу не для того, чтобы развлекаться на переменках, а для того, чтобы учиться, – не терпящим возражений тоном продекларировала Джилл по словам.

– Но одноклассники мне и этого не позволяют! – вскричала девочка, топнув ногой. – Даже если я забьюсь в угол и буду молчать, они всё равно найдут способ вытянуть меня оттуда и снова начать издеваться! Я не пойду учиться никуда, кроме Хэмптшида!

Скорчив оскорблённую гримасу, Джоанна демонстративно повернулась к матери спиной. Вскинутый острый подбородок был обращён к стене, васильковые глаза блестели упрямо и яростно. Сейчас, глядя на Джоанну, Джилл вспоминала похожие ссоры со своей младшей сестрой, от которых весь дом ходил ходуном и билась тонкая фарфоровая посуда. Тогда она ещё могла смириться с шумом и враждебностью, а сейчас уже, по прошествии многих лет, растеряла изрядную долю своего терпения и выдержки. Слишком много проблем разом набросилось на неё. После смерти Регины Эстелл порицание небольшого, но полного яда города обрушилось на неё, как цунами, она нигде не могла найти себе работу и от этого страдала, видя, как постепенно тает накопленный капитал Энтони. Когда симптомы его болезни проявятся ещё ярче, их траты увеличатся в несколько раз, они за пару лет проживут то состояние, на которое могли бы существовать безбедно вдвое дольше. А тогда... ей придётся либо сдать Джоанну в приют, либо отправиться обивать пороги надменного Бертрама и кланчить у него родственные подачки. Джилл нервничала с каждым днём всё больше; запас её кремниевых сил истощился. И она впервые в жизни

позволила себе сорваться на дочь.

– А ну, прекрати спорить! – прикрикнула Санчайз, прожигая Джоанну гневным взглядом. – Если я сказала, что ты отправишься учиться в школу имени Альберта Эйнштейна, значит, так оно и будет!

Джоанна взирала на мать широко распахнутыми васильковыми глазами, полными испуга. Ей никогда раньше не приходилось видеть Джилл в таком состоянии. Оглушённая ужасом непривычки, девочка могла только хлопать ресницами, наблюдая, как на висках у матери вздуваются толстые голубые жилы, щёки наливаются краской, а кулаки сжимаются, и кожа плотно, как будто присохнув, обтягивает костяшки пальцев.

Джоанне казалось, Джилл настолько зла, что может её ударить.

Но испуганный вид дочери мгновенно отрезвил Джилл. Стыд и презрение к самой себе накатили волнами на её опустошённую душу, и, издав протяжный стон, она хлопнулась в кресло. Волна медно-рыжих волос, в которых уже едва угадывались серебристые прядки седины, упала ей на лицо, скрывая его выражение. Джилл прижала холодные пальцы к ноющим вискам: дикая боль раздирала голову изнутри словно клещами. «За что, – мысленно шептала она, – за что столько страданий этому безвинному ребёнку? Разве она, невинный четырнадцатилетний цветочек, успела причинить кому-либо зло за свою короткую жизнь? Разве она повин-

на в своём рождении, в том, что чопорный Литтл-Мэй отказался признать нашу любовь?» Джилл уткнулась носом в колени: ей слишком тяжело было признать, что это она, она и Энтони своим безрассудством обрекли собственное дитя на роль всеми гонимой жертвы. Если бы ей удалось обуздать свою алчность, свою гордыню и свою безжалостность, ничего этого не было бы...

Энтони остался бы в семье, по-прежнему изменяя Регине; но после её неминуемой смерти он не решился бы вступить в брак снова: ведь он знал, как относится местное общество к его жене. Он не составил бы того проклятого завещания, которое и подтолкнуло Шеннона Мэллоя на убийство. Джинни Дэвис и Бертрам наверняка поженились бы и были бы счастливы в крепком браке (Джилл вдруг со злорадством подумала, что едва ли: Джинни стала бы только неуклюжим и никчемным довеском к не любящему и не уважающему её мужу).

Столько горя и смертей – а вина им одна. Любовь Джилл и Энтони перевернула всё с ног на голову в этом упорядоченном мире. Если бы не они, всего этого беспорядка не произошло бы...

Джилл медленно подняла голову, и на губах у неё заиграла гордая улыбка. Да, возможно, её неосмотрительные решения навлекли беду на головы стольких семей, но именно благодаря им, этим решениям, на свет появился её маленький ангел. И Джоанна была куда ближе ей, чем страдания друзей

и знакомых. Значит, она всё сделала не зря!

Поднявшись с дивана, Джилл оглянулась: она уже готова была принести дочери свои извинения и позволить ей выбирать самой. Но Джоанна давно выбежала из комнаты и исчезла в комнатах второго этажа, которые раньше занимала Сэнди. Мать последовала за нею по скрипучим деревянным ступенькам, стараясь ступать как можно осторожнее: каждый звук мог потревожить дремлющего Энтони. Остановившись напротив закрытой старенькой двери, она подёргала за ручку.

Комната была заперта. И из неё доносились приглушённые рыдания.

– Джоанна! Джоанна, девочка моя, открой! – жалобно всхлипнула Джилл.

От этих звуков у неё самой словно разрывалось сердце, ей хотелось проломиться в спальню дочери, прижать ту к своему трепещущему сердцу и успокоить, как грудного младенца. Но Джоанна отвечала из-за двери надрывным из-за плача, но решительным голосом:

– Нет, я тебя не пущу! Не пущу, не пущу, не пущу!

Джилл простояла под дверью почти два часа, и умоляя и приказывая дочери выйти, но та оставалась внутри. Наконец, Джилл отступила и с тяжёлым сердцем двинулась в кухню. Зажав в ладонях свою любимую кружку с ярко-оранжевым сердечком, она расположилась на тонконогом табурете и включила потрёпанный телевизор. Щёлкая пультом, она

последовательно перебирала каналы один за другим, пока не добралась до девяносто третьего по счёту. Это был знаменитый «С&М», на котором шёл любимый сериал большей части женского населения Литтл-Мэя: «Женщина в паутине страстей». Почему-то эти высоконравственные гражданки, так яростно клеветавшие на союз Джилл и Энтони, не имели ничего против фильма, где снималась ещё одна из ненавистного им рода Санчайз. Вероятно, в этом городе мало кто удосуживался смотреть титры и выяснять имена актёров: их удовлетворяло симпатичное личико Сэнди, после её восхождения по лестнице кинематографа ставшее неузнаваемым. Джилл отнюдь не нравились занятия сестры, но она не смела помыкать той, как рабыней. Несмотря на свою антипатию к «Женщине в паутине страстей», старшая сестра, чувствуя себя чем-то вроде группы поддержки младшей, следила за действием сериала – вполглаза и вполуха.

Именно этим она и занималась в тот момент, когда застеклённая дверь еле слышно приоткрылась, и в комнату неслышно, будто бесплотный призрак, проскользнула Джоанна. Личико девочки побледнело вдвое против обыкновения, на щеках ещё виднелись следы недавно пробежавших слёз, и васильковые глаза, припухнув, покраснели. В этот момент главная героиня Сара, которую играла Сэнди, объяснялась в любви с очередным своим поклонником – кажется, его звали Мэтью. Вошедшая девочка с любопытством взгляделась в экран, и Джилл, вспыхнув до корней волос, тут же

выключила телевизор. Ей не хотелось, чтобы её дочь видела, что произойдёт в сцене дальше.

– Ты успокоилась, солнышко? – участливо осведомилась мать.

Дрожащая Джоанна подступила ближе, потупив голову.

– Понимаешь, – зажурчала Джилл, стремясь загладить ошибку, – я вовсе не хочу совершать насилие над твоей волей. Если ты не хочешь учиться в школе имени Альберта Эйнштейна – это твоё решение и твой осознанный выбор. Ты хочешь поехать в Хэмптшид? Хорошо, давай я пока позвоню директорисе Аммель, а ты пока собирай вещи.

– Нет, мама, – Джоанна торжественно покачала головой и невольно всхлипнула, – твоё желание для меня значит очень много. Поэтому я попытаюсь ещё раз оправдать твои надежды. Но... пожалуйста, если у меня не получится до конца семестра, ты же позволишь мне уехать туда, куда я хочу?

Джилл вздрогнула: такие ужасные слова ей однажды приходилось слышать из уст Сэнди, она знала, что последствия от таких решений могут быть наихудшими. А она вовсе не желала для своей единственной, любимой, чудесной девочки ни страданий, ни горестей! Протянув к Джоанне руку, мать прошептала, едва сдерживая неожиданно наворачнувшиеся на глаза слёзы:

– Подумай, моя милая! Я вовсе не держу тебя насильно, ты вольна выбирать самостоятельно, ведь ты уже взрослая

девочка!

– Нет, мама, – опять повторила Джоанна, и в её голоске впервые прорезалась такая сталь, какую Джилл не доводилось слышать даже из уст взбалмошной младшей сестры. – Я пойду учиться туда, куда ты хочешь.

– Если это твоё окончательное решение...

– Да, – с королевским достоинством наклонив голову, Джоанна степенно вышла из кухни.

Словно громом поражённая, Джилл осталась неподвижно сидеть на своём стуле. Пальцы её нервно пробегались по полустёртым кнопкам пульта, а душу уже начинало терзать предчувствие чего-то недоброго, как чёрная туча зависшего над её семьёй. Оглушённая голосами, кричавшими и шелестевшими в её взволновавшейся душе, она не могла слышать, как плачет её дочь, поспешно убегая наверх.

* * *

Мелисса отлично знала, что семейка Мэллоев не простит ей истории с краской. Она уже заранее подготовилась к невообразимой тирании Барбары, к злобному шипению Джордана и даже к возможной явке в кабинет директора. Она так нервничала, что не могла уснуть нормально, и лишь благодаря этому встала с первыми лучами солнца. Протирая покрасневшие глаза, девочка бросила скользкий взгляд на часы: стрелки застыли на половине восьмого. Впервые за свою долгую школьную историю Мелисса Эстелл умудрилась проснуться раньше восьми-двадцати утра. Ей навер-

няка предстояла выволочка, едва только Барбара нажалуется господину Мэноксу (а она обязательно нажалуется, иначе это будет не Барбара), так что не стоило возмущать учителей и своим привычным опозданием. Одевшись и причесавшись, дабы не походить на взлохмаченное чучело, в облике которого она обыкновенно являлась на занятия, девочка вприпрыжку принялась спускаться с лестницы. Настроение у неё отчего-то вдруг сделалось отличное; хотелось петь и плясать, протягивая руки к солнцу, улыбавшемуся так широко и тепло в последний раз в этом году. Но, стоило Мелиссе вспомнить о кознях зловредной Мэллой, как на душу ей снова свалился двухтонный камень. Волоча ноги, словно гири, она нехотя поплелась к холодильнику.

«И с чего я вдруг вообразила, что что-то в моей жизни изменится? Разве хоть что-то перестало быть прежним с момента появления в моей жизни дружеского участия? Да и какое оно дружеское? Неужели я настолько самонадеянна, что действительно верю в возможность существования искренних, простых отношений, где люди не требуют друг от друга большего, чем уважения и понимания? Наверное, Питер и сёстры-близнецы уважают меня – совсем чуть-чуть, – но понимания они мне дать не могут..ну а я и не требую». Мелисса давно привыкла к своему одиночеству и научилась извлекать из него максимальную пользу. Быть единственным приёмным ребёнком единственного опекуна-трудоголика означало чувствовать свободу полёта.

Она могла смотреть те фильмы, которые ей нравились, читать книги, которые она хотела прочесть бы. Устойчивая репутация ненормальной двоечницы-одиночки, с успехом закреплённая за нею в школе, отпугивала от неё любителей поболтать и посплетничать. Получалось так, что даже среди скопления своих ровесников Мелисса оставалась на отшибе. Она могла погрузиться в свои мысли, раствориться в них и позабыть обо всех проблемах, как то уже вошло у неё в привычку. Но все вышеуказанные плюсы не шли ни в какое сравнение с многочисленными минусами. Мелисса не могла отрицать, что и она нуждается в общении. А этого самого общения ей катастрофически не хватало. Окружённая только книгами, телевизором и компьютером, она представляла себе мир совсем другим. Но реалии столкновений с Барбарой, почему-то люто её ненавидевшей, и отсутствие какого бы то ни было интереса со стороны окружения убеждали её – мир далеко не сказка. Иногда Мелиссе казалось, что она – просто тупая безвольная марионетка, которой обрезали нити и выкинули на сцену – пусть все прочие «актёры» развлекаются, перебрасывая её друг другу, как забавный резиновый мячик!

Уныло вздохнув, Мелисса бросила скользкий взгляд на вялое растение, пригнувшееся к чёрной земле в цветастом широком горшке. Дядя, как обычно, позабыл полить его, а она об этом и не вспомнила.

«Вот кто мы такие – два чистопородных эгоиста, навек обречённых на изоляцию от нормальной части мира».

Ещё раз вздохнув, девочка распахнула тяжёлую дверцу холодильника и выудила оттуда две пачки йогурта. Удивительно – в кои-то веки Бертрам удосужился сходить в магазин! Обычно бегать за покупками приходилось Мелиссе, поскольку дядя наотрез отказывался хоть куда-то тащиться после долгого рабочего дня. Тут ей на глаза попался чек из супермаркета, и она сразу же упрекнула себя в недогадливости. Разумеется, заказ был оплачен и доставлен прямо к порогу их дома специальным курьером. Девочка едва заметно усмехнулась.

«И почему у меня не хватает смелости признать, что в жизни нет и не может быть ничего необычного? Почему я ищу крупицу чуда там, где царствует материализм? Чарлз Дарвин и его последователи убили бы меня за ерунду, которую я сама себе вбиваю в голову, – мрачно хмыкнула Мелисса, открывая пачку ещё холодного, похожего на желе застывшего йогурта. – Я убеждена, что общаюсь с призраками, слышу бестелесные голоса... Нет, мне определённо место в дурдоме».

На смену унынию вновь пришла тревога: ведь она так и не придумала, как можно решить проблему с Барбарой. Извиняться совершенно бесполезно: такие, как она, не умеют слушать. Барбара не успокоится, пока не сумеет отомстить в ответ. А вот в то, что она это сделать сумеет, да ещё по высшему классу, девочка даже на миллисекунду не сомневалась. Как лучшая ученица в классе и самая органи-

зованная и талантливая спортсменка школы, Барбара имела при себе столько друзей и прихлебал, сколько Мелиссе и в лучших снах не снилось. Вся эта гигантская орда охотно ополчится против кого угодно по первому же зову своей предводительницы. Представив себе все гадости и подлости, какие покорное войско Мэллой с готовностью пустит в активный оборот, девочка даже поёжилась.

«Ну почему у меня такая непонятная жизнь? Одни проблемы... и как от них избавляться, неизвестно. У других ребят есть семья, которая всегда утешит, или друзья, которые никогда не предадут. А у меня? У меня есть только дядя, а он о себе лишь и думает. Так и получается, что мне приходится во всём разбираться самой. И, кроме себя, мне больше не на кого рассчитывать».

Стремясь помочь (если только это было правдой, а не ловко провёрнутым трюком с целью подставить её под удары Мэллоевской свиты), Питер сделал только хуже. Габри и Оона же не обязаны были помогать ей, зная, что из-за этого навлекут на себя неприятности.

Вздыхнув, Мелисса задумчиво поболтала ложкой в йогурте. Есть совсем не хотелось; и неудивительно: при воспоминании о всех возможных злодейских выходках Барбары аппетит улетучивался бесследно. Она отставила нетронутую баночку в сторону и апатично уставилась в окно. С приближением поздней осени темнеть начинало всё раньше, а светать – позже, так что теперь ей редко удавалось увидеть

солнце таким, каким она его любила: большим, искрящимся тёплым золотистым светом. Солнцем, которое любило всё на этой земле независимо от того, что это было: грязный камешек, пугливая лань или окончательно отчаявшийся, загнанный в тупик человек. Солнце любило каждого, и потому оно так щедро отдавало округе свои сокровища. Как было бы хорошо, если бы хоть там, на небе, что-нибудь было постоянным!

Но даже солнце меняется. Приходит осень, за нею – зима, и оно, как скупердьяй-лавочник, редко показывается на небосклоне во всей своей красе. Подобно этому же лавочнику, оно предпочитает, закутавшись в плотную завесу мрачных туч, выйти на крыльцо и постоять немного – так, для галочки, лишь бы посетители видели, что он на самом деле здесь и лавка его работает. Солнце тоже становилось жадным и неприветливым. В точности так же происходило и со всеми людьми, которых Мелисса знала. Им не было до неё никакого дела; для них она была настолько жалкой и униженной, что снисходить до её уровня никому не хотелось.

Она делала всё, чтобы понравиться одноклассникам: говорила только на те темы, которые их интересовали, слушала ту музыку, от которой у них по коже бегали радостные мурашки, смотрела обожаемые ими сериалы; – даже если от всего этого к её горлу подкатывала тошнота. Но её всё равно продолжали унижать. Невзирая на свои старания, Мелисса так и осталась тенью в уголочке, той, к кому подходили

с односложным: «Привет!» – только в самых крайних случаях, когда вокруг не осталось ни единой живой души.

«О да, теперь я понимаю, почему они так ко мне относятся, – мрачно подумала Мелисса. – В любом классе должен быть изгой – тот, на ком срывают своё раздражение все прочие ученики. И кто, как не я, подхожу на эту роль лучше всего, ведь ясно же, что я отдам собственную голову ради одного-единственного приятеля в этом скопище врагов?»

И как теперь что-то изменить? Как избавиться от Барбары с её свитой сплетниц?»

Не зная, как можно найти ответы на эти бесконечные вопросы, Мелисса бессильно уронила голову на руки. Одно было ей точно известно: всё это придётся делать самой; никто не станет подсказывать ей и терпеливо направлять на нужный путь.

Она встала из-за стола и сердито фыркнула. «Нет живых друзей – и не надо! – надменно подумала она. – Обойдусь без них!»

* * *

Джоанна стояла, дрожа, на крыльце своего дряхлого домика и чувствовала, как скрипят под неуловимыми движениями воздушных потоков старые доски. Их её отец, мистер Эстелл, по какой-то странной причине всё никак не мог заменить, несмотря на то, что мать в ультимативной форме требовала от него этого. Из-за злосчастных скрипучих досок, которым, наверное, уже давно стукнуло полвека, у обыч-

но дружного семейства возникали бурные, как цунами, конфликты. Джоанна слегка улыбнулась: в памяти проскользнуло ещё детское воспоминание об одной особенно разрушительной ссоре родителей. В отличие от других жителей Литтл-Мэя, отзвуки чьих скандалов проникали даже за стены близлежащих домов, Энтони и Джилл никогда не ругались всерьёз. Возможно, потому, что они оба относились к жизни легко и понимали: нескончаемыми воплями и упрёками характер супруга не переделаешь. А, может, и потому, что они очень сильно друг друга любили. Для Джоанны в силу её возраста второе объяснение было куда понятней и ближе первого, поэтому она искренне верила в нерушимую силу чувств матери и отца друг к другу. Никогда она не видела и не слышала, чтобы родители искренне обменивались проклятиями. Самое худшее, на что они были способны, так это на высказывания типа: «А ну-ка, ленивый толстосумчик, поднимай свою засидевшуюся мягкую часть тела и иди делать то, что я тебе, как дятел, долблю в голову столько лет! Ты не боишься, что я могу пробить в твоём черепе дупло? Тогда ты будешь уже не таким красивым, да и перед Джоанной неудобно...», или: «Драгоценная жена, ты знаешь, как сильно я тебя люблю. Но ты понятия не имеешь, как сильны мои чувства к еде! Если ты будешь пятый день подряд сидеть на диете и бойкотировать ужин, моё обожание к тебе и к вкусному рагу вступят в противоборство!»

Словом, Джилл Санчайз и Энтони Эстелл были дружной

супружеской парой. Одно только не вязалось с этим утверждением: их отношения, которые они так и не удосужились оформить официально. Сначала Джоанне было абсолютно всё равно: подумаешь, чего стоит какой-то жалкий штамп в паспорте, если можно поставить второй такой же, но о разводе? Опыт общения с истеричной тётушкой Сэнди, которая, к счастью, не так часто приезжала в гости, научил девочку, что брак – вещь крайне хрупкая и ненадёжная. Короче говоря, Джоанна не обращала никакого внимания на законность своего рождения и любви родителей. Она была привязана к ним, они носили её на руках, холили и лелеяли... чего ещё ей было желать? К тому же, она была слишком маленькой, чтобы думать о подобных скучных вещах.

Но, когда она пошла в школу, всё изменилось. Волна негатива встретила её в открытом мире. Никто из детей не желал с нею общаться, её обзывали, тыкали в неё пальцами и дразнили. А всё из-за того, что её родители не хотели пожениться! Ну какое, интересно, было дело этим людям до жизни, которую вели Энтони и Джилл? Разве мало было в Литтл-Мэе семей, называвшихся так лишь по собственному желанию? Нет, почему-то из всего этого огромного скопища молва выбрала именно их. Джоанна возненавидела своё окружение. Она терпеть не могла одноклассников, школу, учителей... Все они смотрели на неё свысока, словно подтверждая этим мысли, роившиеся в их мозгах: «Вот мы рождены в законном браке, на наших родителей никогда не падало

обвинение, которое мы предъявляем твоей семье... А ты – жалкая незаконная дочь, да что ты стоишь в сравнении с нами?!» Джоанну изводили так, что она часами не могла успокоиться, рыдая в женском туалете. Она до сих пор помнила одну очень жестокую шутку своего одноклассника – кажется, его звали Барб Вуйч, – который притворился её настоящим другом, а потом жестоко предал. Он заставил её посещать занятия гимнастического кружка (конечно, девочки были с Барбом в сговоре), благодаря ему она поверила в свои силы... Однажды – в день, когда она навсегда разочаровалась в Литтл-Мэе и в его жителях, – девочки принялись строить пирамиду: три гимнастки, как основание, держали на своих плечах двух следующих, а последняя, шестая, прыгала с вершины на руки товарища. Этим товарищем был Барб... Он стоял тогда, в полутени гигантского спортивного зала, и весело ей улыбался. Тогда-то она не знала, что это за гадостная улыбка! Она думала, всё наконец-то осталось позади; что она влилась в число своих и стала такой навсегда! Крепко зажмурившись, Джоанна помахала руками, как крыльями, и радостно сиганула вниз, уверенная, что Барб успеет её поймать.

Но боль от того удара всё изменила. Лёжа на полу, она изумлённо таращилась на своего якобы «друга». Он даже не попытался её подхватить. Потрясённая Джоанна даже не знала, что сказать. От удара болело всё тело. А Барб стоял над ней, как торжествующий победитель – над побеждён-

ным, и залиvisto смеялся. Девочки-гимнастки, все учившиеся на пару классов старше, держались за животы и колотили кулаками по спинам подружек. Насмешки и ехидные фразочки обстреливали её со всех сторон. Джоанна помнила, как больно ей тогда сдавило грудь – но падение здесь было ни при чём. Просто там, внутри, лопнул, разбился на несчётное количество мелких осколков пузырёк, в котором ещё теплился огонёк её доверия к миру.

«Барб! Почему?..» – прошептала она, и на глазах у неё показались слёзы.

А Барб, не смутившись, наклонился к ней вплотную и издевательски проговорил:

«Ты, что, поверила? Неужели ты настолько тупая? Я до последней минуты надеялся, ты раскусишь розыгрыш! Джо, – он наклонился ещё ближе, и его лицо стало похожим на чёрный овал, – ты сама подумай: если бы ты нормально физкультурой занималась, разве девчонки не позвали бы тебя ещё раньше? Сами?»

Такого удара она вынести не смогла. Заливаясь слезами, Джоанна резво подхватилась с пола, и, несмотря на то, что ноги и спина отзывались стреляющей болью, выбежала из спортзала. А гимнастки и Барб-предатель продолжали громко смеяться ей вслед.

На следующий день Джоанна навсегда попрощалась с этой гадкой школой, полной подлецов и разочарований. Но родителям она так и не рассказала о том, что именно заставило её

раз и навсегда порвать со своим единственным приятелем, которым она с такой готовностью хвасталась раньше. Отец, может, ничего и не понял, зато мать явно сопоставила факты и сделала свой вывод. Впрочем, это не имело никакого значения: Джоанна и Джилл никогда не заговаривали на эту тему. Для них школа №32 осталась не более, чем воспоминанием. Воспоминанием, одно возвращение которого уже вызывало боль. Впрочем, в последующих учебных заведениях, где Джоанна пыталась найти своё место, было не лучше. Предательство Барба преподало ей важный урок, заученный ею наизусть: никому нельзя было доверять, кроме самой себя и родителей. Помня о том кошмарном дне в спортзале, девочка никогда больше не пыталась заводить себе друзей. Да и её окружение не особо стремилось увидеть её в числе хотя бы близких знакомых. Конечно, можно отрицать сколько угодно, что общество родителей – это всё, что ей нужно; что семью никому и никогда не удастся заменить, но Джоанна всё равно чувствовала себя беспредельно одинокой. Она понимала, что занимается бесплодным самообманом, однако зачем-то продолжала это делать – наверное, назло всем! Все-му! Каждому, кто осмелился бросать ей в лицо, что она незаконнорождённая, что всему городу было бы легче жить и дышать без неё. «Господи, – измученно подумала она, – неужели я настолько грязная и противная; неужели я распространяю какие-то убийственные радиационные волны, раз меня так жестоко травят? По крайней мере, я не знаю, чем ещё это

можно объяснить. Мама и папа любят друг друга... ну и что? Младшие братья папы ведут себя ещё хуже... но их же никто не осуждает! Так чем провинились мои родители? Почему я должна отвечать за выдуманные кем-то грехи?»

Да, конечно, Джоанна знала о загубленной жизни Регины Эстелл. Каким чудом в таком маленьком городе, как Литтл-Мэй, где почти все знают друг друга в лицо, возможно было скрыть существование бывшей жены Энтони? Озлобленные горожане нашёптывали девочке в уши совершенную правду: о том, что её отец подло бросил и предал законную жену с родным сыном, бросил ради какой-то медсестры двадцати пяти лет от роду... Но вышеозначенная пара предприняла все усилия к тому, чтобы Джоанна не поверила слухам. Им легко удалось убедить ребёнка, всецело доверявшего им, что к смерти Регины ни Энтони, ни Джилл никоим образом не причастны, а наивная малышка не стала сомневаться: она всегда уважала родителей и привыкла во всём на них полагаться. В её глазах её мать и отец были самыми лучшими людьми на земле, да и как она могла думать иначе? Литтл-Мэй постоянно унижал и обижал её, местные жители никогда не считали её за личность, за самостоятельного человека, способного анализировать и мыслить. Если бы она отвернулась и от Джилл с Энтони, весь мир стал бы тогда её врагом. Ведь от бескрайних просторов, открывавшихся глазу, стоило только распахнуть дверь, она никогда не ждала ни добра, ни понимания. Джоанна думала, что даже если бы она сме-

нила имя и уехала на другой конец земли, и там тоже ей пришлось бы терпеть унижения. Как и здесь. Как и сейчас. Как и всегда...

– Если у меня есть только родители... – прошептала девочка, обхватывая себя за плечи, – если у меня есть только они... то что же останется... если их не станет?

Эта мысль была настолько ужасна, жгуча, словно калёное железо; она плавил мозг и иссушала душу. Но... действительно, куда она пойдёт, куда она денется, что с нею будет, если папа и мама...

«Не хочу об этом думать! – упрямо фыркнула в мыслях Джоанна, с силой прикусив губу. – Не буду, не хочу и не буду никогда!»

«А всё-таки...»

– Нет! – взвизгнула она и топнула ногой. – Это всё они... они вбивают мне в голову всякую ерунду, чтобы я им верила; а потом они снова начнут насмеяться, так всегда было!

Под многозначительным местоимением «они», конечно, подразумевались жители Литтл-Мэя, которые всей душой ненавидели и Энтони, и Джилл, и Сэнди, и даже ни в чём не повинную Джоанну. Эти завистливые, мелочные, подлые людишки могли бы бросить девочке в лицо лишь один упрёк: в том, что она вообще родилась на свет в этом городе, в это время и от этих родителей. В остальном Джоанна была идеальна – намного лучше коренных местных жителей, сорванцов, на чьи проказы и шалости зачастую посмат-

ривали сквозь пальцы. Наверное, если бы Литтл-Мэй хоть на секунду прекратил плевать бессильной яростью, он понял бы, что Джоанна – совсем не плохой ребёнок. Но только сам факт её рождения ангельские крылья очернял несмывающейся краской. И этого уже нельзя было изменить.

Где-то в глубинах сумки у неё пронзительно затрещал звонок будильника: это телефон новейшей модели, купленный ей папой в одно погожее воскресенье без особых поводов, напоминал хозяйке, что подошло время исполнять ненавидимую ею обязанность – посещение школы. От учебного заведения имени Альберта Эйнштейна Джоанна не ожидала ничего хорошего, как и вообще от всего Литтл-Мэя, за исключением родителей.

«И почему, почему мама только не отправила меня в Хэмптшид?!»

Тяжело вздохнув, девочка возвела страдающий взгляд к хмурому небу. Хотя у неё не было ни малейшего желания повиноваться, она всё-таки это делала: ради матери, ради отца. Она уважала своих родителей и ценила их мнение. Поэтому ей оставался единственный выход: поднимать голову, вгоняя обратно в глаза горькие слёзы, через силу улыбаться семье и топтать навстречу очередной экзекуции.

– Что ж, думаю, мне пора, – произнесла она вслух, оправила ремни рюкзака на своих сутулых худых плечах и неспешно потащила через двор к воротам.

Джоанна не стала прощаться: мама ушла к своей лучшей

подруге Элизе, а папа никогда не просыпался раньше полудня. Она проворно присела на корточках, выудила из кармана клочок бумаги и загнала его под дверь для питомцев, которых семейство Эстеллов всё равно не держало. Это была дежурная записка: «Папа, я ушла в школу. Не волнуйся, на обед я приду домой. Не скучай».

Джоанна.

P. S.: Тосты в холодильнике, надеюсь, ты разогреешь их сам».

Улыбаясь почему-то легко и радостно, Джоанна быстро вышла за ворота и пружинистым размашистым шагом зашагала по улице. Школа, куда мать определила её учиться на этот раз, располагалась недалеко, поэтому ей не требовалось садиться в автобус, хоть он и проезжал мимо подслеповатых окошек дома Эстеллов. Ненавидя всех местных жителей, Джоанна заодно возненавидела и общественный транспорт. Даже если ей требовалось отправиться на другой конец города, она всегда передвигалась автостопом. Может, именно поэтому по бегу и лёгкой атлетике она была первой среди девчонок, с которыми приходилось учиться. Но Джоанне не нужны были эти достижения: она с охотой променяла бы их на способность драться без правил или на оскорбления отвечать неизменно оригинально, остроумно и язвительно. Увы, в этих двух искусствах она была откровенно слаба. Хотя девочки не упускали случая исцарапать её или обидеть так, чтобы потом она целый день рыдала в женском туалете.

те или дома, зарывшись лицом в мягкую, добрую подушку, Джоанна так и не научилась давать сдачи: для этого она была слишком робкой и нерешительной.

«Вот было бы хорошо, если бы в каждом переулке и за каждым школьным углом сидел хороший суфлёр, который подсказывал бы ответ на издевательства, или чемпион мира по тайскому боксу, который мог бы побить за меня», – мечтательно подумала девочка. Увы, такие мысли всегда оставались для неё в разряде неосуществимых желаний. Она оставалась слабой, отстоем и позором класса, а её враги не проявляли к ней ни капли милосердия.

«В точности так же будет и в этот раз. Ни к чему надеяться на счастливый финал – я это представление уже не один раз видела», – угрюмо подумала она.

Именно такие мрачные мысли тяжёлым грузом навалились на плечи Джоанны, когда она подошла к крыльцу школы имени Альберта Эйнштейна. На первый взгляд эта бежевая громадина не показалась ей враждебной или уродливой – уже хороший знак: интуиция никогда не обманывала девочку, значит, здесь ей удастся более-менее спокойно проучиться хотя бы первые две недели. На большее она уже не рассчитывала. Если и эта попытка наладить с Литтл-Мэем контакт провалится с треском, – а она обязательно провалится, в этом не следовало сомневаться ни на одну секунду! – то Джоанна наконец села бы на тёмно-синий с золотыми полосами автобус, мчащийся к Хэмптшиду, и растворилась бы

на долгие семь лет среди одинаковой массы учениц в строгой серой форме. Железный распорядок дня, послушание и молчание – девиз любой студентки Хэмптшидского пансиона. Туда принимают девочек в возрасте от одиннадцати до восемнадцати лет, воспитывают их, словно родных детей, ведь им... им не положено выходить за ограду до наступления летних каникул. Порядки там были весьма жёсткими, но Джоанна готова была смириться не только с ними, но даже с вынужденной разлукой с семьёй. Ей хотелось нормальной жизни – обычной жизни обычного подростка, ничем не выделяющегося среди многих и многих своих сверстников! Если бы ей позволили, если бы её не вытаскивали из тёмного угла, дабы поиздеваться всласть, она сидела бы так тихо, что об её существовании напоминала бы лишь строчка с её именем и фамилией в классном журнале. Но все её проблемы заключались именно в том, что ей не давали жить спокойно! Она прыгала в нору – и чьи-нибудь заточенные коготки обязательно вытягивали её оттуда за шиворот, на белый свет. На яркое солнце.

«Посмотрим, сколько времени пройдёт, прежде чем я не смогу учиться в этой школе», – решила Джоанна, неспешно поднимаясь по ступенькам.

Утро выдалось на редкость прохладным для Литтл-Мэя в эту пору, поэтому на крыльце не было почти никого из учеников, если не считать высокой, красивой девочку примерно одних лет с Джоанной, которая сидела на ступеньках и что-

то читала, накручивая на указательный палец длинный белокурый локон. Заслышав рядом шаги, девочка подняла голову и с нескрываемым любопытством уставилась на вновь прибывшую.

«О нет. Надо любым способом избежать знакомства», – в страхе подумала Джоанна, уже наученная горьким опытом общения со сверстниками. Притворившись, будто не замечает тарашащуюся на неё девочку, она ускорила шаг.

– Эй, ты кто?

Этот вопрос настиг её совершенно неожиданно, в самый неподходящий момент – ведь её рука уже лежала на дверной ручке.

– Я... Джоанна...

– Круто, – одобрила девчонка. – Слушай, куда ты так торопишься? Я – Габриэль. Габриэль Хаэн. Учусь тут в восьмом классе отделения «А», а ты? Ты новенькая? Я раньше тебя здесь не видела.

– Ну... новенькая, – пробормотала Джоанна.

Пальцы её, стискивающие дверную ручку, стали совсем белыми от напряжения. «Сейчас эта Габриэль Хаэн либо услышит от кого-нибудь, либо сама догадается, с кем разговаривает, и тогда... – испуганно подумала Джоана. – Нет, я ошибалась, ещё до уроков вокруг меня соберётся толпа недоброжелателей, эта толпа будет преследовать меня от урока к уроку, от перемены к перемене; будет подстраивать ворохи гадостей и осыпать насмешками...»

Пока Джоанна рисовала в своём воображении неприглядные картины будущей жизни, Габриэль Хаэн не бездействовала. Она обошла новенькую со всех сторон, внимательно пригляделась, радостно улыбнулась от уха до уха и...

– Надеюсь, ты тоже в восьмой класс идёшь? Тоже на моё отделение? Или...

– Да, да, да, – поспешила оборвать её Джоанна и многозначительно кашлянула. – Габриэль, мне нужно...

– Нет! – возмущённо возопила девочка, хлопая ладонью по приоткрывшейся двери.

Блестя выдающихся размеров серыми глазами, Хаэн привалилась к кирпичной стене здания и снова принялась пожирать Джоанну своим пристальным взглядом, который так её нервировал. Словно не замечая рвущегося из Джоанны желания уйти, Габриэль засыпала её вопросами:

– А ты откуда? Из Литтл-Мэя? Наверное, ты тут всех знаешь, так что я постараюсь держаться к тебе поближе. Нет, я не отсюда, я переехала из Хэмптшида только с недельку назад. Но, знаешь, свой класс успела изучить вдоль и поперёк. Хочешь, познакомлю тебя со своей сестрой-близнецом Ооной? И со своей лучшей подругой Мелиссой? Мелиссой Эстелл?

«Эстелл?!» – всё внутри у Джоанны словно оборвалось и заледенело. Она была настолько шокирована, что даже не заметила, как повторила последние слова неугомонно болтающей Габриэль:

– Мелиссой Эстелл?

– Ну да, – жизнерадостно подтвердила Габриэль. – Именно так. Наверняка ты о ней знаешь, она же приёмная дочь самого богатого человека в нашем городе.

«О Господи! – сердце Джоанны стучало так быстро и так громко, что она боялась, Габриэль услышит этот предательский грохот. – Господи, за что мне это?! Я попала в один класс с приёмной дочкой своего сводного брата... теперь мне точно не дадут жизни...»

О существовании Бертрама она, конечно, тоже была довольно хорошо наслышана, поскольку в последнее время даже родители обсуждали его жизнь чаще, чем собственные дела, заботы и проблемы. Несмотря на то, что они жили в одном небольшом городишке, девочка никогда с ним не встречалась, поскольку он сам старательно избегал любой возможности познакомиться. А Джоанне так хотелось поверить, что не все Эстеллы её ненавидят, что они не думают, будто она родилась по недоразумению и лишь испортила всем здесь их приятные спокойные жизни! К сожалению, с течением времени ей пришлось смириться с тем фактом, что даже собственный старший брат терпеть её не может, что даже для него она – чужая и навсегда останется чужой. Ещё пару лет назад Джоанна старательно копалась в старых телефонных справочниках, отыскивая фамилию Эстелл, задавала матери и отцу наводящие вопросы. Но в книгах места жительства всех Эстеллов в Литтл-Мэе были тщательно замаскиро-

ваны под слоем чернил, а родители не желали отвечать ей. Но Джоанна никогда не обижалась на них: она хорошо понимала, что её стремятся уберечь от беспокойства и очередных разочарований, ведь ничего, кроме этого, возможная встреча с родственниками папы не могла ей принести. Даже о приёмной дочери Бертрама девочка старалась не думать: любая розовая мечта о том, как они, ровесницы, подружатся и вместе станут противостоять давлению жестокой, несправедливой общественности, была не более, чем мечтой, и причиняла только острую боль, когда приходило чёткое осознание: это никогда не воплотится в жизнь.

И вот судьба решила улыбнуться ей... или подстроить очередную пакость? Она попала в один класс с приёмной дочерью своего старшего брата, который наверняка настроил подопечную так же, как и всех остальных ребят в городе. Весь класс, в том числе и дружелюбная Габриэль (она, кстати, в первую очередь), начнут очередной крестовый поход против Джоанны, едва узнают, кто она такая. Впрочем, многим даже знать её фамилию не требуется: живя в таком маленьком городке, как Литтл-Мэй, ребята не могли не видеться друг с другом хотя бы изредка. В том, что полномасштабная война против неё разразится уже сегодня, Джоанна не сомневалась ни на секунду. Мелисса... приёмная дочь самого Бертрама Эстелла... у такой девочки по определению не может не быть гигантской толпы друзей и прихлебал, усердно заглядывающих в рот при каждом зевке.

«Вот и начинается жизнь с чистого листа, казалось бы, – горько подумала Джоанна, – всегда я думаю, что в этот раз всё точно изменится, но неизменно получается так, что я фатально ошибаюсь».

Зудя, как приставучее насекомое, Габриэль подхватила Джоанну под руку, и, невзирая на всё её сопротивление, потащила внутрь школы. Это заведение могло дать фору любому другому, в котором девочке приходилось учиться. Если в большинстве школ старались разукрасить фасад и переднюю часть сада, скрывая великолепием царящее внутри запустение или же обыкновенную подражательную серость, то здесь всё было иначе. Здание было одинаково хорошо как изнутри, так и снаружи. По коридорам сновали, неумолчно переговариваясь, стайки учеников и учениц. Вблизи кадки с пышно разросшимся фикусом стояла высокая белобрысая девица с омерзительным выражением презрения на накрашенном фарфоровом личике. Заметив Габриэль, она потянулась, точно кошка, и весело, казалось бы, помахала ладошкой.

– Салют голодранцам! – пропела она. – Габри, вот и ты! Скажи-ка, как идут дела у твоего папаши-неудачника?

Габриэль стиснула зубы и кулаки так, что и те, и другие, застонали. Видимо, она из последних сил удерживалась от желания ударить говорившую по её разукрашенному лицу, и терпение её было на исходе.

– Барбара... – прошипела Габри, – прошу тебя, лучше за-

молчи и уйди отсюда, не то тебе самой хуже будет!

– Ой-ой, – Барбара смешно закатила ледяные серые глаза к потолку.

Хотя никто не потрудился познакомить её с этой неприятной особой, Джоанна уже поняла, с кем имеет дело. Барбара Мэллой, младшая дочь Ланса Мэллоя, одного из богатейших людей в Литтл-Мэе. Ланс совмещал в своём лице лучшего нотариуса, владельца сети кафе и магазинов, разбросанных по всему городу и за его пределами, хозяина разраставшейся за городскую черту, словно плесень в сыром подвале, типографии и активного общественного деятеля; несколько раз он покушался даже на звание мэра, но, к счастью, его так и не выбрали. Мэллой были самой заносчивой семьёй в городе: они даже жили на отшибе, в монументальном особняке, больше походившем на дворец, окружали себя толпой охранников и бдительно следили за тем, чтобы обыкновенные горожане не приближались ни к ним, ни к их бесценным детям: Джордану и Барбаре – даже на шаг. К счастью, Джоанна была слишком низкой особой для того, чтобы подобные звёзды обращали на неё своё королевское внимание.

Но в этот раз Барбара решила изменить собственным привычкам, что Джоанне не принесло никакой радости. Мэллой брезгливо дёрнула носом, таким образом, прерывая яростную словесную перепалку с покрасневшей, точно помидор, Габриэль, и обратилась к Джоанне:

– Эй, а ты кто? Я тебя раньше в нашей школе не видела...

Дрожа от омерзения и страха перед Мэллой, Джоанна выдала сквозь клацающие зубы:

– Я...я...новенькая... Джоанна... буду учиться в восьмом классе, на отделении «А».

– О, – серые глаза Барбары слегка расширились, но в следующее мгновение уже приняли свой обычный размер, – так, значит, мы теперь одноклассницы? Иди лучше сюда, ко мне. Общаться с отбросами, – она уронила пренебрежительный взгляд на Габриэль, – это не лучший выбор.

– Не ходи, – зашипела Хаэн, хватая колеблющуюся Джоанну за рукав, – она только притворяется добренькой; на самом деле она хуже королевской кобры!

– Спасибо на том, что признала: я и среди змей буду королевой, – отбрила её Барбара, по всей видимости, обладавшая тонким слухом.

– Конечно! – фыркнула Габриэль, закатывая глаза в точности как и Барбара. – У змей как раз есть все основания считать тебя своей родственницей.

– Помолчи лучше, – фыркнула Барбара сквозь зубы. – Кто бы говорил: дочка лужера-голодранца, который считает себя предпринимателем! Пфа!

Габри начало трясти, Джоанна была уверена, что она сейчас не стерпит и кинется на Барбару. Но от продолжения ссоры, и, возможно, даже начатия драки девочек удержало появление из-за угла некоего парня, по виду которого Джоанна сразу поняла, что он и есть легендарный Джордан Мэллой.

Такой же высокий, тощий и белобрысый, как и его сестра, он с проворством угря подошёл к троице и сощурился. Рядом с Джорданом Джоанна чувствовала себя так, как, должно быть, чувствовал бы пигмей, стоящий рядом с великаном. Её макушка не доставала надменному Джордану даже до плеча, и это было для неё крайне неловко и унижительно. Пару мгновений старший Мэллой рассматривал Джоанну с изучающим прищуром, как какое-то редкое насекомое. Наконец, он поднял голову ещё выше, как то входило в мэлловские привычки, улыбнулся зловеще и изрёк шипящим противным голосом, похожим на змеиный шелест:

– Надо же, кто к нам пожаловал. Да это же сама Джоанна Эстелл, наша знаменитая бастардесса!

Девочка почувствовала, как краска бросается ей в лицо и начинает быстро стучать в ушах.

– Вот так новость, – поддакнула Барбара, разинув рот от изумления так, что Джоанне стала видна её жвачка. – Что за важные гости! Отброс, как и Габриэль Хаэн, – с мстительной улыбочкой присовокупила она, стрельнув в сторону Габри недобрый взглядом, – неудивительно, что вы так быстро спелись. У нашей оборванки же чутье на таких, как она!

И Мэллой, довольные своей шуточкой, раскатисто расхохотались.

«Да, – печально заключила Джоанна, стремительно убегая прочь, – в этой школе мне тоже придётся несладко».

* * *

Математика была одним из самых нелюбимых предметов Джоанны. Она никогда не могла сосредоточиться на старательных действиях над числами, переваливающими за сотню, часто отвлекалась на свои невесёлые мысли или шуточки одноклассников, которые те считали весёлыми, ошибалась и слушала, как над её ошибками злорадно гогочет толпа детей, которые сами считали не лучше неё. Во всех школах, где ей раньше приходилось учиться, она никогда не выходила на первое место в списке успеваемости, но также никогда не занимала последних строчек. Отчаянно мечтая хоть раз, хоть где-нибудь, хоть когда-нибудь, стать невидимкой, человеком из толпы, пресловутым средним учеником, на результатах которого строятся все школьные нормативы, Джоанна могла хотя бы в классном журнале раствориться, словно песчинка на просторах огромной Сахары. Она была такой же, как и все... если не считать того, что носила фамилию Эстелл, и, как многие считали, незаслуженно.

«Но им какая разница? Что им за дело?! – обессиленно подумала она. – Зачем совершенно посторонние люди пытаются диктовать моим родителям свою волю? Неужели все в этом городе мнят себя идеальными? Но ведь это далеко не так...»

Раньше Джоанна была убеждена, что живущая через несколько домов престарелая Бритта Смит, занимающаяся адвокатурой, являет собой образец чистой нравственности. По крайней мере, сама пожилая леди упорно это утвер-

ждала, и с ней не отважился спорить ни один человек, даже тот, который знал наверняка, что она лжёт. Джоанна лишь однажды увидела, как эта добропорядочная гражданка отдаёт приказы своим трём дочерям, приехавшим в гости с детьми – ровесниками девочки, – и при малейшем несогласии раздражается волной упрёков и витиеватых матросских ругательств... Но Джоанне этого хватило. С тех пор отзвуки боязливого уважения по отношению к благой госпоже Смит заглохли навсегда, а сама Джоанна усомнилась, что в Литтл-Мэе действительно существует хоть кто-то, имеющий право осуждать её и её родителей. В городе жило немало людей, чьё поведение совершенно не вписывалось ни в какие рамки даже самой примитивной морали, однако волну общего негодования на себя приняли Джилл и Энтони. Его братья, в молодости заставлявшие весь город бормотать вполголоса о своих похождениях, ушли на покой, но их заменили дети: Бальтазар и Реджина. Об этих людях складывались легенды, а они позволяли себе намного большее. Они тонули в собственном разврате, однако их осуждали только втихаря, отвернувшись от глаз людских, и то – в каком-то восторженно-почтительном тоне, словно эта парочка заслуживала восхищения за свои поступки, или же обсуждавшие в глубине души завидовали, понимая, что никогда не отважатся сделать это сами, но всё-таки желая...

– Мисс Эстелл! – требовательно проговорил над ухом пронзительный тонкий голос мистера Сёрджа, их учителя

математики.

Сёрджу, наверное, было уже много за шестьдесят, его голову полностью убелила седина, голос стал писклявым и ломким, на руках со сморщенной желтоватой кожей появились пигментные пятна, но он, не утратив алгебраической точности, цепкости и хваткости ума, продолжал с успехом преподавать в средней школе имени Альберта Эйнштейна и пользоваться любовью и уважением всех учеников без исключения. Дело было в том, что он единственный – за исключением, пожалуй, всепрощающего директора мистера Мэнокса, – не позволял себе кричать на непослушных ребят и наказывать их. Хулиганам, даже самым отъявленным, почему-то было совестно бесчинствовать на его уроках, и потому они вели себя тихо и примерно. Джоанна, уже узнав об этом от всезнающей Габриэль, боялась всё равно. Как ни был бы хорош и справедлив мистер Сёрдж, он знал, что она – так или иначе – всеми ненавидимая Джоанна Эстелл, Джоанна Эстелл, которую предпочитали называть по фамилии её матери, Санчайз. Многие, чтобы выйти из дурацкого положения, предпочитали вообще не называть её фамилии и обращаться исключительно по имени. В обоих этих случаях Джоанна притягивала к себе новую порцию внимания, хотя она вовсе не желала этого

– Мисс Эстелл, – настойчиво повторил тонкий голосок мистера Сёрджа, – не могли бы Вы продемонстрировать нам верное решение этого уравнения?

Джоанна вострепелась и мутными глазами взглянула на учителя.

Стоящая у доски Барбара Мэллой со стуком отложила мел в сторону и гневно воззрилась на мистера Сёрджа. Пожалуй, она была единственной ученицей в этой школе, которая откровенно недолюбливала пожилого преподавателя за его честность и справедливость, за то, что он не желал угождать ей и неизменно указывал на ошибки в решении задач, с которыми Барбара, никак, невзирая на усилия многочисленных репетиторов, не могла подружиться. Высокий конский хвост, стянувший длинные обесцвеченные волосы с лёгким налётом странной зелени (Джоанна нахмурилась и потрясла головой: не обман зрения ли это?) взметнулся от резкого движения. Барбара свела вместе изящные дугообразные бровки, щедро покрашенные тёмным косметическим карандашом.

– Что это значит, сэр? – подчёркнуто вежливо спросила она, растягивая гласные во всех словах сообразно своей привычке. – Я – и неправильно решила уравнение?

– Думаю, мисс Мэллой, Вы можете сесть. Пусть его попробует решить мисс Эстелл, – сказал мистер Сёрдж, жестом отпавляя за парту одну ученицу и вызывая другую.

Но, как она ни билась и ни старалась, ей не удалось пре-
взойти Барбару. А ведь ей искренне хотелось в чем-нибудь, в чём угодно, оказаться лучше своей соперницы, гордящейся именно тем, что никак не могло быть поставлено ей в за-

слугу! А ещё... Она боялась разочаровать мистера Сёрджа, который с такой надеждой в тухнущем стариковском взгляде смотрел на неё... Но самым желанным и самым глупым было её стремление к другому. Она хотела привлечь внимание Мелиссы, выделить себя, показать, что она совсем не такая, как о ней сплетничают с неопишущим удовольствием... Ведь, несмотря ни на что, они должны были быть связаны между собой! Обязательно...

Но Джоанна старалась зря. В бесплодном пытении над архисложным уравнением незаметно прокрался мимо урок, а Мелисса так ни разу и не подняла головы от своей тетрадки с загнутыми уголками страниц и изрисованной обложкой. Джоанна пришла к выводу: она должна радоваться, что счастливо и относительно спокойно прожила первую половину дня, и её имя ещё не треплют на каждом углу школы. Впрочем, по гадостной улыбке брата и сестры Мэллоев, смотревших ей вслед, когда она убегала от них, можно было бы предположить, что надолго это благословенное затишье не растянется. Однако, пока у неё были в запасе спокойные минуты, она употребляла их на то, чтобы наблюдать за приёмной дочерью своего сводного брата, благо что та ни разу не взглянула в сторону Джоанны и не проявила к ней никакого интереса даже тогда, когда математика закончилась, и одноклассники заключили новенькую в плотное кольцо.

Мелисса Эстелл совсем не походила на ту невероятно популярную красавицу, лучшую ученицу школы, какой Джо-

анна себе её представляла. Худая рыжая девчонка с угрюмым видом прошла мимо, даже не сказав банального: «Привет»... Но хуже всего было не это, а то, что Джоанна вынужденно осталась наедине с теми, кто уже изготовился пожирать её нервы в течение, минимум, половины семестра. Девочка тяжело вздохнула и исподлобья посмотрела на Барбару Мэллой, которая явно намеревалась сказать какую-нибудь гадость. И, естественно, она её сказала. Ткнув в Джоанну пальцем, Барбара повернулась лицом к кольцу из одноклассников и громко объявила:

– Эй, смотрите все, кто к нам пожаловал! Это же наша ба-стардесса Санчайз! Эй, Санчайз, а как поживает твоя матушка? До сих пор ищет себе богатого мужа, который бы на ней женился?

– Во-первых, – сказала Джоанна, отпихивая в сторону руку Барбары, – я не Санчайз, а Эстелл, и во-вторых, не смей говорить гадости о моей матери! Ясно?

Барбара выпустила губы в трубочку по-утиному и дробно рассмеялась.

– Слышали? – спросила она у своих подружек. – Наша знаменитость требует, чтобы мы называли её Эстелл. Слушай, – она наклонилась к Джоанне ближе, – а почему мы должны это делать? Твои родители даже не женаты! Может, твой папаша не взял за себя твою мамочку потому, что сомневался, от него ли она тебя родила?

– Замолчи, Барбара! – крикнула Джоанна, чувствуя, как

краска заливает ей щёки.

Хохотали уже почти все в кругу одноклассников, но особенно усердствовали Мэллой со своей свитой, которая ржала так громко и задорно, что этого хватило бы на компанию втрое большую, чем у них. Куда бы она ни посмотрела – на неё глядели ухмыляющиеся лица и звучал непрекращающийся смех. Джоанна зажала уши ладонями – но ей казалось, что те, кто унижали её перед лицом всей школы, забрались к ней в голову и радостно устроили в ней концерт. Она не могла противостоять стольким людям сразу. Ей оставался только один выход: убежать отсюда... как можно дальше! Ей стоило огромных трудов не разреветься там, перед гогочущими мальчишками и девчонками, с которыми ей предстояло учиться. Её сдерживало лишь холодное понимание неизбежности: если бы она дала слабину ещё там, то потом ей не дали бы даже спокойно вздохнуть, уже зная, где у неё уязвимое место и с какой силой стоит по нему бить. Протолкавшись между рядами одноклассников и одноклассниц, которые бросали ей в спину обидные замечания, Джоанна убежала в женский туалет, где и прорыдала до начала следующего урока.

Она не знала, как сможет это вытерпеть. Боясь показаться родителям на глаза и, не выдержав, рассказать им правду о своих мучениях, Джоанна не пришла домой на обед. Пока остальные ребята весело смеялись в столовой или с аппетитом жевали вкусные сэндвичи, принесённые из дома,

она пряталась в школьном дворе за стволом старой раскидистой липы и яростно растирала покрасневшие глаза. Никто не должен был видеть, что она плакала! Никто! Иначе ей здесь придётся несладко, хотя... казалось бы, насколько хуже ей может быть в этой школе? Умом Джоанна понимала: это далеко не самое ужасное из многогранного выбора разнообразных унижений, которым её могли бы подвергнуть, и она обязана была благодарить судьбу за то, что её не пытаются засунуть головой в унитаз или не нападают из-за угла школы с выставленными вперёд острыми ногтями, как на некоторых её знакомых.

«Но я даже дня тут не проучилась, откуда мне знать: вдруг самое страшное ещё впереди?»

За этими грустными мыслями для неё медленно прошёл обед. Услышав трели звонка, доносящиеся из раскрытых школьных дверей, Джоанна встала и нехотя поплелась на занятия. Позади неё, как она видела через плечо, трусила Габриэль Хаэн. Габриэль закинула на плечо целлофановый пакет, в котором явственно просвечивались аппетитные контуры булочек. Почувствовав, как у неё забурчало в животе, Джоанна пожалела, что не пошла домой пообедать. Теперь ей приходилось высидывать занятия, слыша, как её некормленный желудок издаёт дикие вопли, напоминающие рёв кита. Барбара Мэллой со своими подружками, сидевшие неподалёку, весело хихикали и толкали друг дружку локтями, когда из живота Джоанны снова доносилась тоскливая рула-

да. Постепенно скрытое веселье охватило весь класс, за исключением сестёр Хаэн, которые со степенным видом следили за ходом урока, и Мелиссы Эстелл. Но Мелисса вовсе не пыталась таким образом поддержать свою родственницу, хоть Джоанне и хотелось в это поверить. Нет, Мелисса всего лишь спала, подложив под голову толстый учебник английской истории вместо подушки. Лицо она спрятала за волосами, но изредка, когда она беспокойно дёргалась под возвышающийся голос преподавателя, становилось заметно, что глаза у неё закрыты. Джоанна посмотрела на Мелиссу и горестно усмехнулась про себя: «Если бы меня когда-нибудь тоже смогли оставить в покое, как её...»

Из-за злорадного хихиканья свиты Мэллой с ней самой во главе Джоанне никак не удавалось сосредоточиться на уроке, из-за чего, как она сама и считала, она совсем ничего не запомнила, кроме домашнего задания. А Барбара не прекращала смеяться исподтишка ни на секунду; вдобавок к этому она ещё и строила у себя за партой разнообразные гримасы, словно дрессированная мартышка, и эти гримасы, очевидно, веселили оставшихся учеников. Джоанна, конечно, должна была радоваться, что к ней на парту, в отличие от Мелиссы, не летят бумажные шарики, вымазанные в жвачках, которые Барбара и Джессика Лоуренс, её верная подпевала, успевали сжевать в рекордно короткие сроки. Так как Мэллой со своими подружками заняли стратегически важную позицию в самом отдалённом углу класса,

а их учитель истории, господин Джефферсон, был глуховат, им удавалось развлекаться на полную катушку. Только Джоанне не хотелось веселиться, ведь смеялись над нею. Она в нетерпении ёрзала на стуле, прокатываясь кончиком ботинка по полу, и с тоской поглядывала на монументальные часы с изящными позолоченными стрелками, которые висели над доской, где размашистым почерком мистера Джефферсона были выведены ключевые даты правления королевы Анны. Джоанна покусала ручку и попыталась сосредоточиться: до окончания урока оставалось ещё целых томительных полчаса. Её взгляд бесцельно бродил из стороны в сторону, несмотря на все её старания обуздать себя и не реагировать на змеиный шёпот Барбары, доносившийся из дальнего угла. Барбара напевала сквозь крепко стиснутые зубы:

– Джоанна... Джоанна... Джоанна... У моей матери завлялось где-то старое свадебное платье... Хочешь, могу продать его за бесценок твоей матери, чтобы она, наконец, смогла прийти в загс в приличном виде!

Туповатый Гордон Фэй, хотя у него на лице было написано признание в крайней степени идиотизма, и то что-то понял и испустил тихий грубый смешок. Джоанна почувствовала, как на ресницах повисла предательская слезинка, и быстро отвернулась, чтобы Барбара не успела этого заметить. Мистер Джефферсон неожиданно повернулся к классу, прекратив с бурной жестикуляцией читать им историческую лекцию, и постучал указкой по исписанной доске (ребята сра-

зу встряхнулись и сделали вид, будто в течение всего этого времени заворожённо слушали о временах королевы Анны и откладывали некие знания в свои мозги). Сухим скрипучим голосом, который навевал тоску уже после минуты его прослушивания, мистер Джефферсон объявил:

– Послушайте все! Через неделю планируется экскурсия в Британский Музей... Те, кто собирается поехать, завтра должны принести мне вот эти бумаги с разрешением родителей.

Из задних рядов поднялась рука Ооны Хаэн:

– А если разрешения... ну, не будет?

– Тогда Вам придётся остаться здесь, мисс Хаэн, – чуть вздохнул мистер Джефферсон.

С необычной скоростью для такого круглого шарообразного тела он промчался между партами, раздавая разрешения. Мелисса к тому времени уже не спала: сонно протирая глаза, она пыталась сообразить, что происходит, и осторожно спихивала со своей парты скомканные записки Барбары с компанией. Вдалеке полетели надрывные звуки школьного звонка, и Джоанна торопливо вскочила на ноги, забросив рюкзак сумки на плечо, в тот же момент, когда мистер Джефферсон сказал:

– Всё, вы свободны, можете идти! Не забывайте о своих разрешениях...

Джоанна ускорила шаг, слыша, как спиной у неё стремительно движется вдогонку свита Барбары. Та громогласно

хвасталась:

– О, у нас дома некоторые комнаты можно сдавать музеем за бешеные деньги... Да, отец закупает антиквариат прямо с раскопок... Он же не такой неудачник, как некоторые, – с фирменной ненавистью процедила она сквозь зубы, обращаясь к Габриэль.

– Зато мой отец не похож на унылого угря, которого собираются подать к столу, – сказала она, надменно вскинув голову.

– Что? – лицо Барбары начало наливаться краской. – Да что ты понимаешь, Хаэн? У устриц больше мозгов, чем у тебя!

– Спасибо, – степенно откликнулась Габри и прошла мимо с гордым видом.

Но Джоанне прекрасно было видно, что, хоть она и пытается казаться невозмутимой, на душе у неё совсем не спокойно. Джоанна протянула руку, вдруг задумав её окликнуть, но тут же изменила свои намерения.

«Проблемы Габри – это не мое дело, точно так же, как и Габри нет дела, что меня кто-то обижает, – мысленно втолковывала себе Джоанна. – Разве Габриэль хоть чем-то помогла мне, когда Барбара унижала меня у всех на глазах? Нет, она всего лишь сделала надменное и скучающее лицо и ушла, не вступившись! Да она и не обязана этого делать, так что обижаться на неё не имеет смысла».

Джоанне вспомнились слова, которые отец часто говорил

ей после того, как её документы забирали из очередной школы. Энтони Эстелл произносил свою коронную фразу, намеренно растягивая слова и удлинняя между ними паузы. Но это короткая и ясная фраза навсегда отпечатавалась в памяти у его дочери, точно клеймо – на коже каторжника.

«В этом мире каждый сам за себя».

«Каждый сам за себя, – повторяла Джоанна про себя, когда вышла на улицу, и на неё хлынул мощный поток дождевой воды. – Ты прав, папа. Ты всегда оказываешься прав, а я продолжаю пытаться как-то опровергнуть твои слова, хотя мне уже давно должно было бы стать ясно, что это невозможно».

Она вышла за ворота школы и быстрым шагом пошла по мокрому асфальту. Серая стена дождя шумела у неё за спиной, надвигаясь на город, который мирно расстилался вокруг, не зная и даже не пытаясь догадываться, что ждёт его на следующий день. Бумажку с разрешением Джоанна крепко сжимала в руке, хотя знала, что всё равно ничего не скажет родителям об экскурсии в Британский Музей. Ей совсем не хотелось провести целый день, разглядывая экспонаты под ехидное комментирование Барбары Мэллой. «Наверняка в классе найдётся хотя бы пара человек, которые тоже останутся, например, те же сёстры Хаэн», – утешила она себя. Подумав об этом, Джоанна выше подняла над головой зонтик, который предусмотрительно захватила с собой из дома, и зашагала по стремительно расширяющимся

лужам.

* * *

За окном шумели и ревели дождевые потоки, с грохотом, похожим на рычание разбуженного монстра, падающие с крыши на асфальт и растекающиеся по нему неправильными лужицами. Перед домом, где жила Джоанна, расходились в стороны подрагивающие водяные круги. Странно, но её место жительства местные жители, вопреки установившимся между ними всеми фамиллярным отношениям, называли строго официально: «Дом номер 12 по Зелёной улице». Дело было в том, что они никак не могли решить, как же стоит его называть иначе. Здесь проживала ненавистная им пара, не оформившая свои отношения перед лицом закона, и у них был ребёнок, которому они дали фамилию Эстелл. Жители Литтл-Мэя разделились на два лагеря: первый, набравший в своё число самых непримиримых борцов за сохранение нравственности, твердили, что, раз Джилл не замужем за Энтони, то её дочь должна носить фамилию матери; стало быть, в семье живёт всего лишь один Эстелл и сам дом должен называться домом Санчайзов. Второй, более умеренный, считал, что жители этого дома сами должны решать, как им его называть. Но Джоанна одинаково ненавидела оба лагеря: потому что и в первом, и во втором всё было пропитано лицемерием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.